ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ

ВѢСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ VI—1868.

КНИЖКА I.

ТОМЪ I.

ВИЛЬНА.
Въ Типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ въ зданіи Гимназіи противу Губернскаго Правленія.

1868.

Дозволено Цензурою 7-го марта 1868 года. Вильна.

I.

№ 1.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Духовное завѣщаніе князя Льва Сангушки. 1571 г.

Лѣта Божего нароженя 1571 мца генваря 27 дня.

Передо мною Павломъ Григоріевичемъ Оранскимъ на тотъ часъ будучимъ подстаростимъ володимерскимъ будучи мне за писаньемъ листу и прозбою велможного князя Его милости Князя Льва Александровича Сангушка Кошерского въ замку Его в камени и въ тотъ часъ при мне былъ писарь кгродскій володимерскій Якимъ василевичъ а возны земски повету володимерского Иванъ Ивановичъ Летинскій там же Е. М. князь Левъ Александровичъ Сангушко Кошерскій року теперъ идучою по нароженю Исуса Христа сына Божого тисечного пятсотного семидесят перваго мѣсеца Генваря 24 дня будучи отъ Бога створителя форобою навежонъ за целого розуму своего и доброе памети не будучи ни отъ кого ничимъ примушонъ одно паметаючи на часъ смертельны и хотечи за живота своего о поховане тела своего но животе

своемъ где маетъ положоно быти и о опеку жоны своее кнегини Ганны Миколаевны остековны и сына своего князя Григорія и о именя свои отчизные и набытые и о тые о которые право вести и о листы привилея о скарбы мастрости и иншне всѣ речи ведомость певную вчинити якъ и которымъ способомъ по животе Е. М. мело бы се заховат доброволне и устне вызнал тыми словы: ижъ я будучи зиятъ не малою форобою и помнечи на то ижъ де" человекъ так хоры" яко здоровы" на кожды" часъ смерти па себе певенъ есть прото есть реч повинная кождому хрестианскому человеку абы за доброе памети своее через занисъ свой жону детей дом и всю маетпость свою вдобромъ порадку заставилъ а такъ я Лев Сангушко Кошерски поручаю на прод душу мою пану Богу всемогучому уфаючи тому же до фалы своее светое приняты рачитъ а тело мое грешное мает быти поховано вманастиру Мелецкомъ заложеня св. Миколы и што ся дотычетъ опеки тогды то чинячи за доброе намети из доброе воли моеи знаючи ку собе почавши з моихъ лѣтъ молодыхъ аж до сего часу щирую жичливость и милость Его Милости велможного князя Костентина Костентиновича Острозского воеводы Киевского Маршалка земли волынское старосты володимирского а также теж немне" брата моего кровного Е. М. велможного Романа Өедоровича Сангушковича воеводы Браславскаго гетмана дворнаго великого князства Литовскаго старосты Житомирского державцы речицкаго напродъ пану Богу а потомъ Е. М. велм. Кон. Константинову Острожскому воеводе Киевскому и Е. М. Князя Роману Өедоровичу Сангушку воеводе браславскому брату мому милому вопеку жону мою Княжню Ганну Миколаевну Остаковну и сына моего князя Григорія и ктому всѣ именя мои отчизные которые правомъ прирожонымъ по отцу моемъ небожчику славное памети князю Александру Андреевичу

Сангушковичу Кошерскому пришли так тежъ набытые и тые о которые право вести и ктому всѣ речи мои рухомые обема ихъ Милостямъ паномъ опекуномъ поручилъ и на тестаменте моемъ остаточную волю свою поддане" кождую речъ артикулами меновите росписавширосправивши такъ яко на то воля моя была листъ подписавши рукою моею власною и приложилемъ до него печать..... и приятелей которые при справованю того тестаменту были..... до рук моему милому брату князю Роману Федоровичу Сангушку дал на которомъ шире" и достаточне" доложоно есть также и тот тестаментъ Князю Роману.... от себе на то даны" передо мною и передъ писаромъ возныиъ повету володимерского имены первопоменеными показал которы" также очевисте при Е. М. самомъ увесь достаточне почивши съ початку ажъ до конца читанъ былъ и такся всобе маетъ:

Во имя светое Живоначальное нерозделимое Троицы Отца и Сына и Светого Духа станся Аминь. Я Левъ Александровичъ Сангушковичъ князь Кошерски будучи знят не малою форобою а помнечи на то ижъ кожды" человѣкъ такъ хорый и яко здоровы" на кожды" часъ смерти на себе певенъ есть прото есть речь повинная каждому христианскому человеку абы за доброе памети своее чрезъ записъ свои жону дети домъ и всю маетность свою вдобромъ порядку зоставили а так я князь Левъ Сангушко Кошерски поручаю напрод душу мою пану Богу всемогучому уфаючи тому же ее до фалы своее святое приняти рачитъ а тело мое грешное маетъ быти поховано въ монастиру мелецкомъ заложеня св. Миколы а штося дотичетъ опеки тогда то чинячи за доброе памети и з доброе воли моее знаючи ку собе почивши з моихъ лет молодыхъ аж до сего часу щырую зычливость и милость Е. М. князя Константина Конст. Острожскаго воеводы Киевского маршалка земли волынское а так-

же тежъ не мене“ брата моего кровнаго Е. М. князя Романа Федоровича Сангушковича воеводы браславского Гетмана дворного Великого Княжества Литовского старосты Житомирского державцы Речицкого и напродъ пану Богу а потомъ Е. М. князю Константину Константиновичу Острожскому воеводѣ Киевскому и Е. М. князю Роману Федоровичу Сангушковичу воеводѣ браславскому брату моему вопеку жону мою княгиню Ганну Миколаеву Остикову и сына моего князя Григоря и ктому всѣ именя мои отчизные которые правомъ прирожонымъ по отцу моему небожчику славное памети князю Александру Андреевичу Сангушковичу Коширскомъ пришли тактежъ набытые и тые о которые правовати меновите съ паномъ Юремъ Остикомъ воеводою Мстиславскимъ старостою браславскимъ и братомъ его паномъ Григоремъ Остикомъ такъ тежъ съ паномъ Миколаемъ Сопегою воеводичомъ Новгородскимъ почалемъ и ктому всѣ речи мои рухомые золото серебро перла Кле“ноты кони брою шаты обема ихъ милостямъ паномъ опекуномъ выше“ въ семъ тестаментѣ моемъ менованымъ поручаю вмоцъ и шафованіе даю до того часу ажъ сынъ мой князь Григоре лѣтъ зуполныхъ додетъ тогда Ихъ Милось панове опекунове... вси именя и речи рухомые вцелостъ повинны будутъ сыну моему князю Григорю вернути вмоцъ держаня и шафоване подать а штося дотычетъ хованя сына моего князя Григоря того маетъ якож за прозбою мою то мне обецати рачилъ ЕМ. князь Романъ Федоровичъ Сангушко воевода Браславскій споломъ (вмѣстѣ) съ сыномъ своимъ княземъ Федоромъ ховати злаща влетехъ детинныхъ власково“ а милостиво“ опеки и науце его маючи вдому своемъ. А ку тому вси права привилея листы и твердости которые суть на именя мои тые маютъ быть вехованю вдому ЕП. князя Романа Федоровича воеводы браславскаго Сангушка до лѣтъ сына моего кня-

зя Григоря а гдѣ сынъ мой лѣтъ зуполныхъ доростетъ повиненъ будетъ ЕМ. князь Романъ Федоровичъ Сангушко воев. брас. братъ мой оные вси листы права привилея и твердости вернути и до рукъ подать сыну моему князю Григорю. А ижъ як ся выше поменило естъ кожды чоловекъ смертельный и потреба абы на прышлые часы бачность мелъ а для лепшое" твердости тые речи пришлые писмомъ обваровалъ и умоцнилъ а так я князь Левъ Александровичъ Сангушковичъ Кошерски" ни щыее намовы одно самъ здоброе воли и здоброе целое памети на то ижемъ естъ кровлю братерскою здавна зацныхъ предковъ нашихъ дому Сангушкова зъ ЕМ. княземъ Романомъ Сангушковичомъ братомъ моимъ злучоны" и уживоючи одного герба маючи близкое зкревнене межи собою а што большого знаючи еще якомъ вышей поменилъ ку собе по всѣ часы упрямую а щырую хуть и милость брата моего ЕП. князя Романа а помнечи на тотъ домъ Сангушковъ абы ся неумнешивалъ але и овшемъ ее роземножалъ и розширая маючи тежъ и то перед собою ижели есть воленъ отчизною своею и всею маетностию шафовати или дати продати даровати и кому хотечи водлугъ воли своее записати чого насъ и право посполитое уфала сему берестеского учитъ хочу то теды мети и абы то такъ а не инакъ на вечные часы было т. е. Еслибы Панъ Богъ зволи своее по моемъ животе и на сына моего князь Григоря буд летъ недорослого або и дорослого смертъ допустити рачилъ так ижбы безпотомства и незаведши никому записомъ ани тестаментомъ имене" своихъ тогди имене тое камень замокъ и место дворъ Олбле зселомъ и людьми селе Глушка село Ведерти село Ворокомле село Пелицы которое имене камень истыми всими селы къ нему належачими лежитъ вповете володимерскомъ *) кутому замок кошеръ з местомъ также ле-

*) Древнее мѣстечко камень—Коширскій находится нынѣ въ

жачи“ вповете володимерскомъ з селы ку нему прислухаючими меновите село кошеръ стары“ Городелецъ перевѣсъ красноставье и тупалы дворъ то“ мезовъ ку кошару прислухаючи из селы то есть Мозовомъ с Черемшанкою з Борзовою и селищомъ. Также тежъ имене мое лежачое вповете Луцкомъ Горуховъ **) замокъ и место и села к нему прилежачие яко село Рачинъ завидовъ Воля завидовская озерца Куты Марковичи дворъ Конюхи з селомъ Конюхскимъ село Млыновъ, защитовъ Белое поле, стары“ Горуховъ, стары“ ставъ и залесцы которые имена всѣ... зо всѣми пожитки якоколвекъ меноваными изо всѣми Кгрунты до нихъ належачими збояры и з ихъ именями з слугами кутными з людми тяглыми и данными изо всими ихъ повинностями с цыншами грошовыми жытними и зовсими зроботами и зовсякими податками с полями ораными и неораными сеножатями злесы зпущами з га“ дубровами з запусты и з зарослями з ловы звериными и пташими зозеры зреками з ставы з ставищми з млыны и з ихъ вымелками и зовсемъ..... Ем. к-зю Роману Федоровичу Сангушковичу воеводе браславскому Гетману дворному великаго княжества Литовскаго старосте житомирскому державце рочицкому брату моему даю дарую ему самому и потомкомъ его симъ моимъ тестаментомъ вмоцъ и держаніе и вживаніе вечными часы ничого незоставуючи... А штосе дотыче жоны мое „княгини Ганны Миколаевны

Ковельскомъ уѣздѣ, лежитъ отъ Ковля на сѣверъ въ пространствѣ около 40 верстъ, а отъ Мѣлецъ около 20 верстъ. Оно недавно принадлежало графу Красицкому, у котораго въ настоящее время, кажется, купилъ помѣщикъ Орда, въ немъ есть три древянныхъ церкви и одинъ костелъ.— Кошеръ—нынѣ два села: старыя и новыя кошары на западъ отъ Ковля въ 10 верстахъ. Въ старыхъ кошарахъ, принадлежащихъ православному помѣщику Кузминскому, есть слѣды укрѣпленій, бывшихъ около замка князей Сангушковъ.

*) Горуховъ нынѣ Гороховъ—графа Тарнавского—одно изъ лучшихъ мѣстечекъ, въ 8 верстахъ отъ Галиціи на югъ, отъ Владиміра въ 45 верстахъ.

Остиковны тую поживоте моемъ оставую на именю моемъ лежачомъ вновете слонимскомъ на Косове которое имене маютъ е“ Ихъ милостивые панове опекунове.... подати в моцъ до вживаня зовсемъ.... Маетъ жона моя Ганна Миколаевна Остиковна на томъ имeню Косове до скончения живота своего житы.... а по смерти мает тосе имена зовсемъ прити на сына моего Григоря на вѣчные часы. А еслибы панъ Богъ на сына моего Григоря смертъ допустилъ тогда тое имѣня Косовъ зо всѣмъ.... маетъ прити на его милость пана Юря Остика воеводу Мстиславскаго старосту браславскаго и на браты его Юря Остика и на потомкова ихъ па вѣчные часы. А штося дотычетъ именя моего любча которое я маю на вѣчность отъ тещы мои Ганны Романовны княжны Любецкое и тое имене мое Любче зо всѣмъ на все якося маетъ само всобе яко часть которую я мел на вечность такъ и тую часть которую Ее милость пани теща моя всуме пенезе“ мѣла отъ пана Остафья Воловича пана Троцкого по смерти мое“ маетъ быти отъ пановъ опекуновъ Ее милости кнезне Ганне Романовне княжне Любецко“ тещи мое“.... А ктому тежъ я Левъ Алек. Сангушко не знамовы чиее але з милости кровное славного и зацного дому нашого Сангушковичова маючи на памети князя Андрея Григоріевича Сангушковича Ковельского ихъ есть братъ и новинны кревны“ мо“ прето.... еслибы сынъ мо“ Григори“ зошол з сего свѣта.... тогда я ему записую симъ моимъ дестаментомъ даю и дарую вечными часы имене мое вповете Луцкомъ которое на... по отцу моемъ Александрѣ Коширскомъ спало меновите Перемыи замок и села к нему належачие яко Смолево и тежъ Боремское села Вербное Гумнища обчо и Волька зо всими кгрунты.... Если ему Богъ дастъ жону и знею потомковъ тогди на потомки сго зо всѣми пожитки даю...... Ознамую тежъ я Левъ Александровичъ Сангушко и женъ далъ

слузе и богомолцу моему отцу Семену Игумену при замку моемъ село мое Марковичи на выховане которое село мають ему по смерти мое" панове опекунове до держаня поступити и нодати а онъ доживотя свое маеть тое село въ держаню своемъ меши и во вшелякихъ пожиткахъ уживати а по его животе опять тое село Марковичи маеть быти привернено ку замку моему Горуховскому. Ознамую тежъ я Левъ Сангушко Коширски" в томъ волю мою ижъ конь мо" вороны" турецки" скочокъ и шабля оправная нозлотистая которую мою отъ Володимера Заболоцкого по смерти мое" маеть быти дана Е. М. князю Роману Сангушковичу воеводѣ браславскому брату моему. А штося дотычеть именя моего Лушнева которое на тотчасъ держить панъ Микола" Сопега воеводичъ Новгородски" ино то ихъ милость панове опекунове внего правомъ выисkивати мають, а если бы сынъ мо внедорослыхъ летехъ з того света зшолъ тогды тое имена Лушневъ маеть быть вечне въ держаню у тетки моее Ее милости пани Михолаевые Сопежиное воеводичовое Новгородское пани Ганны Андреевны княжны Коширское Каменицу мою у Вилни которую князь Павелъ Соколинеки" подкомори" витебски" взявши кгвалтомъ держить опекунове мають того правомъ доходити а штобы ея справа оказало князю Соколинскому платити того мають..... При тестаменты семъ были Юре" Тышкевичъ ротмистръ Е. К. М. панъ Семенъ Дроздѣнски" панъ Янъ Внучко. Панъ Станиславъ Держановски". Писанъ у Каменѣ лѣта отъ нароженя сына Божого 1571 мца генваря 23 дня (б).

Вѣрно съ копiею, списанною изъ книги градской города Вла-

(б) Левъ Сангушко умеръ того же 1571 г. и погребенiе его совершилось въ монастырѣ Мѣлецкомъ 18 февряля.— Въ томъ же году умеръ и погребенъ въ Мѣльцахъ Романъ Федоровичъ Сангушко. При погребенiи Романа присутствовала жена Каштеляна Новгородскаго старосты Слонимскаго Воловичовая Григорiевая [отечество ли или мужъ Воловичъ Григорiй?] Магдалина изъ Сангушковъ, которая, какъ тетка, приняла въ свою опеку Ковельскихъ Сангушковъ Андрея и Өеодора Григорiевичей. [№ 185 градской влад. книги] за 1571 г.

дяміра за 1571 годъ. Священникъ города Владиміра вол. церкви Василіевской Даніилъ Левицкій.—

Примѣчаніе. Точки означают слова непрочитанныя или вытертыя. Въ книгѣ слова: князь, Его Королевская милость, Его милость пишутся или подъ титлами, а по большей части безъ титловъ, полно; твердый знакъ иногда ставится на концѣ словъ, имѣющихъ согласныя буквы, а иногда и большая часть словъ безъ твердыхъ знаковъ, но часто твердый знакъ ставится и посрединѣ слова. И краткое вездѣ замѣняется кручкомъ или двумя чертками. Число года и мѣсяца написано словами.—№ 11, поставленный въ началѣ сего тестамента, означать, что этотъ тестаментъ записанъ въ книгѣ подъ этимъ номеромъ стр. 297 земской владимірской книги за 1602 годъ. № 206.

2.

Духовное завѣщаніе Григорія Львовича Олгердовича Сангушко. 1602.

Уписане тестаменту княжати Его Милости Коширского. Року 1602 юня 26 дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ володимерскихъ ветри недели по свето" Троице свята Римского вроку звышъ менованомъ прыпалыхъ и судовне отправовати начатыхъ передомною Заленскимъ судею земскимъ володимерскимъ и подсудкомъ Григоремъ Киселемъ...

Во имя Боже Аминь. Ижъ за грехомъ пришла смерть на свѣтъ. Которо" жаденъ человекъ минути не можетъ, а претожъ здоровы сподиватися мусить хоробы а хоры" смерти для чого Панъ и Збавитель нашъ каждого з насъ учитъ и напоминаетъ абысми были чуйными кгдыжъ ани часу ани дня ани годыны неведаетъ кгды день приде а приде поведает яко злоде" и для тогожъ маемъ быти завжды готовыми и опатроными а ижъ вшелякне речи часъ гаситъ и взапаметане приводитъ змыслъ и розумъ то" людски" вынашолъ жебъ то долго паметано мети хочутъ то на писми потомству своему и вѣкови пришломy зо-

ставують а праве якъ бы з рукъ до рукъ подають прожто и я Григоре Олкгирдовичъ (Олгердовичъ) Сангушко Львовичъ Кошерски Кашталянъ браславски помнечи ижемъ есть з родичовъ смертельныхъ зрожоны" сподиватися мушу на кажды часъ смерти а затимъ о не" мыслить а мышлячи о добромъ с того света своимъ зы"стѣ и о праве радномъ дому своего радити есми за часу повиненъ а бачечи я великую уломность и недостатокъ здоровья моего для которого поратованя и опатреня до Судомѣра для доктора ѣхати умыслилемъ зачимъ хотячи домъ сво" так яко се годитъ человекови крестианскому за доброго розуму и цѣло памети розрадити и жону дѣтки и маетность свою всю тымъ тестаментомъ остатное воли моее в доброму порадку и шафунку зоставити всѣмъ вобецъ и кождому зособна кому бы того потреба ведати была або читаючи то слышати нынешнимъ и на потомъ будучого веку людемъ ознамую тымъ тестаментомъ остатнее воли моее ижъ если бы панъ Богъ подъ то" часъ хоробы моее на меня смерть допустити а мене до фалы своеи по волат рачилъ теды на перве душу мою поручаю Пану Богу въ Тро"цы единому въ святую опску его а тѣло мое грѣшное землѣ вкоторо" отночивати будетъ ажъ до оного остатного дня судного на которы" часъ оживши втимъ а не инымъ тѣли очима своима огледаю Бога избавителя моего и услышу дастъ Панъ Богъ голосъ его веселы" и декретъ которымъ ми станути каже на правици свое" и поти з выбранными своими до оныхъ давнозготованыхъ своихъ небесныхъ радосте" которые ведлугъ звычаю и обходу закону греческого крестианского уцтыве маетъ быти через малжонку мою милую княжну Зофѣю зголовчина Кошерскую Кашталяновую браславскую нохованo вмаетности мое Горухове которо" то малжонце мое" мило" такъ дѣтки мои з нею спложные то есть сына адама идѣвки Александру и Ганну и

если бы еще болше што Панъ Богъ потомства дати рачилъ яко тежъ и всю маетность лежачую и речи рухомые если бы якие были албо потомкови моему належали вмцоъ и владзу и опеку цалую зуполне отдаю и поручаю которыхъ то дѣвок моихъ замужъ выдаване если имъ то Панъ Богъ презрити рачил и посагомъ отправоване никому иншому не належитъ и належити не будетъ толко меновано малжонце" мое" мило" еднакоже спорадою и ведомостию Ихъ Милости Пановъ опекуновъ ниже втимъ тестаменти моемъ менованыхъ што ее дотычет посагу теды кождо з нихъ з особна малжонка моя мила дати маетъ и повинна будет з маетности мои посагу з выправою по тридцати тисечи золотыхъ полскихъ а если бы Панъ Богъ которую дѣвку мою стого свету безпотомне взяти рачилъ теды менованого посагу на змерлую належа чого половица то есть петнадцать тисячъ золотыхъ полскихъ на сына своего Адама также если бы другого сына Панъ Богъ дат рачил а другая половица на другую дѣвку мою зостават и спадати мает ктого докладаючи ижъ еслибы на малжонку мою милую Панъ Богъ часъ смертелны допустити рачилъ перве нежли менованые дѣвки мое албо которая з ныхъ замужъ черезъ малжонку мою выдана будет теды малжонка моя милая тотъ посагъ дѣвкамъ моимъ належачи на маетностехъ моихъ лежачихъ на которыхъ кольвекъ сама малжонка моя будетъ хотѣть указать и будь записомъ будь тежъ тестаментомъ своимъ записат и упевнит и опекуны такъ теперишние тымъ тестаментомъ менованные яко и иншие которые она сама оберетъ назначити мает моцна и волна будет до которыхъ маетносте" такъ менованые опекуны яко и сынъ мо" адамъ и еслибы другого сына Панъ Богъ дати рачилъ ничого мети немогъ а вперве посагъ дѣвкамъ моимъ заплаченъ будетъ—до того дня ратунку и обороны и радного обмышлеваня о добромъ

малжонки идеток моихъ милыхъ также и маетности моихъ опекунами назначаю и описую ихъ милость моихъ милостивыхъ пановъ и приятельства винныхъ велможного Ем. пана Яна Королуса Ходкевича кграбе зешклова и мышина Быхове старосту енеральнoго земли Жомонтское велможного Ем. пана Марка Собеского воеводу любелского и велможного Ем. пана Станислава Жульковского Каштеляна а Лвовского Гетмана Полпого Коронного о которыхъ такую уфность маю же ми... сто яко з рече“ слушныхъ и крестьянскихъ вымовлятся не будутъ рачили ошто ихъ милость барзо велце и унижоне яко нанилне прошу— до того дознавши я великое и упримое виры и милости до себе отдаванемъ вшелякихъ повинносте“ малжонки мое милое княжны Зофии Зголовчина Сангушковое Кошерское а хотечи е“ то надгородити а собе и деткам своим онную хутлившую и на нотомъ учинити з упримое хути и милости моее ку не“ маетность мою набытую вповете луцком лежачую которуюм я з нею малжонкою моею сполечне пабыл то есть двор и село Полоную великую под Луцкомъ село Городище село горков село Баевъ село Оздоръ двор и село Коршовъ зовсими кгрунты фолварками млынами зъ ставами пущами людми боярами поддаными зъ ихъ подачками и повинностями зовсимъ на все отъ мала до велика так много широко долго и вокол яко ее тая маетность сама всобе вножиткахъ вграницахъ вмежахъ и обиходехъ своихъ здавна мела теперъ маетъ и напотомъ мети будет ничого на собе и на потомки свое не вымуючи анизоставуючи малжонце мое“ мило“ княжне Зофии Зголовчина и потомкомъ ее поживоте и зы“штью моемъ даю дарую и на вечные чсы тымъ тестаментомъ остатнее воли моее записую якожем и право свое на тую маетность служачое все ничого на еебе незоставуючи меновано“ малжоице мое“ до рукъ ее отдал а што ее достычетъ ма-

етности Зименское то есть замку и села Зѣмна двора и села Менчицъ двора и села Маркового ставу села Кропивщины и села Горичова вповѣте володимерскомъ лежачихъ которые то маетности его милость княжа Юре Михаловичъ Чорторнски мне и малжонце мое" княжне Зофии Зъголовчина правомъ заставнымъ в сумѣ иснезе тридцати и водно" тисечи золотыхъ полскихъ до сороку лѣтъ отдати водлугъ листу заставного пустил теды тую всю маетность звышъ менованную зо всими записами на тую маетность служачими зо всѣми кондициями пунктами клявзулами в тыхъ записехъ достаточне описаными малжонце мое" мило" Княжне Зофии Зъголовчина даю дарую и тымъ тестаментомъ остатное воли своее вѣчне и на вѣки записую ничого на себе и на потомки свое незоставуючи а ни вымуючи и все право свое на тую маетность и держане меновано малжонце мое" отдалем волно будетъ е малжонце мое" мило" такъ при животе яко и поживоте свое так яко ее выше помениło шафовати по части и огуломъ кому хотечи записати отдати продати даровати и яко своими власными водле воли и уподобаня своего оборочати а втом е" малжонце мое" мило" ни хто с потомков моих жадное нерешкоды чинити не маетъ и моци мети не будет а до того при всихъ доживотяхъ своих также и сумахъ пенежныхъ от мене е" малжонце мое" на маетностях моих записаныхъ менованую малжонку мою ведле прав се на то служачихъ цале и зуполне зоставую такъ яко о том шире записы е на то отъ мене даные обмовляютъ которые я тымъ тестаментомъ остатнее воли во всемъ цале утвержаю и умоцняю долги мое малжонка моя милая водле реестру моего е" зоставленого з маетности моее платити маетъ и повинна будет также теж маетности мое заставные даю в вѣчность малжонце мое" мило" окуповати и до рук своих отбирати и оные

держати и доживота своего з иншими маетностями оныхъ уживати а штосе дотичетъ слугъ моихъ такъ тыхъ которые зласки моее и малжонки моее в маетностяхъ моихъ мешкаютъ и сумы нѣкоторые маютъ яко о тыхъ которые маючи одмене обетницу на городы за службы свое оное неотнесли теды даю волность малжонце мое" мило" водле баченя ее нагороду онымъ чинити и маетностями моими ведлеже уваженья службъ оныхъ опатровати и сумы на нихъ записывати которые то таковые записы якотеж и тые воли бы малжонка моя выплачаючи долги мое кому якую маетность мою заставила и записи якие колвекъ починала и долги на маетности мое якиежъ колвекъ внесла албо вносила на кождомъ местцу важны и моцны быти маютъ а правомъ ее вшелякимъ и доживотю таковы шафунокъ ничого шкодити заважати и делетовати не маетъ и моци мѣти не можетъ и овшемъ таковые записы черезъ нее учиненые и сумы на маетности мое внесеные при зуполно" свое" моцы зоставати маютъ чому нихто спотомковъ моихъ противенъ быти жаднымъ способомъ не маетъ и овшемъ обликгомъ ее о тое мѣри подлегати маетъ и повиненъ будетъ Штосе тежъ тычетъ слуги моего во"ны Порадничa которы" отъ малжонки моее певную суму пенезе" на маетностце защитове маючи оную маетность судержит теды то" с тое маетностки не мает быти скупованъ отъ малжонки моее милое и чи от кого иншого аж до животи его хиба бы самъ доброволне оно коли нравне уступити хотел до чого однак жадным правом ани примусом ни через кого никгды нияко примушон и притисван быти немает але то при воли его завжды зоставати мает кгдыж нам то добре и цнотливе заслужил и заслугует а вшакже с того мне и малжонце мое" до животовъ нашихъ служити мает и повиненъ будет водлугъ права и запису своего от насъ ему на

то даного. Шпитали въ кошару в Горухове в Перемылью и в Камени малжонка моя побудовати и потребими убогне водлугъ можности опатровати маетъ и повинна будет а по не“ потомкове мое на вѣки абы за душу мою Пана Бога просили и вспоминане чинили. А ижъ розное веры малжонка моя есть зомною теды церкве“ зо всихъ маетностехъ моихъ нигде псовати и пустошити и на свою вѣру оныхъ оборочати не маетъ и моцы мети не будетъ а если бы Панъ Богъ на малжонку мою милую часъ смертелны“ допустити рачилъ перве“ нежли дѣвки мое замужъ выданы будутъ и нимъ сынъ мо“ адамъ и если што болше потомства зоного Панъ Бо̀гъ дати рачит лѣтъ зуполныхъ додутъ теды даю волность малжонце мое‘ ‘так сторона опатреня выхованя дѣвокъ и сына моего и еслибъ другого Панъ Богъ дати рачил науки.... якотежъ исправъ на маетности мое“ служачихъ доходовъ з маетности приходячихъ и иншихъ вшелякихъ рече“ порядок таковы“ яко наслушне“ши быти может учинити и волю свою тестаментомъ своимъ oзнамити и варовати также тежъ и ихъ м. панъ опекуны так тымъ теперишнымъ тестаментомъ моимъ означоные яко если бы ее то малжонце мое“ мило“ здало и иншихъ на местце зоставити и в тымъ такъ поступити якося е“ малжонце мое“ мило“ налепе“ и напожиточне“ будетъ видило. Што все на кождомъ местцу важно и моцно мает быт а нихто ее тому противити не маетъ и моцы мети не можетъ вѣчными часы и на томъ далъ се“ мо“ остатнее воли тестаментъ спечатю моею и с подписомъ руки моее власное до которого сего тестаменту остатное воли моее ихъ милость паны и приятели мое тость панъ Иванъ Мышка Холоневски“ панъ Василе Холоневски“ панъ Якубъ Кгроховски“ и панъ Станислав Петровски“ за устною а очевистною прозьбою моею печати приложити и руки свое подписати рачили. Писанъ у По-

лоно“ року Божого нароженя 1601 мца Сентября 20 дня у того тестаменту печате притисненыхъ пять а подписъ рукъ тыми словы Hrehory Sanguszko Koszerski Castelan Brasławski.

Вѣрно съ копіею, у меня находящеюся. Свящ. Даніилъ Левицкіи.

Примѣчаніе. За подписью Григорія слѣдуютъ подписи свидѣтелей вышепоясненныхъ, которыхъ я за поспѣшностію не списалъ. По окончаніи у меня замѣчено, что за симъ тестаментомъ въ книгѣ находится другой тестаментъ того же Григорія Сангушки, писанный на польскомъ языкѣ и составленный 1602 г. марта 28 въ Несвижѣ. Не помню, было ли тамъ написано, что этотъ вторый тестаментъ составленъ въ подтвержденіе перваго, или же слова: „съ подтвержденіемъ“—мое собственное мнѣніе. Я писалъ эту копію 1851 года, когда приказано было весь архивъ владимірскій перевезти въ центральный кіевскій архивъ. Почему я разсматривалъ книги и списывалъ что мнѣ представлялось любопытнымъ съ большою торопливостію.

Свящ. Даніилъ Левицкій.

№ 2.

ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ВИЛЕНСКИХЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ЦЕРКВЕЙ.

1.

Королевская гранота виленскимъ священникамъ: Ѳеодору и Протасію на возобновленіе погорѣвшихъ ихъ церквей: Рождественской и Пятницкой, переименованной въ Богоявленскую. 1560 г.

Жикгимонтъ и пр.

Били намъ чоломъ богомольцы наши, попы мѣста Виленского: Рожественской Ѳедоръ, а Пятницкой Протасій, и повѣдили предъ нами, ижъ зъ Божого допущеня такъ третій рокъ, якъ мѣсто наше Виленское згорѣло; на онъ часъ и церкви тые двѣ, въ которыхъ хвала Божья бывала и за насъ господара вставичне Бога прошоно, погорѣли; и теперь дей тые пляцы пусто лежать,—бьючи чоломъ, абыхмо ласку нашу вчинили, а на тыхъ пляцѣхъ, гдѣ и первѣй церкви были, потомужъ звону церкви имъ побудовати дозволили. Мы зъ ласки нашое господарское на чоломъ-битье ихъ то вчинили и имъ на тыхъ старыхъ пляцѣхъ церкви побудовати дозволилисмо: гдѣ была церковь Светого Рождества, тамъ и теперь тогожъ заложеня церковь быти маетъ, а на томъ пляцы, гдѣ Пятницы была, тамъ церковь Богоявленя Христова заложена маетъ быти. И вже тые попы, вышей мененые, оные церкви збудовавши держати и въ нихъ службу Божую служити, а за насъ, господара, Бога проси-

ти и доходовъ своихъ, ку тымъ церквамъ належачихъ, вживати будуть. И на то есмо дали сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. Писанъ у Вильни лѣта Божого Нароженя 1560, мѣсяца Іюня 28 дня. Sigismundus Augustus rex. Янъ Тышковичъ, маршалокъ и писаръ.

2.

Обязательство о. Іоанна, данное имъ виленскимъ мѣщанамъ при вступленіи на должность священника къ виленской Петропавловской церкви. 1570 г.

Я Иванъ Александровичь, свещенникъ церкви Светыхъ Апостоловъ Петра и Павла на Зарѣчьи; въ мѣстѣ Виленскомъ, вызнавамъ тымъ моимъ листомъ, ижъ што ихъ милость панове бурмистры и радцы мѣста Виленского закону стороны Греческого, за жоданьемъ и просьбою моею, хлѣба кормленьемъ церковью Светыхъ Апостоловъ Петра и Павла въ мѣстѣ Виленскомъ осмотрѣли и дали; гдѣ я, будучи у томъ храмѣ Божественномъ, до живота моего маю и естемъ виненъ напередъ за здоровье его королевское милости, господара нашого милостивого, такъ тежъ за здоровье его светительское милости, преосвященного арцiепископа митрополита Кiевского, Галицкого и всея Руси, такъ тежъ—ихъ милостей пановъ радъ его королевское милости и пановъ бурмистровъ и радецъ и всихъ Православныхъ хрестiянъ уставичне Пана Бога просити. А будучи богомольцемъ господарскимъ и его милости отца митрополита и всихъ хрестьянъ, въ той церкви Божественной скарбу речей властивыхъ церковныхъ, такъ домовъ и пляцовъ, которые ку той церкви Божей принадлежать, и зъ чимъ мнѣ тая церковъ Божественная, водлѣ звычею давного, отъ ихъ милостей пановъ бурмистровъ и радецъ мѣста Виленского списана и подана будеть, або есть дана, то я обѣцую все, яко скарбъ церковный, такъ домы и пляцы до живота

моего въ цѣлости ховати и никому у въ обчіе руки не задавати, ани заводити и овшемъ хочу еще скарбъ церковный ширити и множити за наданьемъ православныхъ хрестьянъ, што мнѣ Збавитель Господь Богъ поможеть. И на то есми ихъ милости паномъ бурмистромъ, радцамъ и лавникомъ мѣста Виленского далъ тотъ мой листъ подъ моею печатью и съ подписомъ руки моее властное. А при томъ были и тому добре свѣдомы панъ Андрей Якурьяновичъ, уставникъ церкви соборное Пречистое Богоматере у мѣстѣ Виленскомъ, а панъ Иванъ Андреевичъ, писарь мѣстцкій шафарскій, которые за прозбою моею печати свои приложили къ сему моему листу. А надъ то ихъ милость панъ Андрей и панъ Иванъ ихъ милостямъ паномъ бурмистромъ и радцамъ мѣста Виленскаго и зъ стороны закону Греческаго по мнѣ прирѣкли и ручили, же я скарбу церковного, домовъ ани пляцовъ, утручати и ихъ никому заводити и продавати не маю. И на то есми ихъ милости далъ той мой листъ. Писанъ у Вильни, лѣта Божего Нароженя 1570, мѣсеца Іюня 10 дня. Попъ Иванъ власною своею рукою подписалъ.

Внизу оттиснуты на бумагѣ три печати.

3.

Благословенная грамота кіевскаго митрополита Іоны на постановленіе священника Николая къ виленской Петропавловской церкви 1571 г.

Благовѣрные и Христолюбивые панове бурмистрове, радцы и лавники мѣста Виленскаго. Молитва моя уставичная къ милостивому Богу о здоровьи вашихъ милостей и паней и дѣтокъ вашихъ милостей есть всегда. Што ваша милость весполокъ съ протопопою Виленскимъ и зо всими священниками Николою Ивановичомъ, жедаючи мене

о то, абыхъ я его ку церкви Виленской Светыхъ Апостоловъ Петра и Павла благословилъ. Ино я то на писане вашей милости вдѣлавши, того священника къ той церкви благословенемъ Божимъ благословивши, листъ мой благословеный ему на то выдати есми казалъ. Ваша милость то вѣдаючи, рачте до него ласкави быти. А и до протопопы и до всихъ священниковъ тамошнихъ листъ мой росказалъ есми писати, жебы его за брата собѣ мѣли и ему недѣли въ церкви соборной служити поступили. Тымъ милость Божья и Пречистое Его Богоматери и моее смиренности благословеніе и молитва да есть зъ вашею милостью со всѣми всегда. Писанъ въ Новѣгородку Іюня 21 дня, року 71. Волею Божью Іона архіепископъ Кіевскій и Галицкій.

Адресъ: Благовѣрнымъ и Христолюбивымъ паномъ и пріятелемъ моимъ, мнѣ велико-зычливо-ласкавымъ, ихъ милостямъ паномъ бурмистромъ, рядцамъ и лавникомъ мѣста Виленского закону нашого Греческого. *Подлѣ адреса тисненная печать*.

4.

Подтвердительная королевская грамота Маринѣ княжнѣ Солонерецкой о точномъ исполненіи духовнаго завѣщанія Ивана Гуцы въ пользу Пречестенской церкви въ Вильнѣ. 1579 г.

Стефанъ Божью милостію король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Жомоитскій, Мацовецхій, Лифлянтскій, княжа Семигродское и иныхъ. Маршалковой нашой старостиной Остринской панеи Ивановой Солтановой, панеи Маринѣ Васильевнѣ, княжнѣ Соломерецкой и сыномъ ее: Давыду, Ярославу, Ивану и Олександру. Обтяжливе жаловали намъ богомольцы наши: протопопа

и вси священницы мѣста нашого Виленского соборное Светое Пречистое о томъ, штожъ дей Андреевичь подскарбій дворный державца Виленскій панъ Иванъ записалъ тастаментомъ своимъ зъ двора своего, который есть въ мѣстѣ Виленскомъ противъ костела светого Яна, до каплицы своее Благовѣшенья Пречистое Богородицы въ церкви соборной Светое Пречистое, въ которой на каждый день служба Божья ранняя бываетъ, по осми копъ грошей Литовскихъ на годъ давати, яко то есть ширяй на тастаментѣ его описано. То пакъ дей вы, той домъ державчи и въ моцы своей его маючи, съ того двора вжо отъ семи годъ тыхъ пѣнязей на кождый годъ по осми копъ грошей не платили и не отдали. Въ чомъ они кривду и шкоду собѣ немалую быти менуючи били намъ чоломъ, абыхмо въ томъ имъ кривды чинити не казали и листъ нашъ имъ о томъ до васъ дати велѣли. Ино кгдыжъ будеть панъ Иванъ Гуща тые пѣнязи съ того дому своего на тую церковь тастаменомъ своимъ отписалъ, а вы по тые годы естли будете тыхъ пѣнязей имъ не давали, приказуемъ вамъ, ажъ бы есте тые пѣнязи за всю тую семъ годъ за каждый годъ по осми копъ грошей имъ на тую церковъ отдали и сполна заплатили, никоторого омѣшканя и проволоки не чинячи и заховалися бы есте въ томъ водлугъ тестаменту пана Ивана Гущи и подлѣ сего роскazаня и листу нашого, жебы тые богомольцы наши кривды и шкоды въ томъ не мели и намъ черезъ то о томъ не жаловали. Писанъ у Вильни. Лѣто Божого Нароженя 1579, мѣсеца Апрѣля 20 дня. Михайло Гарабурда писаръ.

Внизу тисненная печать.

5.

Реестръ восковой дани отъ четырехъ братьевъ на виленскія (1) церкви. 1580 г.

Року тысеча пять сотъ осмдесятаго за старосства Якова Константиновича райцы, Гаврыла Максимовича и Павла Снипки. 1) Свѣча до Светого Спаса зо двухъ каменей и чотырохъ восковъ. 2) Свѣча до Светое Пречистое зъ пяти каменей и чотырохъ восковъ. 3) Свѣча до Светое Покровы зо двухъ каменей и чотырохъ восковъ. 4) Свѣча до Светого Николы зо двухъ каменей и чотырохъ восковъ. 5) Свѣча до Рождества Христова зо двухъ каменей и чотырехъ восковъ. 6) Свѣча ку Воскресеню зъ пяти каменей и чотырохъ восковъ. 7) Свѣча ку Светой Троицы зъ пяти каменей и чотырехъ восковъ. 7) Свѣча ку Светому Петру зо двухъ каменей и чотырохъ восковъ. Всего того воску чынить каменей 25 фунтовъ 32. То (2) зъ одного брацства такъ веле давано, чого теперъ зо всѣхъ чотырехъ не хочутъ давать. Item Тогды только певныхъ часовъ сычивано медъ, нечасто, а теперъ безъ престатку продаютъ; за чымъ моглъ бы большый пожитокъ быти, бо лѣпѣй пьютъ и болшъ бываетъ людей. 1) Же теды панове провизорове тому досить не чынятъ, звычайный воскъ не отдаютъ; престо слушне, абы ихъ рачей устранили и духовнымъ въ дозоръ подали. 2) Або воски заведены у певного соленика а вино упевнивши въ которой винницы абыхмо безъ напрыкженя частого имъ обирали. 3) Або переховавши то все на двѣ ратѣ грошми отбирати и куповать, што лѣпѣй будетъ и

(1) Относимъ этотъ реестръ къ виленскимъ церквамъ на основаніи названія самыхъ церквей и упоминанія имени П. Снипки, какъ старосты виленскаго, въ Акт. гор. Вильны ч. II № 8.

(2) Дальнѣйшія слова написаны другою рукою.

невинѣй. Иначей конечне набоженство въ порадномъ отправованью устанетъ, яко южъ уставать почало.

Безъ подписей и печатей. Писанъ на полулистѣ почеркомъ шестнадцатаго столѣтія.

6.

Королевская грамота митрополиту Онисифору о томъ, чтобы онъ впредь не воспрещалъ виленскимъ мѣщанамъ каждегодно свидѣтельствовать и переписывать церковное и монастырское имущество. 1582 г.

Стефанъ Божою милостью король Польскій, великій кнѣзь Литовскій, Рускій, Пруській, Жомойтскій, Мазовецкій, Инфлянтскій, кияжа Седмиградское и иныхъ.

Митрополиту Кіевскому и Галицкому и всея Руси Онисифору. Жаловали и оповѣдали передъ нами бурмистры, радцы, лавники и иншіе мѣщане мѣста нашого Виленского закону Греческого о томъ, ижъ дей продкове ихъ и они сами зъ давныхъ часовъ, яко фундаторы и опатрители церквей закону Греческого въ мѣстѣ нашомъ Виленскомъ, церковъ соборную и вси иншіе церкви, такъ тежъ и манастырь нашъ Троецкій Виленскій, который твоя милость теперъ зъ ласки нашое господарское держишъ, вшелякимъ будованьемъ потребнымъ и тежъ звонами, книгами, образами и ъъберами коштовными и иншими достатками и потребами водлѣ преможенья своего опатрують и надають, и до тыхъ же церквей посполъ зъ намѣстникомъ твоей милости протопопою Виленскимъ, водлѣ привилеевъ своихъ давныхъ, отъ продковъ нашихъ на то имъ наданыхъ, поповъ обираючи, тые наклады свои скарбы церковные имъ отдають, и на кождый рокъ въ церкви соборной и во всихъ церквяхъ и манастыру нашомъ Троецкомъ вси

скарбы церковные и манастырскіе..... (1) вѣдомости и сторожи, абы тое надаванье.....и иншихъ людей въ церквяхъ и въ монастыру на..... до реестровъ своихъ при бытности поповъ соборныхъ, а въ манастыру при игуменѣ Троецкомъ списують и переглядывають, яко жъ дей и теперъ въ року недавно прошломъ тисеча пять сотъ семдесятъ девятомъ, кгды тотъ монастырь нашъ Троецкій Виленскій отъ насъ твеей милости есть данъ, тогды вси скарбы церковные того монастыра нашого при дворанинѣ нашомъ и слугахъ твоей милости постановленному, иноку Селивестру за листомъ твоей милости, до нихъ о томъ писанымъ, до рукъ звѣрили и подали, Которые вси тые скарбы манастыра Троецкого тотъ игуменъ твоей милости и до сихъ часовъ въ завѣданью своемъ маючи водлѣ давного звычаю и постановленья въ кождый годъ имъ радцомъ Виленскимъ перегледати и переписовати не допущаеть. О чомъ дей они на того игумена вжо не поодцокротъ твоей милости жаловали и справедливости учинити и скарбовъ манастырскихъ списовати и перегледати въ кождый годъ допустити не хочешъ. Въ чомъ они тому манастыру нашому въ наданью скарбовъ церковныхъ и собѣ розумѣючи быти шкоды не малые и постерегаючи, абы еще большихъ шкодъ скарбъ манастырскій за недопущеньемъ списованья и перегледованья отъ игумена твоей милости, або отъ кого иншого, на собѣ не поносилъ, били намъ господару чоломъ, абыхмо въ томъ листомъ нашимъ твою милость напоменути и во всемъ се ку нимъ водлугъ стародавного обычаю заховати велѣли. Прото будетьли такъ, яко они намъ жаловали, напоминаемъ и приказуемъ, абы твоя милость тые вси скарбы церковные въ манастыру нашомъ Троецкомъ

(1) По ветхости документа нельзя прочитать.

Виленскомъ бурмистромъ и радцамъ и иншимъ мѣщанином Виленским зъ стороны закону Греческого, водлѣ давного ихъ обычаю, теперъ заразъ переписати и впередъ въ кождый годъ перегледати и переписовати допустилъ, и съ того игумена своего справедливость имъ учинилъ. Кгды жъ твоей милости отъ насъ господара манастыръ Троецкій только съ пожитками, ему належачими, есть данъ, зъ скарбы церковными...... Виленского уставичне.... и примножаны быти маютъ и во всихъ иншихъ справахъ и потребахъ манастырскихъ и церковныхъ абы твоя милость водлѣ стародавного звычаю спокойне и пристойне ся ку нимъ... заховалъ. Писанъ у Городнѣ, лѣта Божого Нароженья 1582, мѣсеца Іюля 7 дня. Венцлавъ Акгрипа писаръ.

Внизу вытиснутая печать. Ветхъ.

7.

Духовное завѣщаніе княгини Анны Свирской съ записью на виленскія церкви и на полоцкую Софійскую церковь. 1588 г.

Лѣта Божьего Нароженья тысеча пять сотъ осмдесятъ осмого мѣсеца Генвара двадцаго дня.

Передъ нами Криштофомъ Радивиломъ, княжатемъ на Биржахъ и зъ Дубинокъ, воеводою Виленскимъ, гетманомъ польнымъ великого князства Литовского, старостою Солецкимъ, Урендовскимъ и Борисовскимъ, и передъ нами врадники земскими Виленскими, на зъѣздѣ головномъ Виленскомъ въ року прошломъ тисеча пять сотъ осмдесятъ семомъ мѣсеца Генвара двадцать девятого дня, отъ ихъ милости пановъ радъ великаго князства Литовского и отъ всее Речи Посполитое того панства подъ теперешнимъ часомъ интерекгіи ку отправованью каптуромъ справъ судовыхъ депутованными и назначонными: Валентыномъ Юрушевичомъ, про небыт-

ность на онъ часъ пана Яна Войтеховича Млечка, судьи земского Виленского, на местце его милости отъ пановъ шляхты обывателей воеводства Виленского, которые до того прибыли, на рочкохъ марцовыхъ обранымъ, Григорьемъ Ждановичомъ Кгедройтемъ, подсудкомъ, а Малхеромъ Петкевичомъ, писаромъ, врадники земскими Виленскими, постановившисе очевисто его милость князь Янъ Болеславовичъ Свирскій, намѣстникъ Виленскій, оповѣдалъ и доносечи то ку вѣдомости нашой покладалъ и оказывалъ тестаментъ малжонки своее небожчицы кнегини Ганны Рогозянки; подъ печатью ее и подъ печатьми людей зацныхъ. Который дей тестаментъ помененая малжонка его въ року теперешнемъ тисеча пять сотъ осмдесятъ осмомъ мѣсеца Генвара чотырнадцатого дня остаточною волею своею справившы и имъ домъ и маетчость свою розредившы и расписавшы, сама зъ воли и съ прейзрѣнья Божьего року и дня нинешнего мѣсеца Генвара двадцатого дня зъ сего свѣта смертью зошла, и просилъ князь маршалокъ, абыхмо, ку вѣдомости нашой то припустившы, тотъ тестаментъ малжонки его до книгъ кгродскихъ Виленскихъ уписати велѣли. А такъ мы, того тестаменту огледавшы и передъ собою чытаного выслухавшы, дали есмо его до книгъ вписать, который отъ слова до слова такъ се въ собѣ маеть. Во имя Вожье станьсе ку выполненью всихъ речы, въ семъ тестаментѣ моемъ нижей написаныхъ. Я Яновая Болеславовича Свирская маршалковая господарская державчиная Мойшокская кнегиня Ганна Рагозянка вызнаваю симъ моимъ тестаментомъ остаточное воли моее, ижъ я, бачечы уставичную отмѣнность того снадзного свѣта, а ижъ чоловѣкъ на немъ будучы ничого певнѣйшимъ не есть надъ смерть, а часъ и доконченье живота его закрыто есть отъ вѣдомости его, и

добре розумѣючы, ижъ всякіе справы и становенья людскіе писмомъ неупевненные и необварованные, съ часомъ своимъ въ запаментанье заразомъ зъ отмѣною вѣковъ людскихъ приходять,—а будучи я на есь часъ отъ Пана Бога хоробою навежена, але однакъ при зуполномъ розумѣ и памети досконалое, не съ жадного примушенья, але сама по доброй воли своей для того, абы по животѣ моемъ межы его милостью паномъ малжонкомъ моимъ княземъ Яномъ Болеславовичомъ Свирскимъ а дѣтьми моими и иншыми близкими кровными и повинными моими около маетности моей, по мнѣ зосталое, никакіе заистья, розницы и незгоды недѣели,—умыслилам тестаментъ справити и имъ домъ мой и маетность мою водле зданья моего розредити и разшафовати. Который же тестаментъ мой теперъ заразомъ зъ добрымъ розмысломъ и уваженемъ моимъ справуючы, такъ въ немъ остаточную волю мою ку вядомости всимъ посполите, кому бы того потреба указовала, ознаймую, постоновляю и замыкаю, Напервей, кгды Панъ Богъ Вшехмогучый съ часомъ воли Своее Светое мене съ того свѣта до хвалы Своее Светое поволати будеть рачылъ, душу свою поручаю въ милосердные руки и опатрность Пана Бога Вщехмогучого въ Тройцы Едыного, маючы зуполную вѣру я надею, ижъ Онъ, яко Богъ милосердья и ласкавости, вси неправости мои зъ даремное ласки и доброти своее отпустити и мене до хвалы кролевства своего светого приняти будеть рачылъ; тѣло мое грѣшное маеть быти поховано черезъ пановъ опекуновъ и пріятелей моихъ въ церкви светое Пречистое у Вильни. А ку статочному и справедливому выконанью сее остаточное воли моее, въ семъ тестаментѣ моемъ написанное, по Пану Бозѣ опекунами обираю людей зацныхъ ихъ милости: отца Ивана Пареѳеновича,

протопопа и намѣстника отъ Митрополита справъ духовныхъ Виленскихъ, а мѣщанъ Виленскихъ: пана Кузму Мамонича, бурмистра, пана Бориса Андреевича а пана Ивана Андреевича, писара мѣстского Виленскаго; прошу, абы ихъ милость зъ ласки и побожности своее хрестіянское тѣло мое грѣшное возлѣ обычаю костела Греческого поховати, и о то се старати рачили яко бы сесь тестаментъ мой во всемъ водлѣ воли моее, въ немъ описанное, захованъ и скуточне выполненъ былъ. А погребъ тѣла моего за што маеть быти справленный, то есть написано на реестрѣ моемъ съ печатью моею и съ подписаньемъ рукою моею двухъ литеръ писма Руского, отъ мене зоставленомъ. А што се дотычеть маетности моее лежачое и рухомое, тую всю а всю, што одно ее маю, заразомъ симъ тестаментомъ моимъ остаточное воли моее разрежаю и росписую. На первѣй домъ мой властный у пана Юрія Яновича Зеновъевича зятя моего и у малжонки его а дочки моее княжны Марины Соколинской купный, у мѣстѣ Виленскомъ, идучи ку Бернардыномъ межи двѣма улицами на рогу лежачый, съ пляцомъ, зъ будованьемъ всякимъ мурованымъ и деревенымъ и то всимъ на все, ничого не уймуючы ани на дѣти мои зоставуючы, записуя на церковь Светое Пречыстое Богородицы, гдѣ тѣло мое поховано будеть. Маютъ по жывотѣ моемъ панове опекунове мои-отецъ протопопа Виленскій-тотъ домъ въ моцъ свою взяти и за вѣдомостью своею маючы въ наемъ давати, а тымъ наймомъ съ того дому протопъ Виленскій, яко тотъ теперешній, такъ и по немъ будучые, и зъ иными священниками и дьяконами собору церкви Светое Пречыстое дѣлити се и того уживати до тое церкви Светое Пречыстое вѣчными часы. Дворецъ мой, въ повѣтѣ Виленскомъ, надъ рѣкою Вильною

лежачый, называемый Оньковскій, который я у Станислава Сузкого и у Ярошa Олшаньского купила, тотъ дворецъ зъ будованьемъ дворнымъ, зъ кгрунты всякими, оремыми и не оремыми, зъ сѣножатьми, зъ лѣсы, зъ рѣками, зъ сажовками, зъ збожьемъ молочонымъ и немолочонымъ и на поли засѣяннымъ, зъ статкомъ всякимъ домовымъ и со всимъ навсе такъ, якомъ сама держала, и со всимъ правомъ на тотъ дворецъ належачымъ, ничого неуймуючы, ани на дѣти, потомки, близкіе и кровные мои неоставуючы, симъ тестаментомъ остаточное воли моее даю, дарую и на вѣчность записую малжонку своему его милости князю Яну Болеславовичу Свирскому. Маеть его милость князь малжонокъ мой по жывотѣ моемъ дворецъ мой Оньковскій со всимъ въ моцъ и въ держанье свое взяти и его держати и уживати, отдати, продати, даровати, и водлѣ уподобанья своего имъ, яко властвостью своею, шафовати вѣчными часы. А сынове, такъ же и дочка моя Юрьева Зеновьевичева княжна Марина Соколинска, дѣти и потомки ихъ и нихто зъ близкихъ и повинныхъ моихъ до того дворца и ни до которое части его ничого мѣти не мають и не будуть мочы вѣчне. Имѣнья мои, въ повѣтѣ Полоцкомъ лежачые, одно, называемое Несино, котороемъ я купила у пана Тимоѳея Головни, яко есть о томъ на листѣ купчомъ и на иншыхъ листахъ, на тое имѣнье належачыхъ, ширѣй и достаточнѣй написано, а другое имѣнье, называемое Солонеевичы, которое мнѣ малжанокъ мой небожчыкъ князь Михайло Друцкій Соколинскій на вѣчность записалъ, то обое имѣнье зъ будованьемъ, зъ кгрунты всякими оремыми и неоремыми, зъ сѣножатьми, зъ лѣсы, зъ боры, зъ ловы звѣринными и рыбъими, зъ людми, зъ бояры, съ подаными тяглыми и осадными и зъ ихъ повин-

ностями и со всимъ навое дело, дарую и симъ тестаментомъ остаточное воли моее на вечность записую двема сыномъ моимъ: князю Михаилу а князю Василью Михайлевичомъ Друцкимъ Соколинскимъ. Мають тые два сынове мои, оба два сполне, тые именья мои помененые Несино и Солонеевичы по животе моемъ въ мощь и въ держанье свое взяти и то сполне на ровные части на себе держати и ужывати, отдати, продати, даровати и яко властностью своею водле воли своее шафовати вечными часы. А сынъ мой князь Семенъ Друцкий Соколинский такъ и дочка моя пани Юрьевая Зеновъевичова княжна Марина Соколинска, дети и потомки ихъ и нихто зъ близкихъ и повинныхъ моихъ до тыхъ помененыхъ именей моихъ и не до которыхъ частей ихъ ничого мети и вступовати николи не мають и не будуть мочы; нижли што бы кольвекъ по животе моемъ въ тыхъ обеюхъ именьяхъ быдла рогатого и нерогатого, збожья молоченого и немолоченаго зостало, то все сынове мои вси три, князь Семенъ, князь Михайло, князь Василей Соколинскіе побрати и на ровные части поделити мають. А съ тое маетности всее три сынове мои мають дати на церковъ Светое Софіи у Полоцку десеть копъ грошей Литовскихъ. А зъ стороны тыхъ двухъ именей самыхъ нагорожаючы я и тымъ детямъ моимъ князю Семену сыну моему и пани Юрьевой Зеновъевичовой дочьце моей, записую имъ суму пенезей готовую, которую маю въ захованью у его милости пана Станислава Сабины, доктора, секретара короля его милости, войта Виленского, чотыреста копъ и сорокъ копъ грошей Литовскихъ, на што и листъ отъ пана войта подъ печатью и съ подписомъ руки его у мене есть; съ тое сумы записую сыну моему князю Семену Михайловичу Друцкому Соколинскому двесте копъ грошей Литовскихъ,

а дочьцѣ моей паней Юрьевой Зеновьевичовой княжнѣ Маринѣ Соколинской другую двестѣ копъ грошей Литовскихъ. Мають они по жывотѣ моемъ тые пѣнези у пана войта Виленского взяти и ими водлѣ воли своее шафовати. А сорокъ копъ грошей, которая зоставаеть, мають панове опекунове роздати, то есть: на церковъ Светое Тройцы десеть копъ грошей, и на иншые вси церкви у Вильни десеть копъ грошей. Служебнику моему Яну Бедринскому десеть копъ грошей, а иншимъ слугамъ и челеди моей мають роздати десеть копъ грошей. А што се дотычеть речы моихъ рухомыхъ: золота, серебра, шатъ, цыны, мѣди, кони и што кольвекъ речми рухомыми можеть быти названо, того, штомъ кольвекъ мѣла, томъ сама за жывота моего слугамъ моимъ, челеди и иншимъ особамъ рознымъ водлѣ зданья моего роздала, ижъ вже по жывотѣ моемъ ничого незоставаеть;, только футро кунье новое сыну моему князю Семену Соколинскому; а кожушокъ куньи, ничымъ непокрытый зъ бобромъ и съ колнеромъ бобровымъ, дочцѣ моей пани Юрьевой Зеновьевичовой княжнѣ Маринѣ Соколинской по жывотѣ моемъ отдано быти маеть. Привилья и всякіе листы мои, штомъ кольвекъ ихъ мѣла, тыемъ, зложившы въ скрыньку и запечатовавши печатью своею и печатми людей зацныхъ, даламъ до захованья его милости пана Станислава Сабины, войта Виленского; и игды се сынове мои вси три тутъ до Вильна зъѣдуть, мають, скрыню ту взявшы сполне зъ его милостью княземъ малжонкомъ моимъ, листы, которые кому водлѣ сего тестаменту моего належати будуть, резобрати. Челедь моя неволная а меновите: невѣста на имя Ѳедя, прозвищомъ Утка, и дочка ее Настасья и зъ сыномъ своимъ, и Арина зъ сыномъ своимъ и братъ ее Васко, также и иншая вся челедь, што колько есми

ее мѣла и по животѣ моемъ гдѣжъ кольвекъ есми зостанеть, такъ мужского, якъ и невѣстего стану, вольная и невольная, по жывотѣ моемъ маеть быти вольно выпущона зъ дѣтьми, зъ статкомъ и зо всею маетностью ихъ. А сыны мои и дочка моя пани Зеновъевичова и потомки ихъ и нихто зъ близкихъ повинныхъ моихъ до тое челеди моей до дѣтей и маетностей ихъ ничего мѣть и нигдѣ ихъ поискивати не мають и небудуть мочы вѣчными часы. А такъ я Янова Болеславовичова Свирская, маршалковая господарская, кнегиня Ганна Рагозянка, тую остаточную волю мою такъ ознаймившы и замкнувшы, сесь тестаментъ мой печатью своею запечатовала есми. А притомъ, заховуючысе водле статуту права посполитого, ужыламъ до того ихъ милости людей зацныхъ: вельможного пана его милости пана Теодора Скумина, подскарбего земского и писара великого князства Литовскаго, старосту Браславского и Олитского, пана Андрея Ильковского; писара скарбного великого князства Литовского, тивуна въ земли Жомойтского, Тверского, пана Яроша Волчка, пана Мальхера Питкевича, писара земского Виленского, а духовника моего свещенника церкви Виленское отца Карпа Стефановича, и ознаймившы я ихъ милости тую остаточную волю мою просиламъ, абы ихъ милость сесь тестаментъ мой печатьми своими запечатовать и руками своими подписати рачыли. Ихъ милость, припустившы то ку вѣдомости своей, за устною очевистою прозбою моею то учынити а сесь тестаментъ мой печатми своимн запечатовати и руками своими подписати рачыли. Писанъ у Вильни, лѣта Божьего Нароженья тисеча пять сотъ осмдесятъ осмого мясеца Генвара чотырнадцатаго дня. У того тестаменту печатей притесненыхъ шесть и подписы рукъ тыми словы: Теодоръ Скуминъ, подскар-

бій земскій и писаръ великаго князства Литовскаго властною рукою. Андрей Илькговскій рука властна. За очевистой прозбой еи милости кнегини маршалковой при печати своей я Ярошъ Волчекъ руку свою подписалъ. Малхеръ Петровичъ писаръ земскій Виленскій, Карпъ Стефановичъ попъ Воскресенскій рука властная.— Котороежъ тое оповѣданье его милости князя маршалково и тотъ тестаментъ до книгъ кгродскихъ виле́нскихъ есть вписанъ. А по записанью сесь выписъ подъ нашими печатми его милости князю Яну Болеславовичу Свирскому, маршалку господарскому, державцы Мойшокгольскому, намѣстнику Виленскому, выданъ. Писанъ у Вильны. Валентинъ Юревичъ власною рукою. Миколай Волчекъ, кгродскій Виленскій писаръ. Милхеръ Петровичъ. Григорей Ждановичъ рука власная.

Внизу вытиснуто четыре печати.

(Лит. Еп. Вѣд.)

II.

Австрійцы въ Галиціи.

Quel que soit le mode d'élection des représentants du pays, l'élement nobilaire y dominera infailliblіment.... Le peuple polonais n'á de confiance que dans ses compatrioses, les Polonais; donc pour arriver à la pacification du pays, il faut que la Pologne soit gouvernée par des Polonais.

D. K. Schédo-Ferroti.

I.

Населеніе.—Русь Червонная и земля Галицкая.—Польское иго.—Австрійское правительство.—Защита крестьянскаго сословія.

Галиція, прежде Русь Червонная или Червенская, отошедшая къ Австріи, имѣла населеніе двухъ племенъ: въ западной Галиціи *мазуровъ* р.-католиковъ, а въ восточной *русскихъ*—малороссійскаго племени, всѣхъ уже обращенныхъ въ уніятство. Простолюдинъ даже въ западной Галиціи никогда не называетъ себя полякомъ, онъ называетъ себя *мазуромъ*, *австріакомъ* [1]) иногда *галичаниномъ* [2]). Вражда къ польскому имени тѣмъ сильнѣе была развита въ восточной Галиціи между ея русскимъ населеніемъ.

Малороссійскаго племени русское населеніе въ Галиціи, безъ плодородности ея почвы, было бы самымъ бѣдствующимъ между всѣми жителями бывшей Рѣчи Посполитой. Слѣдствіемъ польскаго ига было то, что земля Галицкая первая подпала подъ власть поляковъ (1340). Входя кратковременно въ предѣлы Литовско-русскаго великаго-княжества при *Гедиминѣ*, она даже не могла пользоваться тою защитою, которую потомки *Ягайлы*, време-

---

[1]) Названіе австріаковъ было внесено въ населеніе Галиціи солдатами, возвращавшимися на родину (Сообщено русскимъ галичаниномъ) [2]) р. 4.

нами оказывали своей *дѣдичинѣ*. Постоянная покорность русскихъ галичанъ власти, господствовавшей въ Польшѣ, не обезоруживала суроваго полонизма.

Жители восточной Галиціи изъ двухъ, по давней русской землѣ употребляемыхъ, названій *русскій* и *русинъ*, происшедшихъ отъ слова *Русь*, по преимуществу употребляютъ нынѣ послѣднее. Оно осталось памятникомъ настойчиваго стремленія поляковъ къ ослабленію взаимныхъ влеченій между двумя единоплеменными и единовѣрными народами. Съ того времени какъ въ восточной Руси, съ возрастаніемъ ея могущества, наименованіе *русскій* становилось преобладающимъ, тѣмъ назойливѣе сторонники польской ойчизны, въ русскихъ земляхъ, усиливаются утвердить названіе *руссиновъ* за русскими, когда либо подпадавшими подъ польское господство. Названіе *русиновъ*, встрѣчается и въ давнихъ русскихъ лѣтописяхъ; оно было, какъ можно предполагать, названіемъ болѣе письменнымъ или литературнымъ, а не употребляемымъ народомъ. Доказательствомъ тому можетъ служить то, что въ Галиціи жители себя называютъ большею частью *русинами*, а по нѣмецки Ruthen—ами: но на народномъ нарѣчіи не встрѣчаются никакія слова, производимыя отъ названія *русинъ:* женщина въ Галиціи называетъ себя *русскою*, а не *русинкою;* также какъ прилагательное существуетъ—*русскій*, а не *русинскій* [3]).

По изслѣдованіямъ автора „Польскихъ революцій [4]), въ Галиціи слѣды давняго русскаго развитія остались неизгладимыми. Русскіе, пишетъ онъ, были гораздо счастливѣе и образованнѣе прочихъ народовъ средневѣковой Европы, особенно

---

[3]) Сообщено русскимъ галичаниномъ.

[4]) Die polnischen Revolution—Erinnerungen aus Galizien. Prag. 1863. „Воспоминанія о Галиціи"—Оно вышло изъ подъ пера неназвавшагося автора, по видимому, родомъ изъ Богеміи. Мы найдемъ въ немъ массу знаменательнѣйшихъ свѣдѣній, раскинутыхъ по всему сочиненію, которыя могутъ ближе ознакомить читателя съ давнею Галиціею, и тою системою, которую долго австрійское правительство приняло относительно своихъ русскихъ подданныхъ. „Воспоминанія о Галиціи"—плоды пытливаго, безпристрастнаго и, съ точки зрѣнія австрійца, вѣрнаго изученія какъ внутренняго быта давней русской земли, такъ и послѣдовавшихъ въ ней позднѣйшихъ событій. Это сочиненіе имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что автору были извѣстны слѣдственныя дѣла, произведенныя австрійскимъ правительствомъ, по бывшимъ польскимъ смутамъ.

если сравнить ихъ съ поляками. Христіанская вѣра была къ нимъ принесена образованными византійцами. Русскіе, ставъ послѣдователями греческой церкви, заимствовали, при возникшихъ тѣсныхъ сношеніяхъ, просвѣщеніе изъ Константинополя, въ которомъ пріютились литература и наука древняго классическаго образованія. Такимъ путемъ у русскихъ процвѣтало земледѣліе, возникли города и распространилась торговля. Въ то время, когда поляки въ свои города притягивали нѣмцевъ и жидовъ, въ русскихъ земляхъ возникло туземное, образованное среднее сословіе. Русское дворянство, называемое *боярами*, было весьма просвѣщенно и владѣтельные князья, *Рюрикова* дома, были столь заботливы о развитіи образованія, что русская земля процвѣтала во всѣхъ отношеніяхъ. Всюду находились школы, въ городахъ и по селамъ. Русская литература имѣетъ такіе памятники того времени, какими не можетъ похвалиться ни одинъ изъ живыхъ языковъ; только *Краледворскую рукопись* [5]) чеховъ можно поставить рядомъ со *Словомъ о полку Игоревѣ*. Произведенія нѣмецкія, французскія и италіянскія, до появленія Diwina comedia, при сравненіи, утрачиваютъ всякую цѣну. Разница бросается въ глаза, если поставимъ русскаго *Нестора* рядомъ съ современными ему нѣмецкими, французскими и польскими изслѣдователями. *Несторъ*, дѣйствительно, историкъ, въ то время какъ другіе народы имѣли только хроникеровъ. *Несторъ*—первый бытописатель новыхъ временъ, который можетъ выдержать сравненіе съ Тацитомъ и Ѳукидидомъ. Греческая церковь процвѣтала одинаково. Владѣтельные князья, равно и бояре, обогатили ее дарами, учрежденіями, землями и десятиною, потому русское духовенство до *расточительности* (in verschwenderischer Weise) могло угождать своимъ стремленіямъ къ христіанскому милосердію. Междоусобія князей были первыми виновниками паденія цвѣтущаго положенія русскихъ земель. Внутреннія распри раскрыли двери любостяжательнымъ стремленіямъ венгерцевъ, поляковъ и татаръ. Богатыя владѣнія *русскаго короля* Даніила были предметомъ зависти сосѣдей.

Время польскаго владычества въ Галиціи длилось болѣе 4 вѣковъ, и оно можетъ служить доказательствомъ терпѣливости галичанъ. Рядъ самыхъ возмущающихъ поступковъ со сторо-

---

[5]) Собраніе древнихъ чешскихъ пѣснопѣній, найденныхъ Вячеславомъ Ганкою.

ны поляковъ оставилъ памятники для исторіи страны,—такіе памятники, что многихъ не могутъ обойдти даже польскія лѣтописи, а со стороны галичанъ былъ одинъ единственный случай попытки крестьянъ къ вооруженію и защитѣ, когда сильный и предпріимчивый мужъ, по имени *Муха*, вышедшій изъ этой среды, возсталъ съ 10,000 [6]). Панъ, ксендзъ и жидъ явились въ Червонную Русь истребителями народнаго благоденствія, и изслѣдованіе судебъ давней Галиціи приводитъ и автора „Польскихъ Революцій“ къ наименованію польскаго въ ней владычества *польскимъ игомъ* (polnischer Joch) [7]).

Надъ Польшею властвовалъ Римъ, Римъ давалъ направленіе государственной наукѣ въ Польшѣ, а для римской куріи государственное единство Польши заключалось только въ признаніи папы.

Надъ Галиціею полонизмъ производилъ свои опыты государственнаго единства. При Казимірѣ Великомъ, который пріобрѣлъ Галицкую землю, въ ней уже началось насильственное обращеніе церквей въ костелы [8]). Съ Галиціи началась іезуитская дѣятельность возмутительнымъ нападеніемъ на православіе въ 1584 году [9]).

Водвореніе уніи между русскимъ населеніемъ не прекратило дѣятельности р.-католиковъ. Русское духовенство львовской и перемышлской епархій еще въ 1831 году хранило воспоминанія о гнетѣ временъ польскаго владычества. Въ историческихъ сочиненіяхъ, даже польскихъ, и въ многочисленныхъ актахъ регистратуръ (архивовъ) находятся дополненія этихъ сказаній [10]). Латинскую пропаганду покровительствовали короли и магнаты, и латинскій костелъ былъ возвышаемъ, обогащаемъ и распространяемъ на счетъ русской церкви. Многіе польскіе короли поставили себѣ задачею обирать русскую церковь и ея имущества передавать римскому духовенству. Дворянство польское и туземное, ополяченное систематически продолжало эту работу. Съ русскими обращались какъ съ язычниками, пока они не принимали уніи, и не было насилій направленныхъ противъ православныхъ, которыя не считались бы дозволенными, хотя Казиміръ, принимая Галицію, торжественно далъ присягу сохранить права жителей и права ихъ

---

[6]) p. 17. [7]) p. 19. [8]) Часть I. гл. 2.
[9]) Глава VII и прил. 9. [10]) p. 16.

греческаго исповѣданія. Многіе крестьяне были обращены въ латинство насиліемъ помѣщика. Русское духовенство иногда добывало охранительныя привиллегіи отъ королей, но онѣ оставались безплодными, при безсиліи законныхъ властей и постоянной анархіи въ Польшѣ. Галичанинъ окрѣпъ въ борьбѣ, всѣ народныя стремленія сосредочились подъ знаменемъ церкви, которая сохранила свой языкъ.

Галичане, охраняя свое православіе, были первыми, которые стали изыскивать средства для борьбы съ латинствомъ. Первое *братство*,—общество, явившееся для защиты отъ напора р.-католицизма, было львовское, основанное еще въ 1439 году [11]), окончательно устроенное въ 1586 году, въ годъ кончины Стефана *Баторія*, и которое послужило образцемъ позднѣе устраивавшимся братствамъ, изъ которыхъ за тѣмъ первымъ явилось виленское въ 1588 году. Послѣ четырехъ-вѣковой борьбы, изнеможенное православіе погибло въ Галиціи, Въ царствованіе возстановленнаго Карломъ XII короля Станислава *Лещинскаго*, извѣстнаго ревнителя латинской вѣры, православію были нанесены роковые удары. Послѣ ряда подвиговъ величайшаго самоотверженія, въ 1708 году исчезло львовское православное братство. Послѣдніе братчики признали унію и главенство папы [12]).

Римъ былъ доволенъ, но не было довольно мѣстное латинское духовенство. Уніатское духовенство имѣло свои мѣста, а латинское духовенство стремилось эти мѣста обратить въ свое достояніе и шло къ цѣли, погружая въ невѣжество и унижая бѣлое русское духовенство. Съ ксендзомъ водворился въ Галицію и полякъ—землевладѣлецъ, который приходилъ съ своими польскими уставами, и его неразлучный спутникъ—еврей. Въ лицѣ римскаго духовенства—инквизитора, землевладѣльца-чуждаго и своекорыстнаго пана, и еврея, готоваго продавать свои услуги, чтобы заслужить милость ксендза и пана, полонизмъ былъ ненавистенъ природному галичанину. Удаленная отъ Московскаго государства, лишенная его заступничества, галицкая Русь *безнадежно* переносила свою судьбу,

---

[11]) Іоанна Флерова: о православныхъ церковныхъ братствахъ. С.-Петербургъ 1857 стр. 21.

[12]) Іоанна Флерова о православныхъ церковныхъ братствахъ, стр. 197.

помѣщикъ безнаказанно убивалъ и грабилъ крестьянина, на барскій дворъ тащилъ его жену и дочь, и не было суда, который былъ бы обязанъ принять жалобу обиженнаго раба. Въ случаѣ только когда панъ убивалъ чужаго крестьянина, тогда владѣлецъ могъ жаловаться и получать вознагражденія около 6 гульденовъ на нынѣшнія австрійскія деньги [13]). „Четыре столѣтія Галицкая земля противупоставляла насиліямъ свое доброе право и свое терпѣніе" [14]). Но р.-католицизмъ продолжалъ напирать на остатки русской народности. Русская Георгіевская церковь во Львовѣ была взята вооруженными поляками приступомъ, нерѣдко мертвыхъ выбрасывали изъ могилъ, церковную утварь выбрасывали на улицу, а священниковъ выгоняли изъ ихъ приходовъ. Слово *попъ* поляки обратили въ презрительное названіе, дабы унизить самую церковь, которую называли *синагогою* *). Когда народъ Галиціи перешелъ подъ власть Австріи, то *онъ походилъ на спасшагося послѣ крушенія пловца, который благодаритъ Бога, что спасъ хотя нагую жизнь свою* [14]).

Полонизмъ не могъ добить смысла русскаго населенія, и онъ изливается въ множествѣ поговорокъ и пословицъ. Онѣ изображаютъ народный характеръ, изображаютъ и практику жизни, пріобрѣтенную подъ вѣковымъ польскимъ гнетомъ [16]).

---

[13]) р. 6. [14]) р. 17.
*) Прислушайтесь, г. гуманисты! *Ред.*
[15]) р. 16.
[16]) Авторъ собралъ (р. 25) длинный рядъ поговорокъ и пословицъ, въ нѣмецкомъ переводѣ. Благодаря обязательности русскихъ галичанъ, помѣщаемъ нѣкоторыя изъ нихъ въ подлинныхъ выраженіяхъ: Доки свитъ свитомъ, не буде руспнъ полякови братомъ. (Эта поговорка, перенесенная на почву Галиціи, утратила первоначальную рифму: Пока святъ (свѣтъ) святомъ, не будетъ русскій поляку братомъ).—Щобы лиха не знати, треба своимъ плугомъ и на своей нивѣ орати.—Безъ муки, нима науки.—Бидному всюду бида.—Великое дерево поволи (тихо) ростетъ.—Въ несчастіи нима ни брата ни свата.—Гирко (горко) заробишъ солодко сьѣшъ.—Громада (міръ) великій человикъ; якъ плюне то и войта утопитъ.—Гдѣ сила тамъ и моцѣ мощ.)—Добрая птица свое гнѣздо не каляе (не грязнитъ).—На милованіе нима силованія.—Съ одного квитка, не буде вѣнка.—Когося бида вчепится, того держится и руками и ногами.—Лучше кривду терпыти, якъ крывду чиныти.—Лучше розумъ прироженый, якъ наученый.—Мудрой головѣ досыть (достаточно) два слова.—На чьимъ вози сидишъ, того писню

При раздѣлахъ Рѣчи-Посполитой, въ областяхъ коренной Польши, отходившихъ къ Пруссіи, было вообще нерасположеніе къ Нѣмцамъ; пародируя русскую пословицу, въ польскомъ обществѣ составили поговорку:

Пока свять стоитъ святомъ.
Полякъ нѣмцови не бендзе братомъ.

Части, возвращенныя Россіею, на границахъ Имперіи, такъ были къ ней близки въ своихъ сношеніяхъ, такъ часто видѣли у себя ея войска, такъ часто отъ единоплеменной и единовѣрной Россіи ожидали помощи и поддержки въ часы невзгодъ, что въ массѣ населенія должны были замолкнуть всякіе возгласы противъ отчужденія отъ чуждой и имъ ненавидимой Польши. Австрія желала приравнять себя къ тѣмъ выгоднѣйшимъ отношеніямъ, къ которыя Россія становилась къ пріобрѣтеннымъ подданнымъ,

Австрія даже опасалась непосредственнаго сосѣдства съ Россіею изъ за своихъ славянъ въ Венгріи [17]). Въ то же время, какъ Австрія постоянно заботилась получить свою долю отъ Рѣчи-Посполитой, она заботилась по возможности сохранять добрыя сношенія съ поляками. Австрійское правительство, при послѣдовательныхъ раздѣлахъ, не переставало заявлять, что оно только возвращаетъ прежнія владѣнія венгерской короны—галицкіе русскіе округа.

Съ перваго раздѣла 1773 года, Австрія начинаетъ вводить новые порядки, само шляхетство видѣло, что вооруженныя схватки, вслѣдствіе распри между панами, были не мыслимы иначе, какъ въ Рѣчи-Посполитой. Марія Терезія, къ дальнѣйшему ограниченію проявленій самоуправства, учредила окружные суды [18]), доступные всякому простолюдину. Жизнь и имущество крестьянина были взяты подъ защиту закона, но крестьянинъ оставался крѣпостнымъ, и его поля, равно какъ

сливай.—Отчизна на язицѣ, а въ сердци сдрада (измѣна).—Свосвято, а чужое—препаисвятійше. Изъ когосе насмѣваютъ, изъ того люди бываютъ—Слухай много, говори мало.—Будъ чистъ якъ лидъ, бѣлъ якъ снѣгъ, а всеже обрешутъ отъ стипъ (стопъ) до головы.—Цнота (добродѣтель) не маетъ мнста у панскаго двора.—Чиловикъ на землѣ, якъ банька (пузырь) на водѣ.— Якъ люди изъ нами, такъ мы съ людьми.

17) Fréderic II Oeuvres post umes.

18) p. 7.

и его трудъ, оставались въ полномъ распоряженіи владѣльца. Судъ надъ неисполненіемъ барщины оставался еще въ вѣдѣніи помѣщика, какъ судъ первой инстанціи; но внѣ этой, правительствомъ положенной черты, крестьянинъ имѣлъ право призвать къ суду даже и самого своего пана.

Царствованіе Іосифа II осталось особенно памятнымъ его попеченіемъ о галиційскихъ подданныхъ. Императоръ съ примѣрно-человѣколюбивою своею заботливостію приступилъ къ ряду нововведеній, которыя были истиннымъ благодѣяніемъ, и послѣ его кончины онѣ были распространены на всѣхъ галичанъ, ставшихъ подданными Австріи, какъ по первому раздѣлу, такъ въ округахъ, ею пріобрѣтенныхъ при окончательномъ паденіи Польши.

Іосифъ II уничтожилъ *крѣпостное право*, и крестьянинъ получилъ гражданскія права за пять лѣтъ до того, какъ шляхетство начало трубить по всей Европѣ о своемъ подвигѣ безкорыстія, сдѣлавъ послѣ 4 лѣтъ трудовъ великаго сейма щедушныя постановленія, что условія между паномъ и рабомъ обязательны, еслибы пану вздумалось подобное дозволить. Паны въ Галиціи доказали, на сколько шляхетство было способно улучшить бытъ своихъ подданныхъ; когда австрійское правительство установило размѣры барщины (панщизны), тогда паны, самыми изворотливыми хитростями, стремились обходить законоположеніе. Въ 1786 году 16 іюня, Іосифъ II издалъ потому сельскій уставъ или инвентарное положеніе,—такъ называемый *работъ-патентъ*, въ которомъ были изложены; до мельчайшихъ подробностей, разные случаи, съ цѣлью обуздать изворотливость польской легальности, которая силилась прикрывать панскія беззаконія. Австрійская власть увидѣла себя въ необходимости прибавить въ § 40 устава: „Сколько правительству ни непріятно видѣть себя вынужденнымъ указывать въ законоположеніяхъ на частные случаи и обстоятельства; но оно не видитъ другаго средства защитить крестьянъ отъ разнообразныхъ угнетеній, для которыхъ своекорыстіе находитъ столь многоразличные пути и виды, что съ неистощимою изобрѣтательностью обращаетъ въ недѣйствительныя всякія правительственныя постановленія.“ Какой яркій лучь свѣта бросаетъ этотъ параграфъ, по замѣчанію приводимаго нами автора, на тѣ патріархальныя отношенія польскаго землевладѣльца къ землепашцу, которыя такъ прославляютъ польскіе литераторы!

Іосифъ II заботился объ улучшеніи администраціи, которая стала въ странѣ представителемъ правительственной власти, объ уменьшеніи сборовъ, введенныхъ во время Рѣчи-Посполитой, и которые затрудняли внутреннюю промышленность, и неутомимо заботился обратить *евреевъ* въ производительное сословіе. Правда, всѣ усилія привязать ихъ къ землѣ, обратить ихъ къ землепашеству остались тщетными, при складѣ еврейскаго настроенія; но по крайней мѣрѣ ему удалось поднять жидовъ изъ той грязи, въ которой они погрязли, поставивъ ихъ въ необходимость начать заниматься ремеслами, что съ своей стороны оказало благодѣтельное вліяніе на улучшеніе быта крестьянина [19]).

ВИЛЕНСКАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗІЯ,

СЪ ПРЕДПОСЛАННЫМЪ ОЧЕРКУ ЕЯ КРАТКИМЪ ИСТОРИЧЕСКИМЪ ЭСКИЗОМЪ СОСТОЯНІЯ ВЪ РАЗНЫЯ ЭПОХИ МѢСТНАГО МУЖСКАГО И ЖЕНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ *).

(Русскій Высочайшій авторитетъ)

«Умственное и нравственное образованіе женскаго населенія—лучшее ручательство правильнаго развитія грядущихъ поколѣній.» Слова Е. В. Государя Императора Александра Николаевича въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ Намѣстнику Царства Польскаго 30-го августа 1864 г. въ Югенсгеймѣ, близь Дармштата, по поводу послѣдовавшаго Высочайшаго указа объ учебной реформѣ въ Ц. Польскомъ.

При ближайшемъ знакомствѣ съ картиною общественнаго и семейнаго положенія женщины, преимущественно средняго круга,—

---

[19]) р. 9.

*) Руководствомъ къ составленію настоящей статьи приняты: собранныя офицерами генеральнаго штаба матеріалы для географіи и статистики губерній Виленской и Гродненской—отдѣлы: «умственное образованіе»; историческія замѣтки о Литвѣ соч. П. В. Кукольника»; корреспонденціи изъ С.-Западнаго края, помѣщенныя разновременно въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ за послѣднее десятилѣтіе; статьи мѣстныхъ литературныхъ органовъ: журналъ «Вѣстникъ Западной Россіи» и газета «Виленс. Вѣстникъ»; отчеты о состояніи учебнаго и воспитательнаго дѣла въ Виленскомъ учебномъ округа и свѣдѣнія, полученныя частнымъ путемъ отъ директора виленской женской гимназіи А. И. Виноградова, и отъ другихъ лицъ близко поставленныхъ къ обсуждаемому въ статьѣ предмету. (Авторъ).

какъ у насъ въ Россіи, такъ, сравнительно, и въ государствахъ западной Европы, а также и Америки, — мы встрѣчаемъ въ современныхъ литературныхъ изданіяхъ своихъ и иностранныхъ указанія на то, что женщина, вытѣсненная монополіею мужскаго труда изъ всѣхъ почти общественныхъ сферъ дѣятельности и замкнутая, издавна, въ тѣсный кругъ дѣятельности семейной, — поставлена, вслѣдствіе экономическаго прогреса настоящаго времени, въ необходимость заявлять передъ свѣтомъ о равноправности своей на участіе, въ нѣкоторой степени съ мужчиною въ трудѣ общественномъ, могущемъ обезпечить за нею возможность обходиться безъ подчиненія своихъ личныхъ и семейныхъ нуждъ исключительному попеченію мужчины. Вопросъ о женскомъ трудѣ, въ связи съ необходимою для того подготовкою женщины соотвѣтственнымъ умственнымъ образованіемъ, не перестаетъ серьозно разработываться въ Германіи, Англіи и Америкѣ, въ особенности въ послѣдней, съ успѣхомъ прилагающей къ дѣлу опыты, выясняющіеся строго анализируемымъ разборомъ теоріи.

И у насъ, въ Россіи, въ послѣднее время, какъ правительство, такъ и само общество—явили нѣкоторыя данныя, свидѣтельствующія, что па вопросъ этотъ обращено должное вниманіе. Первое сдѣлано важное преобразованіе въ системѣ женскаго воспитанія и разрѣшило учрежденіе частныхъ обществъ, съ цѣлью нравственнаго и матеріальнаго улучшенія быта нашей женщины; второе съ глубокимъ сочувствіемъ отнеслось къ правительственной въ этомъ дѣлѣ инициативѣ и, сознавая всю важность и своевременность вопроса, на ряду съ другими вопросами нашей общественной и политической жизни, начинаетъ вступать въ область практическихъ начинаній, служащихъ несомнѣннымъ ручательствомъ дальнѣйшаго поступательнаго движенія вопроса по пролагаемому пути. Издаваемый съ 1866 г., въ С. Петербургѣ, журналъ «Женскій Вѣстникъ», взявшій на себя задачу всесторонняго обсужденія женскаго вопроса, служитъ вмѣстѣ органомъ выраженія общественныхъ въ этомъ отношеніи стремленій и пособникомъ въ дѣлѣ раціональнаго примѣненія ихъ къ практической жизни.

Мы не чувствуемъ себя на столько компетентными, чтобы излагать цѣлый трактатъ о первостепенной важности женскаго вопроса, занимающаго мыслящихъ людей нашего времени, тѣмъ болѣе, что (ограничивая размѣры настоящей статьи рамкою періодическихъ изданій) мы намѣрены коснуться частности, заключающей въ себѣ мѣстный интересъ; не имѣемъ также въ виду предъявлять читателямъ истинъ, касающихся этого животрепещущаго вопроса, или взывать къ ихъ сочувствію и рекомендовать ихъ вниманію эту сторону явленій общественной жизни, ибо каж-

дый, интересующійся современнымъ умственнымъ движеніемъ нашего общества, можетъ обратиться къ сочиненіямъ, спеціально разсматривающимъ женскій вопросъ, во всеобъемлющемъ его значеніи, и почерпнуть изъ нихъ болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія для ближайшаго знакомства съ предметомъ. Мы задаемся попыткою кратко познакомить читателей съ одной стороною женскаго вопроса, а именно: съ дѣломъ воспитанія и съ средствами, которыя имѣло и имѣетъ для образованія ума и сердца юное поколѣніе женщинъ въ г. Вильнѣ, какъ общественномъ и умственномъ центрѣ С.-западнаго края, подающаго тонъ прочимъ мѣстностямъ, входящимъ въ составъ его.

I.

Пронесшіяся шумною бурею, по пространству С.-Западнаго края, политическія событія въ періодъ съ 1861 по 1864 годъ, останавливая на себѣ вниманіе каждаго современника, задавшагося желаніемъ уяснить причины, которыя объусловливали собою возможность и большую, или меньшую вѣроятность наступленія ихъ, наводятъ на вопросъ: не заключалась ли возможность появленія этихъ событій, кромѣ присутствія другихъ историческихъ причинъ, скопившихся въ жизни края въ довольно значительный промежутокъ времени,—также въ характерѣ и состояніи умственнаго образованія привиллегированныхъ сословій здѣшняго края, унаслѣдовавшихъ опредѣленное умственное направленіе отъ предковъ своихъ, подчинявшихся въ дѣлѣ своего школьнаго воспитанія различнымъ, въ извѣстныя историческія эпохи, вліяніямъ? Обращаясь къ указаніямъ нелицепріятной исторіи и прослѣдивъ, съ помощію ея, послѣдовательно, историческій ходъ просвѣщенія, мы несомнѣнно, найдемъ въ ней и объясненіе умственнаго направленія, пріобрѣтавшагося въ семьѣ и потомъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній,—направленія, такъ рельефно выдавшагося въ началѣ 30-хъ и 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія, въ средѣ образованнаго польскаго населенія С.-Западныхъ губерній и, какъ средоточія таковыхъ, города Вильны.

Не имѣя подъ рукою историческихъ данныхъ, изъ которыхъ можно бы было вывести заключеніе о степени, на которой стояло женское образованіе въ С.-Западномъ краѣ въ болѣе отдаленную отъ насъ эпоху, мы представимъ краткій историческій очеркъ хода мужскаго общаго образованія, имѣвшаго, конечно, неотразимое вліяніе и на умы женской половины здѣшняго населенія. Справляясь съ историческими матеріалами, приведенными въ систему П. О. Бобровскимъ, А. К. Коревой и другими, опиравшимися на документальныя свидѣтельства польскихъ писателей, мы находимъ слѣдующее. Съ XIII ст. христіанство начало проникать

въ Литву двумя путями: съ запада—оружіемъ крестоносцевъ и ливонскихъ рыцарей, распространявшихъ р. католицизмъ насиліемъ, возбуждавшимъ въ язычникахъ ненависть къ распространителямъ и ихъ религіи; и съ востока—путемъ кротости и убѣжденія русскихъ проповѣдниковъ, снискавшихъ себѣ довѣріе и имѣвшихъ вслѣдствіе этого значительный успѣхъ. Распространеніе христіанской вѣры повело за собою и распространеніе въ странѣ просвѣщенія, а перевѣсъ цивилизаціи сосѣдней Руси положилъ начало характеру и направленію мѣстныхъ училищъ. Школы въ литовской Руси до XVI ст., существовавшія при православныхъ церквахъ и монастыряхъ, имѣли ограниченное вліяніе на просвѣщеніе народа; впослѣдствіи, съ потерею политическаго значенія духовенства православнаго, эти школы переходятъ въ вѣдѣніе духовенства р. католическаго и въ XVI ст. учреждаются при костелахъ и коллегіяхъ, имѣя предметомъ подготовленіе ксендзовъ и учителей и цѣлію—пропаганду въ средѣ православнаго населенія. Кромѣ этихъ приходскихъ школъ существовали принадлежавшія различнымъ диссидентамъ, и содержавшіеся на счетъ богатыхъ землевладѣльцевъ,—какъ высшій разрядъ учебныхъ заведеній,—гимназіи.

Съ послѣдовавшимъ затѣмъ распространеніемъ въ краѣ польскихъ пришельцевъ и р.-католицизма, господствовавшій въ школахъ русскій языкъ, бывшій языкомъ дипломатическимъ, судебнымъ и придворнымъ,—замѣняется исподоволь польскимъ, пріобрѣтающимъ извѣстность и усвоиваемымъ многочисленною шляхтою, а за ней и дворнею.

Между тѣмъ борьба, возникшая въ средѣ православныхъ, лютеранъ и р. католиковъ начала развивать умственное движеніе религіознаго характера, вслѣдствіе чего многіе обыватели, не находя въ Литовскомъ государствѣ средствъ къ свѣтскому образованію, отправляли дѣтей своихъ въ Краковъ, гдѣ пользовалась въ то время извѣстностію академія, основанная Ядвигою, въ концѣ XIV ст.

Такимъ образомъ, до соединенія Литвы съ Польшею и до появленія въ ней іезуитовъ, здѣсь существовали, кромѣ православныхъ и р.-католическихъ приходскихъ школъ,—среднія учебныя заведенія, одно высшее при Св. Троицкомъ монастырѣ и училище правовѣдѣнія, основанное въ 1566 г. при архипресвитеріальномъ костелѣ св. Іоанна. Кромѣ того находились въ Вильнѣ училища протестантовъ и кальвиновъ, которые, благодаря помощи богатыхъ покровителей, имѣя возможность—содержать просвѣщенныхъ преподавателей, не стѣсняемыхъ отвѣтственностію въ изложеніи своихъ мнѣній, и—получать изъ за границы учебныя пособія,—способствовали развитію образованія въ средѣ мѣст-

наго населенія преимущественно передъ другими диссидентами. Но вотъ въ 1569 г. являются въ Литвѣ отцы іезуиты, по призыву виленскаго р.-католическаго епископа Протасевича, и, въ теченіи 20 лѣтъ, при помощи королевской власти и при содѣйствіи сильныхъ вельможъ, которыхъ расположили къ себѣ интригой и лестью,—такъ ласкающею шляхетское самолюбіе,—содѣйствуютъ обѣднѣнію и наконецъ совершенному закрытію школъ русскихъ и прочихъ диссидентовъ, собирая въ тоже время значительные фундуши (капиталы) на устройство своихъ собственныхъ школъ.

Извѣстно, что обществу іезуитовъ даны были папскими буллами и королевскими декретами широкія права. Имъ дозволено было заводить, гдѣ угодно, коллегіи и школы, учить языкамъ, свободнымъ наукамъ, философіи, богословію,—даже тамъ, гдѣ находятся университеты. Не мудрено, что при такихъ правахъ іезуиты съ полнымъ успѣхомъ достигали своихъ цѣлей—владѣть общественною мыслью и совѣстью отдѣльныхъ личностей, для чего признано было ими необходимостію — стѣснять и подавлять всякое свободное отъ ихъ вліянія развитіе человѣческаго разума и, для большаго пріобрѣтенія популярности въ массахъ,—льстить страстямъ и снисходить къ слабостямъ. Что такова была метода дѣйствія іезуитовъ,—подтверждаютъ ихъ инструкціи, программы наукъ въ собственныхъ ихъ школахъ и самые плоды ихъ воспитанія, отразившагося на послѣдующихъ поколѣніяхъ, происшедшихъ отъ ближайшихъ воспитанниковъ ихъ. Распространивъ планъ Ягеллы объ уничтоженіи православія въ Литовскомъ государствѣ, іезуиты рѣшили уничтожить и всѣ школы иновѣрцовъ съ тѣмъ, чтобы будущія поколѣнія воспитывать исключительно въ духѣ латинства, покорнаго папскому престолу. Овладѣвъ народнымъ образованіемъ, послѣдователи ученія Лойолы, при помощи уніи и совращенія, опираясь на польскихъ магнатовъ, усердно занялись воспитаніемъ молодежи, въ которой, въ короткое время, успѣли убить едва возродившееся умственное движеніе, подавивъ его отвлеченностями схоластической философіи и казуистическимъ богословіемъ. Въ разныхъ мѣстностяхъ появились іезуитскія коллегіи, при которыхъ учреждались и школы для свѣтскаго образованія. Между ними пріобрѣтаетъ особенную извѣстность виленская коллегія которая, при Стефанѣ Баторіѣ, преобразовывается въ академію, на правахъ и программѣ краковской.

Старанія іезуитовъ достигли того, что указъ Сигизмунда III запрещалъ послѣдователямъ православія учреждать свои школы, а конституція 1635 г. окончательно закрѣпила за ними всѣ шко-

лы и право цензуры книгъ *). Въ XVII ст. образованіе приняло чисто іезуитскій характеръ; все не-іезуитское было вытѣснено. Благодаря іезуитскому воспитанію, между послѣдователями римской и греческой вѣры открылась непримиримая ненависть. Молодежь изъ іезуитскихъ школъ выходила фанатическая, враждебная ко всему не римскому, съ сомнительною, фальшивою моралью, склонная къ интригамъ и производству безпорядковъ. Эти качества,—должно сознаться безпристрастно,—всецѣло перешли въ плоть и кровь позднѣйшаго, современнаго уже намъ, потомства.

Въ концѣ этого столѣтія, русскій языкъ былъ изгнанъ изъ учебныхъ заведеній, польскій же, принятый поголовно шляхетствомъ,—сдѣлался языкомъ учебнымъ и оффиціальнымъ. По изгнаніи іезуитовъ и уничтоженіи этого ордена папою Климентомъ XIV, общественное воспитаніе переходитъ къ правительству **). Постановленіями сеймовъ 1773 и 1775 годовъ, учреждена была, съ цѣлью слѣдить за образованіемъ, эдукаціонная коммисія, раздѣлившая Литовское государство на учебные округи, изъ которыхъ въ каждомъ находилась высшая школа и нѣсколько низшихъ духовныхъ и свѣтскихъ, равно какъ приходскія училища и частныя школы. Всѣ эти заведенія содержались или духовенствомъ, или на счетъ эдукаціоннаго капитала, образовавшагося изъ части іезуитскихъ имѣній. Одновременно съ тѣмъ, впервые замѣчается появленіе въ учебныхъ округахъ, въ числѣ мужскихъ учебныхъ заведеній,—и частные женскіе пансіоны. Съ удаленіемъ іезуитовъ, учебное и воспитательное дѣло нисколько, однако, не освобождается отъ вліянія на него р. католическаго духовенства, которое, получивъ значительныя имѣнія, старательно прибираетъ въ свое вѣдѣніе обученіе дѣтей. Такъ, мы встрѣчаемъ во всѣхъ почти учебныхъ заведеніяхъ этого времени, въ числѣ преподавателей, духовенство разныхъ орденовъ, а именно р. католическое (доминиканы, піары, миссіонеры, каноники латеранскіе, кармелиты и францисканы) и уніатское—(базильяне).

---

*) По свидѣтельству историковъ Литвы, на площадяхъ Вильны часто пылали костры конфискованныхъ іезуитами въ училищныхъ библіотекахъ и у частныхъ владѣльцевъ, книгъ, сжигаемыхъ палачами. Авторъ.

**) Въ послѣднее время господства іезуитовъ въ Литвѣ, когда недовольство на ихъ злоупотребленія сдѣлалось почти общимъ и повсемѣстнымъ, вступаетъ съ ними въ соперничество орденъ-піаровъ, посвятившій себя обученію юношества. Нѣкто Станиславъ Конарскій, ставшій въ главѣ піяровъ, реформами, положенными имъ въ основу своихъ училищъ, значительно подорвалъ общественное довѣріе къ іезуитскимъ училищамъ, склонившимся вслѣдствіе этого къ видимому упадку. Авторъ.

Въ Литовской губерніи, имѣвшей, по высочайшему указу 1796 г., главнымъ городомъ Вильну, и раздѣленной впослѣдствіи (1802 г.) на губерніи Виленскую и Гродненскую, въ первое время ея образованія, находилось 49 учебныхъ заведеній, въ которыхъ воспитывалось 2159 мальчиковъ и 82 дѣвицъ. Въ числѣ этихъ заведеній, на всю губернію была одна свислочская мужская гимназія, считавшаяся пріуготовительнымъ заведеніемъ для вступленія въ виленскую академію. Въ 1803 г. академія эта преобразована императоромъ Александромъ I въ императорскій университетъ, содержавшійся изъ доходовъ съ поіезуитскихъ имѣній. Въ слѣдующемъ году, для подготовленія молодежи къ университетскому образованію, кромѣ гимназіи въ Вильнѣ, было 15 училищъ, въ числѣ которыхъ одно евангелико-реформатское.

До 1830 г., дѣло образованія здѣшняго юношества оставалось въ положеніи statu quo. Р. католическое духовенство, владѣвшее воспитывающимися, при посредствѣ проповѣдей и вліянія женщинъ подготовило умы къ наступившимъ политическимъ смутамъ. Виленскій университетъ, наполненный сверху до низу поляками, имѣя въ главѣ профессоровъ, руководимыхъ попечителемъ виленскаго учебнаго округа, княземъ Чарторыйскимъ, образовалъ въ стѣнахъ своихъ тайныя общества (такъ называвшихся «филаретовъ» и «филоматовъ»), давъ изъ среды учащихся революціонныхъ дѣятелей, а женщины, на воспитаніи которыхъ не могло не отразиться общее направленіе его въ духѣ враждебномъ русскому правительству,—играли, въ средѣ польскаго мятежнаго населенія, слишкомъ воинственную, несвойственную ихъ природнымъ наклонностямъ, роль. Ученики гимназій были одушевлены тѣмъ же духомъ, что доказало слѣдствіе, произведенное въ Вильнѣ резидентомъ Ц. Польскаго, сенаторомъ, гр. Н. Н. Новосильцевымъ, по поводу фарса ученика гимназіи Плятера, написавшаго въ классѣ: «да здравствуетъ конституція 3-го мая! Поляки! возстаньте для защиты великаго нашего дѣла!» Поступокъ этотъ, какъ обнаружили послѣдствія, не былъ случайностію, или одинокою шалостью, а служилъ выраженіемъ настроенія всего учащагося въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ юношества.

События, послѣдовавшія въ періодъ отъ 1831 по 1842 г., какъ то: закрытіе виленскаго университета *), упраздненіе р.-католи-

*) По закрытіи въ 1832 г. виленскаго университета, оставшіеся медицинскій и богословскій факультеты переименованы: 1-й—въ медико-хирургическую, упраздненную въ 1841 г., а 2-й—въ римско-католическую духовную академіи. Въ 1834 г. открытъ въ Вильнѣ благородный мужской пансіонъ и при немъ 2-я гимназія, которые въ 1838 г. преобразованы въ дворянскій мужской институтъ, закрытый вслѣдствіе обнаруженныхъ въ немъ безпорядковъ, во время мятежа 1863 года.

ческихъ монашескихъ орденовъ, возсоединеніе уніатовъ и поступленіе духовныхъ имѣній въ вѣденіе министерства государственныхъ имуществъ,—вызвали со стороны правительства рядъ реформъ въ устройствѣ учебныхъ заведеній края и въ способѣ преподаванія наукъ. Духовенство было совершенно устранено отъ школы и, такимъ образомъ, общественное и народное воспитаніе de jure перешло въ руки правительства, которое, ослабивъ клерикальное въ учебныхъ заведеніяхъ вліяніе, является, съ этого времени, впрочемъ болѣе номинально, представителемъ просвѣтительнаго начала въ здѣшнемъ краѣ.

Предпринятое правительствомъ преобразованіе воспитательной и учебной частей съ недовѣріемъ было встрѣчено польскомъ дворянствомъ, смотрѣвшимъ на С.-Западныя губерніи, какъ на губерніи польскія, хотя все противорѣчило этому взгляду: и русская народность, и православная вѣра большинства населенія, и исторія края, которому насильственно были привиты чуждыя формы и чуждый языкъ, и въ которомъ самая вѣра была поколеблена только уніею и происками іезуитовъ и ксендзовъ.

Послѣдствіемъ упомянутыхъ реформъ является учрежденіе, вмѣсто училищъ, бывшихъ въ вѣденіи р.-католическаго духовенства, достаточнаго числа гимназій и уѣздныхъ дворянскихъ училищъ, по уставу 1828 г. Преподаваніе съ этого времени было ввѣрено свѣтскимъ учителямъ, духовенству же предоставлено заниматься только преподаваніемъ закона Божія. Но всѣ эти мѣры не были однако коренными и цѣлесообразными. Ненадежность ихъ, при фалангѣ польскихъ учителей, подготовленныхъ при прежнемъ въ дѣлѣ образованія участіи р.-католическаго духовенства,—обнаружилась впослѣдствіи печальными результатами, приведшими здѣшнее образованное населеніе къ мятежному настроенію, предшествовавшему событіямъ 1863 года.

Настойчивость, въ приведеніи учебной реформы въ исполненіе, сломивъ недовѣріе и противодѣйствіе мѣстнаго польскаго дворянства, заставила, какъ видно, большинство его признать необходимость новой системы воспитанія и отдачи дѣтей своихъ въ училища и гимназіи,—что доказывается наступившимъ—вслѣдъ за уменьшеніемъ-приращеніемъ числа учащихся во вновь учрежденныхъ заведеніяхъ. Ксендзы, по видимому, потерпѣли полнѣйшее fiasco. Но, потерявъ право легально пропагандировать съ учительскихъ кафедръ,—они удержали за собою вліяніе на умы чрезъ посредство исповѣди, проповѣди и интимныхъ бесѣдъ въ семейныхъ польскихъ кружкахъ, гдѣ являлись болѣе вкрадчивыми и не менѣе сильными пропагандистами. Одновременно съ приращеніемъ числа учащихся въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ, замѣчается и увеличеніе числа дѣвицъ въ частныхъ женскихъ пан-

сіонахъ. Но пансіоны эти, дошедшіе до насъ почти въ первобытномъ видѣ, далеко не соотвѣтствовали своему назначенію, Содержательницы ихъ, р.-католическаго исповѣданія, руководясь, прежде всего, личными спекулятивными на учениць своихъ видами, мало обращали вниманія на научное образованіе ихъ и, пропитанныя анти-русскимъ духомъ, усвоеннымъ шляхетскимъ населеніемъ края, вредно вліяли на юные умы дѣвицъ, ввѣряемыхъ ихъ попеченію. Хотя эти частныя заведенія и состояли въ вѣденіи виленскаго учебнаго округа, но надзоръ за ними директоровъ училищъ, при многочисленныхъ занятіяхъ ихъ по дирекціи, ограничивался, обыкновенно, просмотромъ программъ преподаванія, (и то одинъ только разъ, — при открытіи пансіоновъ) и годичными, поверхностными въ нихъ экзаменами. Выборъ учителей, гувернантокъ и учебныхъ руководствъ, подробное распредѣленіе времени занятій по каждому предмету, наблюденіе за тѣмъ, въ какомъ духѣ излагаются науки — все это зависѣло отъ содержательницъ пансіоновъ. Польскій языкъ и польская своеобразная исторія были въ этихъ заведеніяхъ предметами первой важности,— языкъ русскій и русская исторія считались въ нихъ только предметами обязательными, такъ сказать, казенными, которымъ удѣлялось времени гораздо менѣе, чѣмъ изученію иностранныхъ языковъ.

Мѣстная администрація, убаюканная внѣшнимъ заявленіемъ преданности правительству со стороны дворянскаго населенія, которое, переставъ противодѣйствовать правительственной системѣ воспитанія явно, замкнулось въ себя и дѣйствовало враждебно тайными путями,—не замѣчала—какъ далеко пустила свои корни полонизація и какъ чувствительно подорвала она силу правительственнаго авторитета въ краѣ, забравшись въ нѣдра учебныхъ заведеній.

Въ такомъ положеніи учебное и воспитательное дѣло находилось до тѣхъ поръ, пока не принесло плодовъ по виду своему, пока чаша терпѣнія прежнихъ уродливыхъ порядковъ переполнилась, и прозорливый, покойный, гр. М. Н. Муравьевъ не обратилъ на него своего глубокаго и плодотворнаго вниманія.

Переходя за тѣмъ отъ эпизодовъ, разсмотрѣнныхъ нами съ точки зрѣнія исторической въ область фактовъ, недавно совершившихся передъ нашими глазами и, всматриваясь въ явленія ближайшаго къ намъ—до-Муравьевскаго времени,—не трудно замѣтить слѣдующее странное взаимодѣйствіе, господствовавшее въ здѣшнемъ польскомъ обществѣ: римскій дворъ, по духу политики своей, дѣйствуетъ на ксендзовъ; тѣ, согласно внушеніямъ, исходящимъ изъ апостольской столицы, фанатизируютъ женщинъ и народъ, находя среду эту болѣе податливою для нравственной, религіозной

и умственной эксплоатаціи; женщины вліяютъ на расположенныхъ къ политическимъ мечтаніямъ мужчинъ и вмѣстѣ съ ними, настроенныя подъ одинъ камертонъ, вносятъ въ жизнь своеобразныя латино-польскія тенденціи и, въ свою очередь, умственно растлѣваютъ подростающихъ юношей обоихъ половъ — изъ поколѣнія въ поколѣніе. Съ той самой минуты, когда впервые является у ребенка сознаніе, формируются въ сердцѣ его симпатіи и развертываются мыслительныя его способности,—ближайшіе руководители и свидѣтели его дѣтства уже начинаютъ набивать его голову понятіями, а сердце чувствами, которыя, впослѣдствіи, укрѣпляясь направленіемъ школьнаго образованія, дѣлаютъ изъ него рьянаго поляка, напичканнаго преданіями давно минувшихъ дней Рѣчи Посполитой, и не умѣющаго мириться съ дѣйствительными требованіями окружающаго его внѣшняго міра, такъ какъ внѣшній міръ съ внутреннимъ поставлены съ дѣтства въ совершенный разладъ и противорѣчіе. Причину этого явленія должно отнести, конечно, болѣе всего, къ вліянію женщинъ — матерей, руководимыхъ своими духовными отцами, дѣйствовавшими главнымъ образомъ на душу женщины. Это руководство выработало то болѣзненно-страстное мистическое чувство, которое всасывается дѣтьми съ молокомъ матери; ему обязано существованіе — въ понятіяхъ поляковъ—принципа соединенія римской церкви съ польской національностію; оно породило и вызвало въ воображеніи фанатиковъ образъ Польши, будто пострадавшей и умершей за грѣхи рода человѣческаго и долженствующей воскреснуть. Такъ, за весьма ограниченнымъ исключеніемъ, велись и частію, конечно, и теперь ведутся,—дѣти въ семьѣ исключительно польской и въ семьѣ полякующей,—гдѣ, при мужѣ иновѣрцѣ, мать-полька, какъ регуляторъ дѣтскихъ мыслей и желаній—женщина экзальтированная, пропитанная до мозга костей польско-ксендзовскимъ фанатизмомъ.

Руководящая судьбами здѣшняго края русская цивилизующая сила не могла и не можетъ парализировать вредное вліяніе родителей-поляковъ крайнихъ убѣжденій на подростающихъ къ вступленію въ свѣтъ дѣтей ихъ, пока послѣднія обучаются дома; но съ переходомъ за порогъ учрежденной отъ правительства школы, для мальчика, равно какъ и для дѣвочки, должно бы было чувствоваться вліяніе школы, парализирующее то умственное направленіе, какое пріобрѣтено ими въ собственной семьѣ.

Неоспоримо, что въ публичную школу дитя поступаетъ иногда съ зародышемъ вѣрованій, убѣжденій и правилъ и съ очертаніемъ будущаго нравственнаго характера, опредѣляющихъ всю стоимость послѣдующей его жизни; а потому школа, особенно въ здѣшнемъ краѣ, должна бы быть единственнымъ горниломъ, въ которомъ

переплавлялся бы, очищался, получалъ опредѣленную форму и закаливался на всю послѣдующую жизнь весь умственный строй и нравственный характеръ воспитанника, какое бы первоначальное воспитаніе ни получилъ онъ въ своей семьѣ. При такихъ началахъ—школа, вводя ученика въ новый для него міръ научныхъ истинъ, нелицепріятно относящихся къ жизненнымъ явленіямъ и историческимъ свидѣтельствамъ, — могла бы внести въ голову его строго-правильныя понятія и взгляды. Но, къ сожалѣнію, этого не было; ибо польскіе учители, надзиратели и надзирательницы, вѣрные своимъ традиціоннымъ убѣжденіямъ, произвольно истолковывали ученикамъ, какъ минувшія историческія событія, такъ и настоящія и будущія судьбы края, искажая тѣмъ высокое значеніе воспитанія и злоупотребляя наукою. Пропагандируя, въ теченіи многихъ лѣтъ, въ такомъ духѣ, начальническимъ тономъ и съ высоты кафедръ,—поляки педагоги, надзиратели и надзирательницы, дружно идя по одному пути съ латинскими священниками,—являлись въ средѣ воспитывающихся не провозвѣстниками научной исторически—вѣрной истины, правды и мира, а польскими политическими агентами, воспитавшими современныхъ событіямъ 1863 г. ультра-поляковъ, ультрамонтанъ обоихъ половъ. Считаемъ, за тѣмъ, не лишнимъ-вышеприведенные нами доводы подкрѣпить фактическими данными, могущими наглядно указать—какіе плоды дали юноши, вышедшіе изъ подъ ферулы своихъ, вѣрныхъ іезуитскому ученію, наставниковъ. Въ 1861 г. открыто виленскою слѣдственною по политическимъ дѣламъ коммисіею, что ученикъ виленской гимназіи Витковскій собиралъ въ квартирѣ своей товарищей по воспитанію, составлявшихъ общество, занимавшееся сочиненіемъ возмутительныхъ стиховъ и брошюръ и пѣніемъ патріотическихъ пѣсень. Въ маѣ того же года, по совершеніи епископовъ Красинскимъ вечерни въ остробрамскомъ костелѣ, толпа учениковъ виленской гимназіи пѣла передъ иконою Богоматери извѣстный революціонный гимнъ: «Boże coś Polskę». Въ теченіи этого мѣсяца и въ послѣдующее за тѣмъ время, гимназисты массою запѣвали этотъ гимнъ въ разныхъ мѣстностяхъ Вильны, гдѣ на этотъ случай сбирались взрослые поляки-фанатики обоихъ половъ, въ средѣ которыхъ, надо полагать, находились и родители дебоширствующихъ школьниковъ-революціонеровъ, съ умиленіемъ взиравшіе на чадъ своихъ, такъ смѣло примѣнявшихъ къ практической жизни внушенныя имъ съ колыбели и развитыя въ стѣняхъ заведеній теоріи. Полиція и вообще русскіе въ это время подвергались разнымъ оскорбленіямъ. Агитирующіе, вмѣстѣ съ дѣтьми, родители и прочіе подстрекатели не предвидѣли, конечно, что всѣ эти фарсы повѣдутъ за собою рановременную и безплодную погибель взволнован-

ныхъ юношей, когда раздастся кличь: «къ оружію». Съ наступленіемъ 1863 г. кличь этотъ раздался и, за демонстраціями и революціонными пѣснями, наступилъ открытый вооруженный мятежъ. Школьники, безотчетно повинуясь развитымъ въ нихъ съ дѣтства мистическимъ фантазіямъ, и, подстрекаемые родителями, родственниками и наставниками, спѣшили промѣнять учебныя занятія на тревоги политической агитаціи и явнаго участія въ вооруженномъ мятежѣ. Въ Вильнѣ, въ дворянскомъ мужскомъ институтѣ и въ мужской гимназіи, къ 1-му января 1863 года, состояло учениковъ 757; къ 1-му мая того же года осталось 641— слѣдовательно ушло «до лясу» 116 человѣкъ. Это еще не все число жертвъ преступныхъ мечтаній мѣстной интеллигенціи. Извѣстно, что до 1-го января и послѣ 1-го мая, весьма многіе ученики оставили заведенія. Эта учащаяся молодежь была очистительною жертвою порядковъ, гнѣздившихся въ учрежденныхъ на счетъ русскаго правительства учебныхъ заведеніяхъ. 12-го августа того же года послѣдовало отъ гр. М. Н. Муравьева нижеслѣдующее, за № 6914, предписаніе къ бывшему попечителю виленскаго учебнаго округа, кн. Ширинскому—Шихматову: «Многіе изъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній, во время настоящихъ политическихъ безпорядковъ въ краѣ, принимали участіе въ оныхъ и, отлучившись съ своихъ квартиръ, присоединялись къ шайкамъ мятежниковъ. Для предохраненія на будущее время молодыхъ людей отъ преступнаго увлеченія и для обезпеченія тщательнѣйшаго наблюденія за ними, я признаю необходимымъ, по случаю наступившаго нынѣ съѣзда воспитанниковъ въ учебныя заведенія и начатія годичнаго курса, принять нижеслѣдующія мѣры, какъ въ г. Вильнѣ, такъ и по всѣмъ другимъ городамъ, гдѣ находятся гимназіи»: за тѣмъ, въ 3-хъ пунктахъ этого предписанія, излагаются мѣры побужденія родителей и опекуновъ, а также и учебнаго начальства, имѣть болѣе дѣйствительный надзоръ за воспитанниками, — и опредѣляется размѣръ денежнаго штрафа, которому должны подвергаться виновные въ недосмотрѣ за учениками, принимающими участіе въ мятежѣ. Такое распоряженіе прекратило дальнѣйшую, безплодную гибель молодыхъ силъ края, оставя тяжелый укоръ на совѣсти родителей и воспитателей за жертвы юныхъ авантюристовъ, уже падшихъ въ неравной, кровавой борьбѣ. Обстоятельство принятія дѣтьми участія въ послѣднемъ польскомъ возстаніи невольно приводитъ на память извѣстную историческую легенду среднихъ вѣковъ о дѣтяхъ— крестоносцахъ, безплодно погибшихъ въ предпринятомъ ими въ XIII ст. изъ Франціи и Германіи, по наущеніямъ, экзальтированныхъ р.-католическимъ духовенствомъ, родителей своихъ,—походъ въ Палестину, съ цѣлью освобожденія гроба Господня изъ подъ

власти поклонниковъ Магомета. Чтобы положить предѣлъ тлетворному вліянію, исходившему на учащихся со стороны наставниковъ—поляковъ, въ 1864 г. послѣдовало, по распоряженію гр. М. Н. Муравьева, измѣненіе въ составѣ учащихъ въ виленской гимназіи и прогимназіи. Такъ, въ 1863 г. въ нихъ было: 9 русскихъ, 24 поляка, 3 нѣмца и 1 французъ; а въ 1864 году, русскихъ было—26, р.-католическихъ законоучителей польскаго происхожденія—3, иностранцевъ—8, (въ томъ числѣ 5 нѣмцевъ). Это былъ крутой переворотъ, положительно пресѣкшій безобразіе и кощунство въ дѣлѣ воспитанія здѣшняго юношества. Съ этихъ поръ общественное воспитаніе, de jure и de facto, перешло въ вѣдѣніе правительства, сдавшаго его на руки исключительно русскихъ наставниковъ. Эта мѣра, съ одной стороны, прекратила вредное разъединеніе въ средѣ учителей, проявлявшееся въ педагогическихъ совѣтахъ, гдѣ преобладавшій польскій элементъ узаконялъ зачастую несообразныя рѣшенія *); съ другой стороны—правительство и русское общество вправѣ теперь ожидать, что здѣшнія учебныя заведенія будутъ подготовлять уже не враговъ, а полезныхъ и вѣрныхъ слугъ Государю и отечеству.

Вотъ что находимъ мы объ учебныхъ заведеніяхъ виленскаго учебнаго округа въ свѣдѣніяхъ, помѣщенныхъ въ Западнорусскомъ Мѣсяцословѣ за 1866 г., на стр. 85.: «Одною изъ важнѣйшихъ мѣръ, принятыхъ въ 1864 г., было измѣненіе личнаго состава преподавателей въ учебныхъ заведеніяхъ виленскаго учебнаго округа. Мѣра эта имѣла огромное значеніе въ дѣлѣ воспитанія здѣшняго юношества. Учебный 1864—65 г. начался при возобновленномъ, чисто-русскомъ составѣ преподавателей. Замѣна учителей польскаго происхожденія коренными русскими, въ связи съ другими мѣрами, направленными къ одной цѣли, оказала благотворное вліяніе на ходъ учебнаго и воспитательнаго дѣла; учебныя заведенія вышли изъ прежняго фальшиваго положенія и стали на твердую русскую почву. Со введеніемъ преподаванія Закона Божія р.-католическаго вѣроисповѣданія на русскомъ языкѣ, окончательно прекратилось оффиціальное признаніе

---

*) Учитель виленской гимназіи Н. А. Виноградовъ, въ замѣткѣ своей, помѣщенной въ «Вѣстникѣ Западной Россіи» [кн. 12 за 1864 г., стр. 328) приводитъ слѣдующій примѣръ несправедливыхъ дѣйствій польскихъ педагогическихъ совѣтовъ, въ дѣлѣ распредѣленія между учениками гимназіи пособій: ученики православнаго исповѣданія составляли едва 1—6 общаго числа и только 1—10 изъ числа казеннокоштныхъ, фундушевыхъ, стипендіантовъ и воспитанниковъ приказовъ; тогда какъ должно бы быть наоборотъ, ибо самые бѣднѣйшіе слои населенія въ краѣ, нуждающіеся въ пособіи для образованія дѣтей своихъ,—православные.» Авторъ.

употребленія польскаго языка въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, русскій языкъ занялъ принадлежащее ему—господствующее мѣсто; въ стѣнахъ заведеній онъ сдѣлался обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ всѣхъ учащихся, безъ различія вѣроисповѣданій. Ученики православнаго исповѣданія, значительно усилившіеся въ числѣ, вышли изъ прежняго страдательнаго положенія и поднялись нравственно. Въ гимназіяхъ введено, на мѣстныя средства, обученіе церковному пѣнію и образованы изъ православныхъ учениковъ пѣвческіе хоры, которые въ воскресные и праздничные дни поютъ на клиросахъ въ мѣстныхъ православныхъ церквахъ *). Ученики, родители которыхъ не живутъ въ городѣ, размѣщены на частныхъ квартирахъ, у благонадежныхъ лицъ, преимущественно православнаго исповѣданія; для доставленія всѣмъ ученикамъ гимназій возможности пользоваться чтеніемъ лучшихъ русскихъ авторовъ, при гимназіяхъ учреждены ученическія библіотеки, частію на средства, ассигнованныя бывшимъ главнымъ начальникомъ края, покойнымъ М. Н. Муравьевымъ, частію изъ сбора за ученіе, или же на суммы, пожертвованныя преподавателями и учащимися.

Каждому успѣху русскаго дѣла въ учебныхъ заведеніяхъ виленскаго учебнаго округа, графъ Михаилъ Николаевичъ оказывалъ постоянно самое сочувственное вниманіе и поощреніе, каждой потребности—удовлетвореніе. Преемникъ покойнаго графа Муравьева, К. П. фонъ-Кауфманъ, съ тою же сочувственною заботливостію, относился къ дѣлу распространенія и утвержденія русскаго образованія въ виленскомъ учебномъ округѣ.» Въ заключеніе вышесказаннаго, мы, съ своей стороны, считаемъ себя обязанными замѣтить, что имена: попечителя округа И. П. Корнилова, окружныхъ инспекторовъ Г. Э. Траутфеттера, В. П. Кулина и другихъ лицъ, стоящихъ въ настоящее время во главѣ корпораціи здѣшняго учебнаго округа и своею просвѣщенною и неустанною дѣятельностію поставившихъ здѣшнія учебныя заведенія на ту степень, на которой они теперь находятся,—должны съ благодарностію быть помянуты всѣми русскими людьми, которымъ не чужды успѣхи отечественнаго дѣла въ С.-Западныхъ губерніяхъ.

Что же, задаетъ читатель вопросъ, дѣлали до 1863 г. русскіе учителя и вообще лица не польскаго происхожденія, находившіяся въ составѣ бывшей виленской учебной дирекціи?

Прежде нежели отвѣчать на поставленный вопросъ, обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что только съ прибытіемъ графа Муравьева положеніе дѣлъ въ краѣ признано неестественнымъ. До этого же времени никому какъ бы и въ голову не приходило,

*) Хоръ пѣвчихъ изъ воспитанниковъ мужскихъ виленскихъ гимназій и прогимназіи поетъ въ Николаевской церкви, что на большой улицѣ. Авторъ.

что узаконившіеся годами порядки—беззаконны. Убѣжденіе мѣстнаго шляхетскаго населенія, что провинціи, отъ Польши возвращенныя, должны на всемъ носить польскій отпечатокъ — было такъ обще и такъ рѣзко во всемъ обнаруживалось, что даже высшая мѣстная администрація частію раздѣляла такое убѣжденіе и многое терпѣлось его, чему теперь нѣтъ мѣста *). Среди такой обстановки, что могла сдѣлать горсть русскихъ дѣятелей, слабо защищенныхъ отъ *пановавшей* въ краѣ вліятельной польской партіи и не поддержанныхъ сочувствіемъ русскаго общества и передовыхъ людей Россіи? Поставленные въ непреодолимую для ихъ частныхъ единочныхъ усилій борьбу съ мѣстными условіями края и по большей части съ матеріальными недостатками своего быта, одни изъ нихъ, частію въ видахъ сохраненія занимаемаго мѣста, частію изъ сознанія своего безсилія въ средѣ подавляющаго ихъ большинства товарищей по профессіи польскаго происхожденія, примыкали къ послѣднимъ, нося въ душѣ своей глухой протестъ на существующее беззаконіе; другіе же напротивъ, твердо убѣжденные въ важности лежащихъ на нихъ обязанностей по отношенію къ наукѣ и воспитанію, старались, идя въ разрѣзъ съ общимъ фальшивымъ въ основаніи убѣжденіемъ, возстановить по возможности нормальное положеніе дѣлъ—положеніе, которому импульсомъ послужили, строго говоря, печальныя событія 63 года, совершившія рѣшительный переворотъ въ умахъ сверху внизъ. Не по силамъ и трудна была борьба этихъ, если можно такъ выразиться, передовыхъ въ краѣ личностей корпораціи учебнаго округа, группировавшихся главнымъ образомъ около кровно-русскаго попечителя сво-

---

*) Въ подтвержденіе нашего вывода и въ доказательство наглости, съ которою мѣстная интеллигенція высказывала, даже оффиціально, такое убѣжденіе,—приведемъ для примѣра изъ ряда фактовъ одинъ: новогрудскій уѣздный предводитель дворянства Брохоцкій, на предложенный ему, въ числѣ прочихъ лицъ мѣстной интеллигенціи и педагогическихъ совѣтовъ гимназіи и прогимназій виленскаго учебнаго округа къ разсмотрѣнію, проэктъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній въ краѣ, въ мнѣніи своемъ, между прочимъ, говоритъ: «Необходимо возвратить преподаваніе всѣхъ наукъ на польскомъ языкѣ во всѣхъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ края; даже языкъ русскій слѣдуетъ преподавать по польски.» (?!) Такое чудовищное парадоксальное мнѣніе, съ разными варіаціями на ту же тему, высказывалось въ мѣстномъ печатномъ органѣ края — въ газетѣ «Виленскій Вѣстникъ», редактируемой г. Киркоромъ, оговаривавшемъ въ этомъ случаѣ: «что онъ высказываетъ не столько свое собственное, сколько общественное мнѣніе просвѣщеннѣйшихъ изъ здѣшнихъ жителей.» (!), настойчиво поддерживалось вице-председателемъ виленской археологической коммиссіи Балинскимъ и, болѣе или менѣе, всѣми педагогическими совѣтами гимназій и прогимназій виленскаго учебнаго округа. (Статья, Гордіевъ узелъ, помѣщенная въ «Вѣстникѣ Западной Россіи» кн. 3. за 1863 г. стр. 331—238. Авторъ.

его кн. Ширинскаго-Шихматова, дѣйствія котораго въ пользу русскаго воспитательнаго дѣла, парализируемыя на каждомъ шагу оппозиціею, въ концѣ концовъ совпали, къ несчастію, съ временемъ религіозно-политическихъ манифестацій и вооруженнаго возстанія, указавшихъ съ такою очевидностію, что корень зла лежитъ въ характерѣ воспитанія, получаемаго мѣстными дѣятелями въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ, не имѣвшихъ еще, впослѣдствіи только указанной гр. Муравьевымъ, цѣли: *бороться съ ложью и безнравственностію польщизны и возстановлять, поддерживать и укрѣплять, чрезъ воспитаніе, русскія начала въ искони русскомъ С.-Западномъ краѣ.*

Но обратимся къ разсадникамъ женскаго образованія и, прежде чѣмъ перейдемъ къ главной темѣ настоящей статьи—къ виленской женской гимназіи, бросимъ взглядъ на положеніе здѣшняго образованнаго женскаго населенія въ пору религіозно-политическихъ демонстрацій послѣдняго шляхетскаго мятежа.

Павелъ Меньшиковъ.

(Продолженіе будетъ).

НЕДАВНО МИНУВШЕЕ ВОЛЫНИ *).

I.

Общество для распространенія польскихъ книгъ.

Въ исторіи послѣдняго польскаго возстанія, наша Волынь занимаетъ не послѣднее мѣсто. Мѣстные польскіе дворяне являются весьма дѣятельными сотрудниками въ дѣлѣ возстановленія Рѣчи—Посполитой. Одни изъ нихъ занимаются исключительно подпольною работою, другіе, напротивъ, принимаются за дѣло открыто, на глазахъ самаго начальства, но, конечно, подъ маскою самыхъ благонамѣренныхъ цѣлей.—Приготовленія къ послѣднему польскому возстанію начались давнымъ—давно и стоили много тру-

*) Подъ этимъ заглавіемъ мы желаемъ помѣстить нѣсколько эпизодовъ послѣдняго польскаго возстанія, происходившаго въ Волынской губерніи. Нѣкоторые, быть можетъ, упрекнутъ насъ за то, что мы выкапываемъ изъ архивовъ дѣла уже минувшія, но намъ кажется, что эти дѣла недавно минувшихъ дней должны быть выведены на божій свѣтъ: однимъ они, быть можетъ, послужатъ назидательнымъ урокомъ, а другимъ предостереженіемъ.—

Всѣ статьи наши, по этому предмету, основаны будутъ на вѣрныхъ офиціальныхъ данныхъ. (Волынскія Губернскія Вѣдом.)

довъ и усилій. Чтобы провозгласить искони край русскій краемъ польскимъ, необходимо было, прежде всего, ополячить и окатоличить все населеніе Волыни. Для осуществленія этой нелегкой задачи, поляки не жалѣли ни трудовъ, ни времени, ни матеріальныхъ пожертвованій. Въ числѣ средствъ, избранныхъ нашими поляками для ополячиванія и окатоличиванія края, первое мѣсто занимаетъ образовавшееся *общество для распространенія польскихъ книгъ по удешевленнымъ цѣнамъ*. Слѣды дѣятельности этого общества, не смотря на кратковременность его существованія, еще и теперь замѣтны въ нашемъ краѣ. Оно дѣйствовало не какъ свѣтская пропаганда, но съ хитростью, настойчивостью и энергіею іезуита. Изъ описанія этого общества, заимствованнаго нами изъ офиціальныхъ данныхъ, читатель въ состояніи будетъ судить о томъ вредѣ, какой оно могло нанести, при дальнѣйшемъ своемъ существованіи, коренному русскому населенію края и самому правительству.

Въ 1858 году, варшавскій купеческій сынъ Іосифъ Х—щъ, получивъ въ іюлѣ мѣсяцѣ разрѣшеніе волынскаго губернскаго управленія на открытіе въ г. Житомирѣ типо-литографическаго заведенія, принялъ къ себѣ въ товарищи помѣщиковъ: Волынской губерніи Карла Ка—скаго, Кіевской губерніи Александра Г—зу, Подольской губерніи Владислава Лит—скаго, о чемъ составлена 14 ноября сдѣлка, явленная у дѣлъ маклера города Житомира, и съ разрѣшенія губернскаго управленія открыта въ г. Житомирѣ въ домѣ Кв—скаго типографія и литографія, подъ фирмою: Ка—скій, Х—щъ и К°. Заведеніе это устроено было на 12 лѣтъ.

Въ 1859 году, 15-го января Ка—скій, Г—за и Лип—скій, составили въ г. Житомирѣ товарищество или торговой домъ для изданія новыхъ и перепечатыванія вышедшихъ уже въ свѣтъ, на разныхъ языкахъ, сочиненій и распродажи таковыхъ. Въ сдѣлкѣ, явленной 17 января у городоваго маклера, постановлены, между прочимъ, слѣдующія условія: 1) Каждый изъ товарищей получитъ свидѣтельство, для купцевъ 3-й гильдіи опредѣленное, и внесетъ сей-часъ капиталъ въ 500 руб. 2) Въ теченіи двухъ лѣтъ, каждый изъ товарищей, кромѣ означенныхъ 500 руб., обязанъ внести еще по 1900 р. или изъ собственныхъ денегъ, или же при помощи вкладчиковъ, которые пожелаютъ ввѣрить для предположеннаго торговаго оборота свои капиталы, о каковыхъ капиталахъ постановлены будутъ для вкладчиковъ особыя условія. 3) Товарищество должно существовать 10 лѣтъ. Въ предохраненіе торговыхъ предпріятій отъ разстройства, для заступленія товарищей, въ случаѣ смерти, въ продолженіи торговли, согласно 650 ст. XI Т. устава торговаго, назначаютъ: Ка—скій—волынскаго губерн-

скаго предводителя дворянства Карла Ми—ча, Г—зъ—графа Александра Кри—скаго, а Лип—скій—доктора Людвика К—ха.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1859 года, составившееся общество для изданія новыхъ и перепечатыванія вышедшихъ уже въ свѣтъ, на разныхъ языкахъ, сочиненій и распродажи таковыхъ,—напечатало программу «Библіотеки домашней,» имѣющей издаваться въ г. Житомирѣ, и билеты: 1) вкладочные, на участіе въ издательствѣ «Библіотеки домашней» въ г. Житомирѣ въ 500 р.; 2) пренумераціонные на изданіе «Библіотеки домашней» трехъ разрядовъ: а) 100 р.; б) 50 руб., и в) для студентовъ университета св. Владиміра—годичные, въ 10 р.

Программа «Библіотеки домашней:»

«Желая отвѣтить необходимымъ потребностямъ времени и волѣ Всепресвѣтлѣйшаго Государя, дозволяющаго заводить новыя типографіи и изъявляющаго желаніе, чтобы книги печатались въ большемъ количествѣ и черезъ то возрастало просвѣщеніе между народами, повинующимися Его скипетру, мы предположили издавать въ Житомирѣ «Библіотеку домашнюю» или собраніе книгъ, полезныхъ сельскому жителю и состоящихъ изъ лучшихъ сочиненій популярнаго содержанія.

«Литература наша, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ своего существованія, возросла *знаменито* и съ каждымъ днемъ приноситъ намъ все новыя и истинно прекрасныя пріобрѣтенія; но до настоящаго времени это было какъ бы масломъ, плывущимъ на поверхности народа, и глубина его оставалась по прежнему не тронута, потому что книги наши всегда были очень дороги и умственныя произведенія нашихъ ученыхъ мыслителей, поэтовъ, людей таланта, ума и сердца, сдѣлались предметомъ барыша частной спекуляціи, а для народа, для котораго они жертвовали временемъ, здоровьемъ и даже жизнію, приносили и приносятъ едва частичную пользу. Кто немного путешествовалъ заграницею, тотъ видѣлъ въ какомъ изобиліи сочиняются тамъ книги и какъ дешево продаются, ибо милліоны людей нельзя обдѣлить сотнями и нельзя налагать дорогой монополіи на животворный хлѣбъ духовный. Правда, весьма выгодно мало платить или ничего не давать авторамъ, отпечатывать какъ можно меньшее количество экземпляровъ, а самимъ брать огромную плату, но когда теперь измѣняются всѣ другія застарѣлыя привычки, обычаи, злоупотребленія, то (Wydawnictwo) «выдавничество» книгъ и цѣлый книжнотипографскій промыселъ долженъ у насъ измѣниться и преобразиться до основанія.

«Во Франціи учреждаются въ гминахъ библіотеки; даже въ нашемъ государствѣ русскіе литераторы и книгопродавцы заготовляютъ ихъ для городовъ и мѣстечекъ; мы только остаемся въ

своей застарѣлой раздѣльности и безпечности. Зная, что и для насъ наступило время дѣйствій, мы предполагаемъ въ малыхъ размѣрахъ начать *великое дѣло*. Предполагаемъ заняться, при помощи людей, заботящихся объ общемъ благѣ, изданіемъ въ Житомирѣ дешевой «Домашней Библіотеки,» дабы и нашъ простой народъ могъ отъ нея имѣть пользу: Но если это время еще не такъ скоро настанетъ, то пусть изъ нея извлекаютъ пользу тѣ, кто сближенъ съ народомъ и имѣетъ вѣками пріобрѣтенное развитіе и просвѣщенный духъ.

«Въ составъ «Домашней Библіотеки» войдутъ: сочиненія религіознаго содержанія, моральнаго и философскаго, всеобщая исторія и частная знаменитѣйшихъ народовъ; исторія отечественная и памятники; исторія путешествій и изобрѣтеній, исторія знаменитѣйшихъ литературъ; поэзія и повѣсти; политическая экономія, наука о торговлѣ, статистика, популярныя сочиненія о наукахъ естественныхъ; сельская медицина, сельское хозяйство, садоводство и архитектура сельская, технологія и т. д. Займемся изданіемъ букварей, набожныхъ книжекъ и всякихъ сочиненій популярныхъ, крайне нужныхъ для просвѣщенія народа; чтобы ни было издано полезнаго на его нарѣчіи, будетъ и у насъ издано. Въ общемъ—у насъ дѣло идетъ не о новости и оригинальности, а объ истинной пользѣ. Просимъ не упускать изъ виду, что дѣло идетъ не о частномъ, а объ общемъ, не объ обогащеніи библіотекъ, но объ устройствѣ полезнаго собранія книгъ (Księgozbioru), для уединеннаго обитателя села и даже нашихъ мѣстечекъ и городовъ.

«Хотя «выдавничество» «Библіотеки Домашней» снискало общую симпатію и отвсюду, отъ знаменитѣйшихъ нашихъ авторовъ получаемъ увѣреніе въ дѣятельности и безкорыстной помощи, однако мы объявляемъ, что всякія полезныя сочиненія, еще не напечатаныя, и тѣ, которыя будутъ присланы для напечатанія, охотно будемъ оплачивать.

«Ведя точный контроль изданіямъ, «выдавничество» означитъ самые низкія цѣны на изданныя имъ книги; а такъ какъ цѣна понижается соотвѣтственно увеличенію числа экземпляровъ, то «выдавничество» будетъ стараться увеличить число экземпляровъ до самой большой цифры.»

«Новая типографія въ Житомирѣ, основанная на особыя суммы, на особыхъ условіяхъ, устроена и съ «выдавничествомъ» въ томъ только соединена, что всякое печатаніе будетъ производить для «выдавничества» по цѣнѣ уменьшенной сколько возможно. Какъ бы значительна ни была сумма, выручаемая отъ продажи подписныхъ билетовъ, во всякомъ случаѣ она была бы только краеугольнымъ камнемъ въ обширности цѣлаго предпріятія. Мы

кладемъ его во имя Бога и блага человѣчества, и при томъ хотимъ вѣрить, что Тотъ, Кто изъ зерна производитъ огромныя деревья, дастъ и нашему предпріятію вожделѣнныя силы и ростъ. Имѣемъ способныхъ, просвѣщенныхъ людей, готовыхъ посвятить свое знаніе и опытъ для общественной пользы.»

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1859 года, Карлъ Ка—скій, въ засѣданіи товарищей, читалъ первый, со времени учрежденія товарищества, отчетъ, о состояніи дѣлъ его, напечатанный въ Кіевѣ 2 мая 1859 года.

Отчетъ этотъ есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ документовъ, на который обращаемъ вниманіе читателя. Читая этотъ отчетъ, въ настоящее время, мы только удивляемся, какъ это случилось, что во время его появленія никто не замѣтилъ, какими уловками «общество» приступало къ своей дѣятельности, какимъ образомъ не замѣтили, что «общество», подъ маскою желанія содѣйствовать просвѣщенію края, изъ чувства любви къ ближнему, имѣло только единственно въ виду осуществленіе своей завѣтной мечты — возстановленіе старой Польши путемъ возбужденія польской народности и окатоличиванія края «безъ крику, безъ толчковъ, безъ жертвъ мученичества,» какъ говорится въ отчетѣ.

На первой страницѣ отчета говорится, что до учрежденія товарищества, лица, принимавшія въ немъ участіе на собраніяхъ, бывшихъ въ домѣ Ка—скаго, разсуждали объ устройствѣ его, и главнымъ предметомъ этихъ, по словамъ автора, пріятельскихъ бесѣдъ за чаемъ, было обсужденіе вопроса о пониженіи цѣнъ на книги, какъ лучшаго средства распространить въ народѣ образованіе. Отъ разсужденій скоро перешли къ осуществленію обдуманныхъ плановъ, потому что каждый спѣшилъ произнесть послѣднее слово: «хочу участвовать въ этомъ дѣлѣ и не пожалѣю издержекъ,» и всѣ вмѣстѣ старались доказать на дѣлѣ, что, по примѣру другихъ, они могутъ, хотя и съ незначительными средствами, принести пользу общественному дѣлу.

Касательно билетовъ на вкладъ говорится слѣдующее: «500-рублевые билеты, называемые удѣльными, суть документы товарищей, свидѣтельствующіе о вкладахъ и взаимныхъ обязательствахъ; билеты въ 100, 50 и 10 руб. соотвѣтствуютъ облигаціямъ, дающимъ движеніе вносимымъ капиталамъ. Первые билеты—удѣльные суть родники запаса издательства, другіе, такъ называемые пренумераціонные (подписные), суть каналы, направляющіе этотъ запасъ къ опредѣленнымъ мѣстамъ. Первые даютъ силу, вторые служатъ опорою. Долго, почти полвѣка, живя среди обывателей этихъ трехъ губерній, я хорошо знаю васъ и по совѣсти убѣжденъ въ томъ, что благородныя стремленія суть главныя правила жи-

зни вашей, и та жизнь всегда состоитъ въ полной силѣ братской любви и обывательскаго самопожертвованія. Кто заподозрѣваетъ васъ въ нравственной гнилости, тотъ или исключительнымъ случаемъ введенъ въ заблужденіе, или, по нѣкоторымъ индивидуумамъ, осмѣливается судить о цѣломъ составѣ обывателей. Есть въ вашихъ сердцахъ богатая мина любви къ ближнему и всякая готовность къ разсудительной и пріятной Богу и полезной людямъ жертвѣ.»

По поводу помѣщенныхъ въ варшавской газетѣ статей Кр—скаго, нежелавшаго присоединиться къ «выдавничеству,» г. Ка—скій вспоминаетъ о Чацкомъ, духъ котораго долго животворилъ, въ западномъ краѣ религію, нравственность и науку, голосъ котораго былъ голосомъ истиннаго «обывателя,» который понялъ потребности края сердцемъ и указывалъ средства умомъ; то былъ голосъ кроткой правды и глубокаго убѣжденія..... тотъ голосъ отозвался во всѣхъ поколѣніяхъ и вызвалъ въ нихъ живущую въ цѣломъ народѣ будущность. Самую память такого прошлаго, которое озаряетъ и нынѣшнее поколѣніе, слѣдовало бы почтить! И теперь никто неуклоняется отъ новыхъ жертвъ (darów) для общественнаго блага, для человѣчества. Кто же когда жалѣлъ безделицы—рубля, если была въ немъ существенная потребность?— Если бы г. Кра—скій захотѣлъ, то легко убѣдился бы и въ томъ, что всѣ уѣзды охотно отвѣтили на голосъ предводителей дворянства, когда тѣ приглашали ихъ къ складкѣ, которой братское сердце горячо желало. . Даже бѣднѣйшіе уѣзды записывались съ двойною жертвою.—

По поводу этихъ же статей, Ка—скій далѣе говоритъ объ учрежденномъ въ г. Житомирѣ «благотворительномъ обществѣ.»

«Благотворительное общество,» существующее въ Житомирѣ едва два года, уже воспитываетъ 20 мальчиковъ въ собственной ремесленной школѣ, первоначальное устройство которой было мнѣ поручено, а теперь полезно развивается подъ опекунскимъ надзоромъ ревностнаго члена общества Леона Ли—скаго; оно уже содержитъ 4 учениковъ при житомирской гимназіи, надзоръ надъ которыми.... по желанію управленія «благотворительнаго общества,» я принялъ на себя; для двухъ семинаристовъ тоже заготовляемъ деньги. Почему же обо всемъ этомъ г. Кра—скій не знаетъ или знать не хочетъ? Неутомимый въ своихъ трудахъ для пользы человѣчества вице-президентъ «Благотворительнаго общества» Владиславъ По—нскій показалъ бы ему, во всякое время, гдѣ и сколько общественныхъ денегъ находится. Соболѣзнуемъ о томъ, что г. Кра—скій ни разу не былъ на нашихъ засѣданіяхъ, посвященныхъ помощи бѣднымъ, равно какъ ни разу не сѣлъ на скамьяхъ комитета, занимающагося бытомъ крестьянъ. Не мѣ-

шало бы, во всякомъ случаѣ, услышать собственнымъ ухомъ, какъ здравы были понятія общественнаго дѣла (sprawy), какъ религіозны, какъ нравственны и честны желанія, какъ всѣ пренія совокупно направлялись не къ угнетенію ближняго, но къ кое-какимъ другимъ средствамъ, имѣя всегда цѣлію спокойную и нравственную будущность. Тамъ бы онъ услышалъ, что собственныя, какъ будто новыя мнѣнія г. Кра—скаго суть уже издавна какъ бы старыми дѣлами между нашею шляхтою, тамъ бы онъ также услышалъ и объ агрономическомъ обществѣ, и о сельскихъ школахъ, и о періодическихъ сочиненіяхъ, какъ органахъ труда, нравственности и науки. Тамъ бы узналъ, какъ велика въ публичныхъ дѣлахъ заслуга живаго слова и разсудительности въ руководителѣ, какъ тамъ основательно понято и сохраняемо было обывательское согласіе. Однакожъ, судящему объ общественныхъ дѣлахъ слѣдовало знать о томъ, что сдѣлано, что дѣлается и что имѣетъ спокойно развиваться, подъ милостію достойнаго представителя нашей губерніи г. Карла Ми—ча и подъ санкціею права, безъ крика, безъ толчковъ и безъ жертвъ мученичества *)........ Но оставимъ все это судьямъ болѣе г. Кра—скаго справедливымъ, а сами, спокойные въ совѣсти о прошломъ, надѣясь на Промыслъ Божій о будущемъ, займемся продолженіемъ начатаго отчета.—Если я уже занялъ то мѣсто, какое вы приказали мнѣ занять, то не сойду съ него, развѣ по вашей волѣ, въ свое время объявленной; а пока не будетъ этой воли, я считаю себя отвѣтственнымъ за все то, что вы, господа, имѣете право требовать отъ моей миссіи»

. . . .

Организація управленія «выдавничества» состояла изъ трехъ отдѣленій: счетнаго, редакціоннаго и книжнаго. Говоря о редакціонномъ отдѣленіи, въ которомъ исчисляетъ, что «всѣ польскія знаменнтости, писатели и ученые сочувственно отзываются дѣлу «выдавничества» и обѣщаютъ свое содѣйствіе», онъ оканчиваетъ словами: «Словомъ, пойдемъ повсюду, повсюду пойдемъ, гдѣ сердце, гдѣ наука, гдѣ насъ понимаютъ, гдѣ вѣрятъ нашему тру-

*) Упомянутое здѣсь «Благотворительное общество» имѣетъ связь съ «Общ. распр. польск. книгъ.» Какую роль «Благ. общ.» играетъ въ общемъ дѣлѣ возстановленіи Польши, читатель увидитъ въ продолженіи настоящей статьи. Изъ настоящаго «Отчета» Ка—скаго, равно какъ изъ другихъ документовъ, видно, что не все польское дворянство западнаго края посвящено было въ тайны учредителей общества, что были такіе, которые считали его ни къ чему непригоднымъ; не было недостатка и въ такихъ, которые не питали особаго довѣрія и сочувствія къ обществу и его дѣятельности потому, какъ выражается нѣкій Вод—скій, что менѣе задѣты были, не такъ сильно чувствовали, какъ волыняне. Нѣкоторые, раздѣляя стремленія общества, не сочувствовали выбору средствъ.

ду. Поставляя общественное благо выше людскихъ слабостей, упорно будемъ стучаться въ дверь даже тамъ, гдѣ насъ отгоняютъ, и все—въ сердечной надеждѣ, что когда нибудь намъ отворятъ.......

Говоря о счетномъ отдѣленіи, г. Ка—скій показываетъ, что въ теченіи 5 мѣсяцевъ, вписано всего участниками 22,300 р. сер. Въ книжномъ отдѣленіи преимущественно говорится о пониженіи цѣнъ на польскія книги, о которомъ только могли когда нибудь мечтать, дабы посредствомъ пониженія могли распространиться *подъ кровъ* убогаго нашего брата.

«Утвердились уже въ г. Житомирѣ наши «обывательскія» дѣла, говоритъ г. Ка—скій въ концѣ отчета. Воздвигнуто театральное зданіе обывательскимъ грошемъ и при всякой потребности тѣмъ же грошемъ и постояннымъ покровительствомъ вашимъ будетъ издѣленъ (?). Разовьется «Благотворительное общество» и при немъ все болѣе и болѣе значительная помощь для молодежи обоего пола. Теперь возрастаетъ обывателевскій книжный магазинъ и «выдавничество» «Библіотеки домашней». Эти три, почти соединенныя между собою, учрежденія, пѣстуны отечественной рѣчи и молодаго поколѣнія, сохранятъ память для нашихъ католиковъ, что мы дѣлали для нихъ что могли.»

Съ 20-го мая 1859 года, типографія, подъ фирмою Ка—скій, Х—щъ и К°, начала дѣйствовать. Такъ какъ общество для изданія и распространенія книгъ составилось безъ разрѣшенія правительства, то, вслѣдствіе предложенія генералъ - губернатора, объявлено было учредителямъ общества начальникомъ волынской губерніи, чтобы они немедленно, согласно распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, закрыли его, прекративъ всѣ операціи по изданію и распродажѣ книгъ и сдѣлали ликвидацію съ лицами, принимавшими участіе въ дѣлахъ его.

Ка—скій, Лип—скій и Г—за 7 января 1860 г. дали отзывъ, что они, согласно распоряженію начальства, закрываютъ товарищество, прекращаютъ всѣ операціи по изданію и распространенію книгъ и обязываются сдѣлать ликвидацію съ лицами, принявшими участіе въ дѣлахъ товарищества, и что имущество товарищества, заключающееся въ книжныхъ лавкахъ и рукописяхъ, продали дворянину Ивану Г—скому, такъ какъ въ этомъ имуществѣ заключается капиталъ, подлежащій ликвидаціи между частными вкладчиками. Упомянутыя три лица заключили формальный запродажный актъ съ Иваномъ Г—скимъ 4 января 1860 года, и послѣ этого учредители товарищества, въ докладной запискѣ 7-го января 1860 г., заявляя начальнику губерніи о закрытіи товарищества и о прекращеніи его дѣятельности съ 7 числа, просили дозволенія продавать пять сочиненій, изданныхъ товарище-

ствомъ въ 6500 экземп., на сумму 2410 руб., составлявшую часть капитала, образовавшагося изъ частныхъ вкладовъ, которая можетъ быть выручена только распродажею этихъ книгъ.

Впослѣдствіи, стали доходить до начальства свѣдѣнія, что товарищество не прекратило окончательно своихъ дѣйствій по изданію и распространенію книгъ. Въ этихъ свѣдѣніяхъ сообщалось: 1) что типографія Ка скаго и К° состоитъ въ распоряженіи учредителей общества изданія книгъ, за исключеніемъ, быть можетъ, Г—зы, который выбылъ, уступивъ свои акціи другимъ учредителямъ: Ка—скому и Лип—скому, и что Ка—скій есть неболѣе какъ одинъ изъ учредителей, уполномоченный, за особое вознагражденіе, управлять типографіею; 2) что книги печатаются въ этой типографіи, брошюруются, переплетаются и т. п. въ домѣ одного изъ учредителей общества—Лип—скаго и передаются въ книжный магазинъ, прежде принадлежавшій обществу, а теперь носящій фирму Г—скаго; и 3) что всѣ новыя книги, издаваемыя отъ имени книгопродавца Г—скаго, печатаются по прежнему въ типографіи Ка—скаго.

Свѣдѣніямъ этимъ придавало вѣроятіе самое объявленіе учредителей общества о закрытіи его. Изъ объявленія не видно было, чтобы общество сдѣлало окончательную ликвидацію своихъ дѣлъ и покончило расчетъ съ вкладчиками.

Вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній, что общество продолжаетъ существовать, по распоряженію генералъ-губернатора, взята была отъ Ка—скаго и Г—зы подписка въ удостовѣреніе того, что общество ими учрежденное совершенно прекратило свои дѣйствія и въ объявленіи имъ того, что общество, которое продолжало бы свои дѣйствія послѣ закрытія его, по распоряженію правительства, должно быть почитаемо недозволительнымъ, тайнымъ обществомъ и подлежитъ дѣйствію постановленій о подобныхъ обществахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ потребовано отъ нихъ постановленіе общества о прекращеніи его и объ окончательной ликвидаціи его дѣлъ.

8 іюля 1860 года Ка—скій, Лип—скій и Г—за дали волынскому губернатору подписку въ томъ, что, для избѣжанія всякаго рода толковъ и сужденій, они опубликуютъ въ вѣдомостяхъ, что ихъ бывшій торговой домъ перестаяъ уже существовать и что производится только ликвидація его дѣлъ. Что касается ликвидаціи, то она уже далеко подвинута впередъ и надѣются въ непродолжительномъ времени представить письменныя доказательства въ совершенномъ ея окончаніи.

Послѣ этого учредители общества напечатали (30 іюля 1860 года) въ «Вол. Губ. Вѣд.» объявленіе о томъ, что основанный ими торговой домъ для изданія и перепечатанія книгъ закрытъ по причинамъ, отъ нихъ независящимъ, и производится ликвида-

ція его дѣлъ совмѣстно съ дворяниномъ Иваномъ Г—скимъ, пріобрѣвшимъ отъ торговаго дома книжные магазины, и принявшимъ на себя обязанность удовлетворить вкладчиковъ.

Не смотря однако на данныя учредителями общества обязательства и на печатныя объявленія о прекращеніи его дѣяствій, не переставали доходить до начальства свѣдѣнія, что общество все-таки тайно продолжаетъ существовать, принимаетъ въ члены новыя лица, имѣетъ своихъ агентовъ, доставляющихъ разныя сочиненія изъ Ц. польскаго и изъ заграницы, не чрезъ почту, а частными путями, печатаетъ сочиненія въ типографіи Ка—скаго, и продаетъ въ книжныхъ магазинахъ Г—скаго, прикрываясь фирмами этихъ двухъ лицъ. Основательность этихъ свѣдѣній подтверждалась найденнымъ у помѣщика Черкаскаго уѣзда Валерьяна Фл—скаго циркулярнымъ отзывомъ учредителей общества Карла Ка—скаго и Александра Г—зы отъ 19 апрѣля 1860 года.

Вслѣдствіе этого, по распоряженію генералъ-губернатора, произведены были обыски въ магазинахъ и домѣ Г—скаго и типографіи Ка—скаго, съ цѣлію обнаруженія фактовъ, доказывающихъ существованіе тайнаго общества или запрещенныхъ сочиненій. Найденныя при обыскѣ бумаги начальникъ губерніи 20 февраля 1862 г. препроводилъ въ уѣздный судъ, предлагая произвести въ составѣ особой коммиссіи, слѣдствіе, для обнаруженія дѣйствій общества и цѣлей, къ которымъ оно втайнѣ стремится, обманывая правительство и тщательно скрывая веденіе своихъ дѣлъ.

Въ числѣ присланныхъ бумагъ заслуживаютъ особаго вниманія слѣдующія:

1. Найденный у Г—скаго отчетъ о состояніи заведенія, т. е. съ 1-го февраля 1860 и до того же числа 1861 г.

Эта часть начинается слѣдующими словами: «Господа! Удержавшись первый годъ въ своемъ предпріятіи, годъ преслѣдованій, интригъ, обмановъ, воровства, вы остались съ капиталомъ въ 59,173 руб. 65½ коп., который составляетъ приблизительно стоимость книгъ въ трехъ книжныхъ магазинахъ, имѣющихъ чистаго капитала 1270 р. 86 коп., и долги оставшіеся на слѣдующій годъ».—

«Второй годъ (1860) существованія вашего заведенія былъ свободнѣе прежняго, все-же вы должны были перетерпѣвать преслѣдованія и нести убытки отъ незнанія своего дѣла. Чтобы хорошо объяснить положеніе дѣла, я постараюсь представить весь оборотъ торговли и дѣлъ».

Далѣе слѣдуетъ расчетъ капитальныхъ суммъ, исчисленіе книжныхъ магазиновъ,—какія лица взяли у нихъ книги на продажу въ разныхъ городахъ Юго — и Сѣверозападнаго края, сколько каждый платилъ наличными и сколько остался въ долгу.

«Собравъ вышеозначенные расчеты, говорится въ концѣ упомянутаго отчета, составится капиталъ въ книгахъ слѣдующій:

a) Жиеомирскій магазинъ	59,676 р.	48¹/₂	к.
b) Кіевскій	20,610 р.	34²/₂	к.
c) Подвѣдомств. магазины	6,857 р.	56²/₂	к.
d) Новыя изданія	6,783 р.	71	к.
Общій капиталъ . .	116178 р.	4³/₄	к.

2. Письпо Ка—скаго

«Господа! Хотя условія между людьми съ неограниченнымъ довѣріемъ, стремящимся къ одной цѣли, а именно, чтобы привести въ исполненіе дѣло, предметомъ котораго есть не собственный интересъ, но благо края,—маловажны; однакожъ я предложилъ вамъ извѣстный проэктъ условія, необходимаго не только для распредѣленія вашихъ дѣлъ, но и для того, чтобы засвидѣтельствовать о вашихъ хорошихъ намѣреніяхъ и благородныхъ стремленіяхъ. Пусть узнаютъ потомки, что въ такомъ маломъ уголкѣ, какъ Житомиръ, нашлись сердца благородныя, стремящіяся ко благу своихъ *соотечественниковъ* посредствомъ вліяпія па нихъ просвѣщенія, возвышенія *народнаго духа*, *религіи* и любви братской, и которые наконецъ, для достиженія этихъ цѣлей непоколебались посвятить трудъ и имущество, а даже подвергнуть себя преслѣдованію. Сперва гг. Ка—скій, Лип—скій и Г—за сами начали развивать эти цѣли, дѣйствуя однакожъ слишкомъ явно и слушаясь болѣе благородной теоріи, чѣмъ строгой практики, обратили на себя вниманіе самолюбивыхъ спекуляторовъ, допустили ихъ до совмѣстнаго дѣйствія, что возбуждало разнаго рода интриги, клеветы и преслѣдованія, наконецъ подозрѣніе правительства, которое велѣло закрыть заведеніе (wydawnictwo), съ воспрещеніемъ имъ принимать участіе въ этомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ дѣло, которому грозила опасность, было близко къ паденію, разошлись самолюбные товарищи, имѣвшіе въ виду обратить ихъ пожертвованіе для собственныхъ видовъ и кармановъ, и мы съ сожалѣніемъ узнали, что прекрасныя надежды наши уничтожены. Но, кажется, Провидѣніе поразило насъ этимъ ударомъ, дабы вывести насъ съ неправильнаго пути, на которомъ мы стояли, и тѣмъ убѣдить, что въ *нашемъ угнетенномъ краѣ* не погасли прекрасныя чувства, и что въ немъ есть сердца, бьющіяся единственно для этого края. Допустивъ такія тяжкія испытанія, оно хотѣло вознаградить насъ еще большимъ сближеніемъ между собою бывшихъ по настоящее время сотрудниковъ, а что еще важнѣе-пріобрѣтеніемъ новыхъ друзей съ одинаковымъ взглядомъ на трудъ и съ общимъ къ нему рвеніемъ. Когда правительство разогнало наше общество и угрожало продажею съ

публичнаго торга заведенія, явился Г—скій, который увѣрилъ своимъ предложеніемъ ни въ чемъ не отступать отъ предпринятыхъ цѣлей, пріобрѣлъ добровольно заведеніе *(выдавничество)*, принялъ на себя всѣ его тягости, подвергая себя борьбѣ съ финансовою несостоятельностью, и открылъ заведеніе отъ имени своего. Его самоотверженіемъ *намѣреніе спасено*. Противники наши, убѣдившись, что предпріятіе ихъ уничтожено, бѣжали и начальникъ ихъ оставилъ Житомиръ. Малые интриганты разошлись искать другой жертвы и правительство, убѣдившись, что мы дѣйствуемъ по закону, послѣ нѣсколькихъ доносовъ и производства по онымъ слѣдствія, оставило насъ въ покоѣ. Однако устраненіе тѣхъ трудностей не вывело заведеніе изъ всѣхъ опасностей. Источники *выдавничества* растрачены, все же имущество его ограничивалось пріобрѣтеніемъ книжныхъ магазиновъ Гл—га, и то не безъ долговъ; нельзя было расчитывать на плату пренумерантовъ (подписчиковъ), которыхъ большая часть совершенно устранилась, а тѣ, которые остались, приносятъ болѣе тяжести, чѣмъ прибыли. Г—скій собственными средствами не могъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ, слѣдовало найти другіе источники. Ка—скій и Лип—скій, побуждаемые правительствомъ, принуждены были оставить управленіе заведеніями. Однакожъ они не хотѣли оставить, по этому дѣлу, наблюденіе за дѣйствіями; зная, что никто не захочетъ снабдить кредитомъ заведенія, не поколебались умножить свои пожертвованія, внесли необходимыя въ то время средства, какъ заемъ, оставляя таковой до 1871 года. Г—за, не имѣя денежныхъ капиталовъ, но владѣя гораздо значительнѣйшими въ головѣ и сердцѣ и тѣмъ самимъ не навлекая наблюденія правительства, могъ свободно посвятить себя возобновленному труду своей мысли. Такимъ образомъ заведеніе (выдавничество) перешло въ частную собственность, но основатели его удержали духъ *своихъ цѣлей*, пробудились отъ заблужденія и обезпечили себѣ, въ лицѣ Г—скаго, славнаго и къ одной съ ними цѣли стремящагося сотрудника. Обезпеченіе средствъ не исчерпывало еще всего круга заботъ,—остались еще на заведеніи слѣды ударовъ нашихъ противниковъ, ибо они изъ нашихъ потерь искали для себя пользы. Я говорю о завѣдывающихъ книжными магазинами, которые достались Г—скому въ наслѣдство послѣ «выдавничества». Мы признали необходимымъ отдѣлить въ особое управленіе всѣ книжные магазины, здѣсь Г—скій доставилъ новую помощь заведенію, уговорилъ В—жа принять на себя таковой постъ. Кружокъ трудящихся, укрѣпленный правотой, энергіею къ труду, способностями и любовью къ предмету, такъ усовершенствовался, что можно было ожидать благополучія въ предпріятіи. Представленный вамъ расчетъ объ-

яснилъ, какимъ потерямъ и хлопотамъ подвергнуто было заведе ніе, покамѣстъ не было очищено отъ мерзостей. Теперь ваш магазины окружены людьми, знающими торговлю, отношенія с книгопродавцами значительны, и домъ Г—скаго извѣстенъ в Европѣ. Заведенъ счетъ въ заведеніи, и ваши взаимныя отношен самостоятельны. Однимъ словомъ, такимъ образомъ заведенна машина сама можетъ двигаться; говорю объ этомъ, потому чт безъ меня можно обойтись, господа! Со времени учрежденія заве денія, я трудился до сихъ поръ не къ другой цѣли, какъ тольк для удовлетворенія собственныхъ желаній. Претерпѣлъ съ вам всякія печали и хлопоты, и можетъ быть, больше чѣмъ вы,—н одинъ разъ видѣлъ зло, но устранить его не могъ. Богъ увѣн чалъ мой трудъ; передаю вамъ пріобрѣтенное заведеніе, если н въ хорошемъ состояніи, то покрайней мѣрѣ на твердой ногѣ Кто нибудь другой легко можетъ заступить меня; мои лѣта силы требуютъ отдохновенія, потому позвольте передать вам мои занятія. Благодарю васъ за доказательства дружбы, з ваше снисхожееніе, за вашу помощь. Извините, если въ чем нибудь не угодилъ вамъ, принимая во вниманіе то, что я дѣй ствовалъ не изъ собственныхъ видовъ, а для общаго блага Сознаюсь, какъ мало я способенъ былъ къ выполненію всѣх требованій, и что другой на моемъ мѣстѣ повелъ бы лучше дѣло но истинно убѣжденъ, что никто не превышаетъ меня въ сочув ствіи къ *намѣреніямъ* и заботливости о благѣ ихъ».

3) Циркулярный отзывъ, разосланный, при приведенном выше отчетѣ.—Одинъ экземпляръ этого циркуляра найденъ был у звенигородскаго предводителя Фл—скаго.

Изъ упомянутаго въ предидущемъ нумерѣ циркуляра выпишем нѣсколько мѣстъ:

«Когда не можемъ въ публичномъ отчетѣ увѣдомить о дѣй ствіяхъ бывшаго товарищества для изданія книгъ въ Житомирѣ то обязанностью нашею есть сообщить по одиночкѣ уважаемым компаньонамъ краткій очеркъ прежняго и настоящаго состоян товарищества. Поддерживаемые волею, денежными средствами довѣренностью уважаемыхъ компаньоновъ, развили мы подъ фи мою насъ троихъ дѣйствія свои по изданію и книжной торгов насколько намъ позволили только средства и въ развитіи этом опередили время и ожиданія, и изъ книжныхъ магазиновъ трехъ пунктахъ, *потянулись каналы по многимъ пунктам края* *). Такая, заподлинно смѣлая, операція оказала вдру

*) Подъ словомъ **каналы**, авторъ циркуляра подразумѣваетъ книжныя ла ки, устроенныя житомирскимъ обществомъ по разнымъ городамъ нашего кра Главные пункты книжные магазины имѣли: Въ Бѣлой церкви, въ Дубнѣ, въ Б

счастливое влияніе на всю книжную торговлю. Мы понизили у себя цѣну на книги, другіе должны были послѣдовать нашему примѣру, и теперь читаемъ, ежедневно, въ газетахъ какъ болѣе и болѣе дешевѣютъ книги, и эта торговля пойдетъ путемъ добросовѣстности, слѣдовательно умѣренной прибыли.»

Исчисляя—какими изданіями занималось «выдавничество,» циркуляръ далѣе говоритъ:

«Кому извѣстно, сколько трудовъ издержекъ, препятствій, обманутыхъ ожиданій требуетъ въ нашемъ краѣ изданіе книгъ, тотъ насъ не осудитъ ни въ праздности, ни въ расточительности, тотъ не будетъ оспаривать въ насъ гражданскаго духа.»

Объясняя, почему они должны приступить къ ликвидаціи съ компаньонами, циркуляръ говоритъ далѣе:

«Деньги ваши, уважаемые компаньоны, напрасно не пропали. Онѣ положили основаніе зданію, которое нынѣ мы двое и Г—скій третій будемъ двигать. Мы не жалѣемъ собственныхъ денегъ, а почтенный Г—за—своихъ редакціонныхъ трудовъ. Деньги, разсыпавшіяся на мелкія доли въ столь быстромъ развитіи, дойдутъ до своего назначенія. Соломенная крыша будетъ привѣтствовать ихъ въ дешевыхъ книжечкахъ, благословеніемъ за память о ней, въ комнатахъ и въ кабинетахъ надѣются найти хорошій пріемъ, ибо постараемся внесть науку и пользу. Однакоже сами мы не устояли бы въ дальнѣйшихъ трудахъ безъ сочувствія, безъ помощи уважаемыхъ согражданъ и содѣйствія авторовъ. А потому обращаемся къ вамъ, уважаемые компаньоны и пренумераторы, дабы вы придали намъ силы своимъ соучастіемъ и дальнѣйшимъ содѣйствіямъ поддержкою. Нынѣ, только пренумераторы остаются на своихъ условіяхъ. Ихъ просятъ объ аккуратныхъ взносахъ на будущее время, а васъ—согражданъ объ увеличеніи этого ряда. Новая фирма самымъ строгимъ образомъ будетъ выполнять все, не будетъ недостатка въ постоянно новыхъ полезныхъ и пріятныхъ изданіяхъ, ибо знаменитѣйшія имена литературы нашей нынѣ спѣшатъ къ нашему «выдавничеству,» съ большимъ еще сочувствіемъ.»

«Г—за находится съ нами въ поствянныхъ и обширныхъ сношеніяхъ. Вы, уважаемые компаньоны, которые имѣли по протеченіи 10 лѣтъ или получить въ книгахъ сразу капиталъ, или вновь посвятить его общественному благу, теперь, по стеченію обстоятельствъ, благоволите принимать его частями тѣмъ же самымъ продуктомъ, на какой были предназначены деньги. Со всѣхъ сто-

---

менецъ-подольскѣ, Черкаскомъ уѣздѣ, Бердичевѣ, Ковнѣ, Минскѣ, Рѣжицѣ Гроднѣ, Балтѣ, Староконстантиновѣ, Немировѣ и Калиновкѣ. Всѣ эти книжныя лавки назывались филіями. Объ нихъ поговоримъ подробно дальше.

ронъ присылаютъ къ намъ компаньоны квитанціи въ полученіи денегъ и подаютъ свои проекты о перемѣнѣ. На этомъ основаніи мы составили программу, которой пункты предоставлены на выборъ компаньонамъ. За тѣмъ покорнѣйше просимъ васъ, милостивый государь, объявить—прислать ли вамъ два билета фирмы Г—скаго по 100 руб. на 10 лѣтнюю пренумературу, или только одинъ билетъ, а за 100 руб. изданія? Долгомъ считаемъ присовокупить, что есть компаньоны, которые предлагаютъ замѣну 200 руб. на пренумераціонные билеты и даже обѣщаютъ взносы по 100 руб. на новые билеты.»

Затѣмъ исчисляется благодарность нѣкоторымъ личностямъ, которые первые подали этотъ проектъ. Подписи: За бывш. товарищество Карлъ Ка—скій, за новую фирму Александръ Г—за.

Въ дѣлѣ о «выдавничествѣ,» изъ котораго составляемъ настоящія статьи, находятся нѣсколько писемъ и замѣтокъ, ясно указывающихъ, что и послѣ перехода книжной торговли къ Г—скому, товарищество не переставало существовать, и конечная цѣль его была ополяченіе всего населенія нашего края. Изъ всѣхъ писемъ и замѣтокъ выпишемъ только тѣ, которыя могутъ имѣть интересъ для читателя.

1) Письмо Кв—скаго къ Ко—скому. Въ этомъ письмѣ между прочимъ говорится:

«Объ оканчивающемся годѣ я помню, счетъ и за послѣдній мѣсяцъ готовъ. Именно я хотѣлъ просить господъ, дабы (о чемъ и сдѣлка обусловливаетъ) собрались въ субботу на годичный совѣтъ, и какъ это будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пора мѣсячнаго расчета за печатаніе и мѣсячной расплаты съ трудящимися, то и объ этихъ обѣихъ статьяхъ порѣшимъ. Я полагаю нужно, чтобы и Г—скій былъ съ нами.»

2) Письмо Ст—каго отъ 8-го апрѣля 1861 года (безъ адреса).

«Пригласивъ меня изъ Вильна въ Кіевъ, гг. Г—скій и Липскій поручили мнѣ заняться предварительно приведеніемъ въ порядокъ житомирскаго склада, обѣщая мнѣ мѣсто при кіевскомъ книжномъ магазинѣ, куда прибывъ, я замѣтилъ, что г. В—жъ не расположенъ ко мнѣ и, пользуясь даннымъ ему довѣріемъ, привязался ко мнѣ, упрекая, что я не аккуратно веду расчеты. Цѣль этого удаленія меня была съ расчетомъ, какъ равно и въ Вильнѣ, гдѣ я успѣлъ открыть неблагородныя его цѣли и онъ удалилъ меня, какъ препятствующаго его злымъ намѣреніямъ. Желая навлечь на меня ваше неудовольствіе, онъ очернилъ меня передъ вами, противъ чего я протестую. Между нами произошла личная ссора, потому что В—жъ уважалъ меня какъ ничтожную фигуру, при томъ обращался со мною, выражаясь неприличными словами. Удалять изъ мѣста вещь непрактичная. Подобнаго рода поступокъ

можетъ случиться съ негодями. Я нахожусь совершенно на иномъ счету. Я защищалъ обывательскую собственность, получая весьма скудное содержаніе. Я не обижалъ васъ, господа, не смотря на то, что г. Гл—гъ предлагалъ мнѣ вознагражденіе, чтобъ я не слишкомъ вмѣшивался въ дѣла свои, но я этого не дѣлалъ и занялся сдачею инвентаря Гл—гомъ и принятія таковаго въ пользу вашу, господа! Я аккуратно исполнялъ обязанность, порученную мнѣ г. Ба—скимъ, который довѣрилъ мнѣ, совершенно не зная меня. Имѣя столько доказательствъ въ мою пользу, падѣюсь, что вы не откажете въ исходатайствованіи мнѣ на дорогу 25 руб. Ожидаю вашей помощи Слуга Ст—скій.»

3) Въ числѣ бумагъ есть бланкъ пренумераціоннаго билета, на оборотѣ котораго подписана Г—скимъ надпись слѣдующаго содержанія:

«Книжный магазинъ Г—скаго, получивъ срочный платежъ 100 руб. № 100, какъ весь долгъ сей квитанціи въ № 1 означенной, обязуюсь уплачивать ежегодно, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, книги, изданныя Гл—гомъ (бывшею кампаніею выдавничества) и Ивапа Г—скаго, равно и сочиненія, имѣющіяся имъ издаваться по цѣнѣ 10% ниже показанной въ каталогѣ, за сумму послѣ сосчитанную.

1) Засчитаю 10 руб. на покрытіе записанной предплаты.

2) Отъ слѣдуемой суммы вычесть уже сдѣланное покрытіе капиталовъ. Уплату обязуюсь произвести черезъ... лѣтъ отъ срока 1-й платы. Кромѣ того магазинъ обязуется высылать по требованію избранныя подписчиками сочиненія до почтовой станціи, отъ которой получаетъ свои посылки.»

3) Письмо Г—зы къ рефендарію Ко—скому отъ 24 января 1862 года.

Письмо это писано Г—зою въ Кіевъ къ Ко—скому. Въ письмѣ говорится о столкновеніяхъ М—скаго съ В—жемъ, и Г—за проситъ Ко—скаго посовѣтовать Г—скому предоставить ему мѣсто въ книжномъ магазинѣ. Въ этомъ письмѣ встрѣчаются такія выраженія:

а) «Леонъ (Лип—скій) просилъ, чтобы я, для спокойствія Г—скаго, постарался успокоить М—скаго.»

б) «Увы! Бывшая компанія наша имѣла быть устроена на такой взаимной любви и почтеніи и служить человѣчеству, развитію и благу, но хотя злая судьба уничтожила ее до основанія, однако спрашивается: нельзя ли было изъ остатковъ образовать что либо въ пользу человѣчества и христіанства. Золото, хотя бы его раздробили на самыя мелкія части, не перестаетъ быть золотомъ.....»

в) «Послѣ взаимнаго разузнанія другъ друга, кажется, что теперь можемъ оцѣнить другихъ по справедливости, и въ какой

мѣрѣ полезна торговля Г—скаго какъ въ отношеніи купеческаго интереса, такъ и въ моральномъ отношеніи. Если когда, то теперь необходима здоровая пища, ибо здѣсь дѣло идетъ *не объ одномъ классѣ народа, не о развлеченіяхъ......»*

г) »Х—щъ тоже издатель, Бу—чъ и Кв—скій въ свою очередь издатели. Можно ли Г—скому равняться съ ними, они и Г—скій издали букварп, какая же разница между ними! Почему? Потому, что въ ихъ букваряхъ нѣтъ христіанской идеи и мысли, доступной для начинающаго большинства...... *).

4) Письмо Леона Лип—скаго.

«Прошу выдавничество «Библіотеки Домашней» о присылкѣ ко мнѣ слѣдующихъ сочиненій.... Вотъ списокъ требуемыхъ Я. В. Юліемъ И—кимъ книжекъ, изъ стоимости коихъ, прошу вычесть слѣдующія ему за билеты, а на излишекъ уплатить мнѣ, до времени расчета, пятьнадцать руб. (№ 15) и книги эти выслать въ д. Загоржаны, черезъ новую Ушицу Л. Лип—скій....»

5) Письмо Леона Лип—скаго 14 іюня 1860 г. Мельниховецъ. «Любезный папенька! На другой день по выѣздѣ, прибылъ я здоровымъ въ Мельниховцы, гдѣ засталъ всѣхъ здоровыми. 60 рублей Теофилъ вручилъ мнѣ за Ма—скаго, а также 25 руб. за билетъ, который посылаю, и на который пусть І—скій пришлетъ; еслибы только можно было это сдѣлать сей часъ же, то было бы хорошо. Вотъ книжки, которыя прошу прислать въ Мельниховцы..... Итого 24 руб. 60 коп. Изъ этой цѣны прошу вычесть, что слѣдуетъ за билетъ, а на остальное прислать счетъ, то вышлю деньги книжному магазину. Ручки любезнаго отца цѣлую. Привязанный сынъ Леонъ Лип—скій.»

6) Записка В—жа.

«...... Контрактъ и фактуру для г. Со—скаго къ Балту, г. Лип—скій велѣлъ къ себѣ прислать, самъ будетъ писать письмо.»

7) Письмо Кв—скаго.

«Милостивый государь! Посылаю книжки на ревизію и счетъ съ книжнымъ магазиномъ. Завтра въ 10 часовъ буду у васъ, дабы непремѣнно опредѣлить счетъ, и вмѣстѣ съ настоятельною просьбою, дабы господа мнѣ дали по крайней мѣрѣ 400 р. на расплату за декабрь и за домъ. Клянусь всѣмъ, что своимъ кредитомъ не могу окончить, ни съ типографіею, ни за бумагу, и другіе мѣсячные расходы. Ква—скій!!

8) Письмо къ Кв—скому. Кіевъ 8 ноября.

«Любезный Андрей! Посылаю директоріумъ (directorium) изъ

*] Съ характеромъ и направленіемъ букварей, изданныхъ выдавничествомъ, читатель познакомится дальше. Изъ всего видно, что товарищество старалось преимущественно объ окатоличеніи и ополяченіи простаго крестьянскаго люда.

цензуры, которая домогается еще болѣе календарей; тѣхъ мало, кои уже отосланы. . . . .
. . . .
Я слышалъ здѣсь даже шумъ осенняго вѣтра, который принесъ вѣсть, что у Пр—скаго приготовляется орудіе, изъ котораго посыплются картечи въ разныя стороны, одна или болѣе предназначается даже Кіеву. И такъ собираю добрыхъ товарищей, пойдемъ въ контору обезпеченія, чтобы обезпечиться на случай грома, могущаго пасть на насъ. Но и у насъ здѣсь тоже Провидѣніе хлопочетъ и мечетъ громовые удары; кажется и не каникулы теперь, а столько фосфорическихъ явленій. Все это надѣлало несчастное «выдавничество», которое и насъ хорошо благодаритъ за то, что мы подставляли и теперь еще подставляемъ за него шею.»

9) Письмо Во—скаго 10 октября 1860. г. Дубно.

«Графъ! я обѣщалъ писать къ Вамъ изъ Каменца, а пишу изъ Дубно.... По выѣздѣ изъ Житоміра, гдѣ такъ мало, при Васъ, дорогой графъ, и при Липскомъ нагрѣлъ сердце добрыми разговорами и насмотрѣлся на дѣло добрыхъ сердецъ вашихъ.... Самъ Кр—скій и его приверженцы умѣли пособить себѣ и нашли и здѣсь партизановъ. Одно то, что всякій согласенъ съ идеями о положеніи дворянства, и честномъ и благородномъ его призваніи. На новыхъ демагоговъ и детракторовъ и здѣсь возстаютъ, но или потому, что менѣе освѣдомлены, или *что менѣе задѣты, не такъ сильно чувствуютъ, какъ на Волыни.*

Моя житомірская корреспонденція вышла. Вѣрно вы господа уже читали ее, немного только обрѣзана и нехорошо сшита..... Какъ пріѣду въ Варшаву, то Кр—скій готовъ мнѣ показать револьверъ..... Не припишутъ ли мнѣ въ ошибку, что не признаю большаго таланта за Кр—скимъ..... Какъ пріѣду въ Варшаву языка не буду жалѣть, увѣряю Васъ. Онъ навлекъ на себя тяжкое бремя, затронувши меня..... Не понимаю, что онъ отъ всѣхъ насъ хочетъ..... Здѣсь я познакомился съ предводителемъ З—скимъ. Очень порядочный и достойный человѣкъ...... Поддерживайте тамъ, господа, поданый проектъ о корреспонденціяхъ, ибо г. З—скій говорилъ мнѣ, что дворянство принимаетъ. Въ Кременцѣ я встрѣтилъ Пл—ра у Кр—цкаго. Онъ добивается кураторства и даетъ слово, что будетъ служить дворянству самымъ ревностнымъ образомъ, и что ничего не сдѣлаетъ противнаго. Я ему сказалъ: Какъ же это графъ, сдѣлаете съ Кр—скимъ? «Это другое дѣло, говоритъ, это моя личная симпатія. Буду стараться пріобрѣсти ее. Желаю устроить публичную библіотеку въ Житомірѣ. Пусть предводитель и дворянство пособятъ мнѣ въ томъ, пусть отыщутъ фонды!! Я говорю: откуда?

а онъ отвѣчаетъ: «можно перетянуть изъ «выдавничества», которое ни къ чему непригодно.» «Извините говорю, вы говорите по чужимъ словамъ, и я немного ошибался, но тепэрь пересмотрѣвъ все собственными глазами, ясно вижу, что это честная работа; вы говорите и видите сквозь очки Кр—скаго, и па Подолѣ я слышалъ нѣсколько подобныхъ отзывовъ»..... Во всякомъ случаѣ еще и теперь на съѣздѣ нужно представить это ясно и специально и то непремѣнно прошу незабыть, а я еще разъ изъ Варшавы поддержу въ газетѣ. Только прошу, чтобы предводитель написалъ въ редакцію, что уже готовы. Если мнѣ нужно будетъ отдѣлаться, то прилечу къ этому времени въ Житоміръ и буду очень стараться. Не знаю, кто съ Подоліи будетъ въ Житомирѣ; въ то время, какъ я тамъ былъ они еще сами не знали.—Предводитель З—скій говорилъ мнѣ, что въ Житоміpѣ есть Леонаръ Са—нскій. Онъ соблазнитель молодыхъ въ Кіевѣ и большой шарлатанъ-демагогъ новаго покроя. Прошу объяснить это предводителю.......

Продолжаемъ выписки изъ дѣла о «выдавничествѣ»:

11) Письмо Г—за къ Кв—скому 18²¹|₈61 г.

..... «Если сопротивляюсь, то защищаю вещь мнѣ довѣренную, а та вещь есть какъ твоя, такъ и другихъ. Приходи ко мнѣ кое о чемъ поговорить, а послѣ отправимся къ Леону, который о всякомъ предметѣ долженъ дать мнѣніе и имѣетъ на то право».

12) Письмо Но—скаго къ Ко—скому 30 сентября. «Прошу Васъ, милостивый государь увѣдомить меня, какъ вы, господа, порѣшили насчетъ отвѣтовъ на вчерашнія письма, и если они ненужны, то прошу отослать ко мнѣ для вписанія въ протоколъ. Письма Ж—скому и С—чку отосланы. О присылкѣ черновой къ книгопродавцамъ прошу. Книжку библіомановъ велѣлъ я записать подъ фамію Г—скаго и ожидаю вашего разрѣшенія господа».

13) Письмо В—жа отъ 1 сентября 1860 г. къ Во—скому. «Сегодня получилъ письмо отъ референдарія, сейчасъ отвѣчаю. О нашемъ книжномъ магазинѣ сдѣлалъ замѣтку, на сколько прислано книгъ и сколько отсюда отослано, каковую прилагаю въ подлинникѣ. Отъ За—скаго, Ор—да, Ра—ча можно взять таковыя же замѣтки. Отъ С—на и А—а не ожидаю, ибо первый не хотѣлъ отвѣчать Ст—цкому, какой транспортъ получилъ изъ Житоміра. У А—а въ домѣ и магазинѣ была ревизія. Нашли много запрещенныхъ сочиненій и посадили въ крѣпость... На дняхъ арестовали много лицъ... Возвращаться буду черезъ Минскъ, можетъ быть успѣю у тамошняго епископа, что захочетъ взять катехизисовъ и букварей. Ксендзъ Ма—чъ писалъ ко мнѣ о прибытіи Бо—са; при томъ проситъ о присылкѣ большихъ

букварей 30 экземп., меньшихъ столько же. Катехизовъ 50 экземпляровъ, меньшихъ 30. Pielgrzyma 30 экз. Godziny Czytania 20, но таковыя перешлю, когда возвращусь»....

При допросахъ господа писавшіе эти письма, или къ которымъ они адресованы были, отвѣчали, большею частью непониманіемъ смысла, но мы полагаемъ, что каждый читатель легко пойметъ ихъ содержаніе.....

Во время обыска книжнаго магазина дворянина Ивана Г—скаго, произведеннаго по распоряженію начальника Волынской губерніи 12 13 и 14 февраля 1862 г., найдено было разныхъ книгъ и рукописей, пропущенныхъ и не пропущенныхъ цензурой. Книги эти въ числѣ 21 экземпл. переданы были начальникомъ губерніи въ слѣдственную коммиссію, а магазинъ былъ запечатанъ 14-го февраля 1862 г. Всѣ забранныя книги и двѣ рукописи отосланы были слѣдственною коммиссіею въ кіевскій цензурный комитетъ для разсмотрѣнія: книги—16 марта 1862 г. за № 143, а рукописи—5 іюня 1865 г. за № 740. Кіевскій цензурный комитетъ отзывомъ отъ 16 апрѣля 1862 г. за № 303, увѣдомилъ коммиссію, что изъ числа присланныхъ книгъ Złota góra, fałszywy król i konfederat оказалась запрещенною, а потому удержана въ комитетѣ, а остальныя дозволенными и возвращаются. При этомъ комитетъ увѣдомилъ коммиссію, что книга Złota góra.... до рѣшенія въ комитетѣ иностранной цензуры о запрещеніи ея, не была разсматриваема цензорами кіевскаго комитета, а потому какъ содержаніе ея, такъ и мотивы запрещенія, комитету неизвѣстны. Относительно рукописей, цензурный комитетъ до настоящаго времени ничего не отвѣтилъ коммиссіи и не возвращаетъ ихъ.

16 мая 1862 г. слѣдственная коммиссія взяла въ житомирскомъ магазинѣ дѣловыя и счетныя книги, въ которыхъ оказались: высылки книгъ въ разныя мѣста къ разнымъ комиссіонерамъ, а также расчеты съ разными книгопродавцами.

При обыскѣ, произведенномъ 15 февраля 1862 г. въ типографіи Кв-скаго найдены были разныя польскія рукописи. Всѣ рукописи отосланы въ кіевскій цензурный комитетъ 5 іюня 1863 года за № 740.—Кіевскій цензурный комитетъ, возвращая эти рукописи, при отзывѣ отъ 9 августа 1863 г. за № 430, увѣдомилъ судъ, что за исключеніемъ рукописи: Dawno, poźniej, teraz i kiedys, которая по содержанію своему неблагонамѣренна, а потому подлежитъ запрещенію, всѣ остальныя не содержатъ въ себѣ ничего недозволеннаго цензурою (*).

(*) Въ дѣлѣ о выдавничествѣ, между другими документами списана пѣсня, подъ заглавіемъ: «Давно, послѣ, теперь и когда-то» Слова Лв-ва Пот-кого. Музыка Л-ся 1860 г.

По распоряженію генералъ-губернатора произведенъ былъ обыскъ въ кіевскомъ книжномъ магазинѣ Г-скаго, помѣщавшемся на крещатикѣ въ домѣ Киселевскихъ. Во время обыска, произведеннаго 10 февраля 1862 года во временномъ отдѣленіи книжнаго магазина, устроенномъ на Подолѣ, взята была въ карманѣ сюртука управлявшаго магазиномъ дворянина В—жа книга на польскомъ языкѣ: «объ обычаяхъ поляковъ» (какъ сказано въ актѣ обыска), которая вложена была въ ящикъ, въ которомъ находилась касса магазина, и ящикъ этотъ по опечатаніи его взятъ былъ въ подольскую часть. Магазинъ этотъ, въ которомъ, какъ сказано въ актѣ, находились не только книги, но и товары варшавского купца Б—ра, опечатанъ былъ печатью В—жа и кіевскаго старшаго полиціймейстера.

При обыскѣ въ книжномъ магазинѣ, помѣщавшемся на Крещатикѣ, произведенномъ 10 февраля 1862 года, найдены были въ комнатахъ, занимаемыхъ служащими въ магазинѣ лицами, на комодѣ книги и бумаги и въ особомъ ящикѣ четыре книги подъ заглавіемъ: «Регламентъ верховой ѣзды» (двѣ книги) и «Регламентъ пѣхоты» (двѣ книги), напечатанныя на польскомъ языкѣ, какъ можно судить по содержанію акта объ обыскѣ; эти книги найдены въ квартирѣ завѣдывающаго магазиномъ отставнаго поручика Валерія Во—ко. Въ квартирѣ служащаго въ магазинѣ дворянина Базилія Ма-цкаго найдены книги, не пропущенныя цензурою: 1) Koronowicz. Słowo dziejow Polskich (одна книга) и 2) Biblioteka Polska (2 книги). Магазинъ былъ опечатанъ.—Слѣдственная коммиссія, имѣя въ виду, что кромѣ книжныхъ магазиновъ Г—скаго въ Житомірѣ и Кіевѣ находились во многихъ мѣстахъ Волынской и другихъ губерній филіи, въ которыя высылались книги для продажи по постановленію своему, состоявшемуся 19 апрѣля 1862 года, сообщила начальникамъ мѣстныхъ полицій, чтобы во всѣхъ филіяхъ произведены были обыски и если найдены будутъ книги, полученныя изъ магазиновъ Г—скаго, составляющія собственность фирмы Г—скаго, а также переписки и счеты по торговлѣ этими книгами, доказывающія участіе въ этой торговлѣ Карла Ка—скаго, Леона Лип—скаго, Александра Г—зы, Маврикія Ко—скаго и другихъ лицъ, то книги эти обезпечить узаконеннымъ порядкомъ отъ растраты, впредь до особаго распоряженія; переписки же и счеты прислать въ коммиссію; при учиненіи обысковъ обращать вниманіе на то, нѣтъ ли въ числѣ книгъ фирмы Г—скаго такихъ, которыя запрещены, или же напечатаны безъ разрѣшенія цензуры, и если такія окажутся, то прислать въ коммиссію по одному экземпляру каждаго изъ такихъ сочиненій, остальныя же экземпляры обезпечить вмѣстѣ съ прочими книгами.

Вслѣдствіе этого распоряженія произведены были обыски.

1) Въ Бѣлой Церкви, у минскаго мѣщанина П. Ч-ка 29 апр. 1862 г.

2) Въ г. Дубнѣ у купца 3 гильдіи I. Г-ба 25 апр. 1862 г.

3) Въ Каменецъ—Подольскѣ у чиновника А. Ш-ца.

4) Въ томъ же городѣ у дворянина Я. Л-ха.

5) Въ Черкаскомъ уѣздѣ у помѣщика З. Ф-ша.

6) Въ Бердичевѣ у еврея Б. Г-ба 24 апрѣля 1862 г. *)

7) Въ г. Ковнѣ у купца С. Габ-ча 1 мая 1861 г.

8) Въ г. Минскѣ у дворянина Ва-цкаго 30 апр. 1862 г.

9) Въ Каменецъ-Подольскѣ у отставнаго чиновника Ф. У—скаго.

10) Въ г. Рѣжицѣ, у городоваго врача У.-Бо—скаго 27-го сентября 1862 г.

11) Въ г. Гродно у Иг. Г-жа 8 мая 1862 г. У него же въ Бѣльскѣ 6 мая.

12) Въ с. Балтѣ у австрійскаго подданнаго А. Со—скаго 15 мая 1862 г.

13) Въ С. Константиновѣ у купца Сѣд-ка, а въ сел. Колкахъ Староконст. уѣзда, у помѣщика Ю. Кам-скаго 4 и 7 мая 1862 года.

14) Въ м. Немировѣ у С. Мал-скаго (находившагося въ сылкѣ въ Сибири за найденныя у него бумаги предосудительнаго содержанія и возвращеннаго по Всемилостивѣйшему прощенію) и Ост-

15) Въ м. Калиновкѣ (Виницкаго уѣзда) у дворянина Мап-ча 3 мая 1862 г.

При обыскахъ, у нѣкоторыхъ изъ вышеприведенныхъ лицъ найдены были разныя письма, не лишенныя интереса, и ясно доказывающія, что и послѣ закрытія, общество все-таки существовало, а потому приведемъ главнѣйшія изъ нихъ.

Въ Минскѣ у дворянина Ва-цкаго найдены были письма отъ Г-зы отъ 26 марта 1860 г. и 29 мая 1860 года. Въ первомъ изъ нихъ говорится между прочимъ:

---

*) При этомъ обыскѣ найдено было одно сочиненіе подъ заглавіемъ: Elementarz większy, составл. Александромъ Г—зой и изданный Г—скимъ въ 1860 г. — Объ этомъ сочиненіи волынскій губернаторъ въ продолженіи слѣдственной коммиссіи отъ 80 октября 4862 г. за № 10528 отозвался, что въ немъ помѣщены отрывки изъ исторіи Польши. По его мнѣнію изданіе подобныхъ книгъ предпринято съ цѣлью прививать простому народу съ малолѣтства идеи польской будто бы его національности.

.... «Выдавничество ростетъ и будетъ рости, потому что имѣемъ типографію, литературныя сношенія и искреннее желаніе»....

Во второмъ находимъ слѣдующія мѣста:

.... «Печальныя происшествія.... причинили намъ разныя затрудненія, преодолѣвши которыя, мы работаемъ дальше и осуществляемъ нашу первоначальную цѣль. Выдавничество возрастаетъ, торговля расширается на новыхъ условіяхъ»...

У этого же Ва—цкого найдено письмо В—жа отъ 7-го іюля 1861 г.... «прошу Васъ, пишетъ В—жъ, поставить себя въ мое положеніе: я не собственникъ заведенія, а только соучастникъ (wspólnik)....“

Въ Рѣжицѣ, у городоваго врача Іосифа Бо—нскаго, найдено между прочими бумагами слѣдующее письмо А. Г—зы...» 27-го апрѣля мы отослали къ вамъ наши объявленія и каталоги. Въ объявленіяхъ объяснено на какихъ условіяхъ будетъ продолжаться наше существованіе. Перемѣна произошла не по нашей волѣ и желанію. Фирма Г—скаго ведетъ начатое дѣло къ концу. 500 рублевыхъ соучастниковъ (wspólnikow) уже нѣтъ и мы производимъ съ ними ликвидацію на внесенныхъ ими суммахъ. — Кто внесъ 200 руб. тому даемъ за 100 подписной билетъ, который въ продолженіи 10 лѣтъ будетъ выплаченъ нашими изданіями; за другіе 100 даемъ выборъ книгъ изъ нашихъ собственныхъ изданій и пріобрѣтенныхъ отъ Гл—га. Будешь ли устраивать у себя *филію?* Мы здѣсь имѣемъ нѣсколько *филій* (*) на слѣдующихъ условіяхъ...

Интересы наши и наша дѣятельность все болѣе и болѣе развиваются... Печатанія наши становятся лучшими и обильнѣйшими; мысль о пониженіи цѣнъ на книги не оставляетъ насъ, напротивъ будемъ дѣлать все, что только возможно...»

Въ концѣ этого письма сдѣлана Ка—скимъ дописка слѣдующаго содержанія:

«Хотя незнакомъ съ вами, но посылаю вамъ выраженіе своего почтенія и искреннюю благодарность за ваше къ намъ участіе и желаніе вспомоществовать *цѣлямъ нашимъ.* Мы уже давно получили 300 руб. и прислали *заквитованье.* Повторяемъ и те-

---

*) Подъ словими «филій», говоритъ Г—скій на допросѣ 24 апрѣля, слѣдуетъ понимать тѣ мѣста, въ которыя онъ давалъ свои книги на коммиссію книгопродавцамъ, по особымъ на то коммерческимъ условіямъ.

перь, какъ вы желаете произвести ликвидацію съ нами правительствомъ предписанную. Теряемъ на суммѣ, поступающей отъ компаньоновъ (wspólników), но дѣло идетъ дальше и хотя въ меньшихъ размѣрахъ, но по возможности хорошо. Какъ вы рѣшите, тогда вышлемъ новые билеты подписанные взамѣнъ компанейскихъ билетовъ. Можетъ быть на 100 руб. возьмете книги, а за 200 два подписные билета.....»

У Мал—скаго въ Немировѣ найдены слѣдующія два письма Ка—скаго:

1) «Письмо ваше отъ 8 сего мѣсяца получилъ вчера.... Непріятно намъ, что такъ несчастливо начинается ваше книгопродавничество, однако гдѣ—же бываетъ начало безъ трудностей. Нужно выносить ихъ терпѣливо и благоразумно. Какъ скоро вы будете имѣть гильдію, не нужно будетъ другаго позволенія. Г. исправникъ не имѣетъ права забрать книги, онѣ уже прошли черезъ цензурную полицію: Gosciniec dla dzieci цензурована въ Вильнѣ, а Biblioteka Polska разрѣшена въ Варшавѣ. Будьте болѣе спокойны. Если исправникъ не возвратитъ вамъ взятыхъ экземпляровъ и не отворитъ книжнаго магазина, то мы его заставимъ. Г—скій, новый владѣлецъ нашихъ книгъ, подастъ объ этомъ жалобу вашему губернатору, что на купленныя имъ книги, земская полиція незаконнымъ арестомъ наводитъ подозрѣніе. Г—скій ни на волосъ не измѣнитъ установленнаго порядка. Мы устранимъ затрудненія, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы мы расчитались съ кредиторами посредствомъ продажи книгъ. Правительство будетъ поддерживать нашу работу, потому что само признало необходимымъ ликвидацію. Князь Ва—ковъ во всемъ окажетъ намъ протекцію и обѣщалъ ее. Какъ скоро вы откроете свою торговлю, нужно, чтобы наши изданія имѣли ходъ, пусть бы ихъ кто нибудь хотя по немногу забралъ. Если взяли гильдію, то стойте твердою ногою. Что можетъ сдѣлать вамъ исправникъ? Ни одного запрещеннаго сочиненія не имѣемъ въ книжномъ магазинѣ и въ филіи не даемъ. Объявите же это и прочтите исправнику. Жду отъ васъ извѣстій. Съ почтеніемъ Ка—скій...»

2) Какая судьба сталкиваетъ васъ съ этою книжною лавчонкой? Имѣемъ нѣсколько филій, а такъ не безпокоятъ никого. Начнутъ, спросятъ и на томъ конецъ, а здѣсь васъ мучатъ, терзаютъ. Можетъ быть какая нибудь личность есть между вами? Я писалъ вамъ, что ходатайствомъ предъ княземъ Ва—вымъ можно было бы повредить себѣ, потому что всѣ обращаютъ вниманіе... Тихо, спокойно и по всѣмъ формамъ закона намъ слѣдуетъ быть. Такъ совѣтую вамъ, и мы такъ дѣлаемъ. Транспортъ

давно вышелъ. Рапорта ожидаемъ. Г—скій и мы любопытствуемъ. Покорный слуга Карлъ Ка—скій.»

При предложеніи отъ 11 мая 1866 г. за № 7708, волынскій губернаторъ прислалъ въ уѣздный судъ найденныя, при обыскѣ, у умершаго уже помѣщика Теодора Бобра, представленныя, его превосходительству, ровенскою военнослѣдственною коммиссіею бумаги:

1) Циркулярный отчетъ общества, подписанный Карломъ Ка—скомъ и Александромъ Г—зой 24 марта 1860 г., начинающійся словами: «Когда не можемъ въ публичномъ отчетѣ увѣдомить о дѣйствіяхъ бывшаго товарищества для изданія книгъ въ Житомірѣ, то обязанность наша сообщить по одиночкѣ уважаемымъ компаніонамъ краткій очеркъ прежняго и настоящаго содержанія товарищества...»

2) Литографированное объявленіе Ка—скаго, Лип—скаго и Г—зы 1 марта 1860 года за № 327. Подъ сдѣланною на оборотѣ этого объявленія подписью рукою Г—скаго, относительно условій удовлетвореній вкладчиковъ, подписался не одинъ Г—скій, какъ на экземплярахъ, посланныхъ другимъ лицамъ, но также Ка—скій, Г—за и Лип—скій.

3) Два билета на *сто* руб. каждый, за №№ 90 и 91, выданные 13 іюня 1860 г. Г—скимъ.

Книги, показанныя во всѣхъ каталогахъ, собранныхъ при обыскахъ, почти всѣ польскія, и главнымъ образомъ имѣютъ содержаніемъ своимъ обычаи и исторію польскіе и руководства для изученія ихъ, написанныя для дѣтей, съ портретами королей и знаменитыхъ людей польскихъ.

Отдѣльный цензоръ, по иностранной цензурѣ, въ г. Кіевѣ, вслѣдствіе требованія уѣзднаго суда выслать въ судъ для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ изъ числа отосланныхъ въ кіевскій цензурный комитетъ запрещенныхъ сочиненій, отзывомъ отъ 27 апрѣля 1866 года за № 62 увѣдомилъ судъ, что «цѣль и направленіе *тайнаго общества*, по его разумѣнію, выражается не въ содержаніи той или другой задержанной у общества запрещенной книги, но въ самомъ фактѣ усиленнаго и до возможности удешевленнаго распространенія польскихъ книгъ въ западныхъ губерніяхъ, потому что этимъ усиленнымъ распространеніемъ польскихъ книгъ, хотя бы и незапрещенныхъ, общество, очевидно, желало какъ можно болѣе распространять въ населеніи польскія понятія, чувствованія, стремленія, чтобы поднять и усилить въ умахъ польскую національность, всегда враждебную интересамъ Русскаго государства

и тѣмъ унизить и подавить національность русскую, а черезъ то подготовить живой, горючій матеріалъ для предстоявшаго возмущенія. Держаніе, между прочимъ, запрещенныхъ книгъ, составляютъ здѣсь лишь побочную вину, которою только усиливается, но не выясняется въ своей сущности главный, зловредный замыслъ тайнаго общества.»

Уѣздный судъ поручилъ одному изъ своихъ членовъ, засѣдателю Гр—скому разсмотрѣть находящіяся въ судѣ книги, взятыя изъ книжныхъ магазиновъ, бывшихъ подъ фирмою Г—скаго и представить суду докладъ о содержаніи книгъ и о томъ, какія идеи проводились посредствомъ ихъ въ среду населенія здѣшняго края. Засѣдатель Гр—скій, рапортомъ отъ 6 марта за № 25, донесъ суду, что, вслѣдствіе ознакомленія съ польскими книгами, принадлежавшими *тайному обществу* для продажи по удешевленнымъ цѣнамъ польскихъ и иностранныхъ книгъ, имъ вынесены слѣдующія убѣжденія:

«Общество имѣло обширную цѣль дѣйствовать на всю массу населенія обширной части Имперіи, пропогандируя въ такомъ духѣ, что западная и юго-западная Русь *была, есть и должна быть Польшею.* Средствомъ для того оно избрало печать и ея произведенія. Вслѣдствіе этого, общество и распространяло книги, повидимому, самаго невиннаго содержанія, изъ которыхъ однѣ, напримѣръ, буквари, ечатанные польскими буквами и распространяемые безплатно, въ массахъ народа, въ приходскихъ школахъ, пріучали неграмотный народъ къ польской грамотѣ, а другія, заманчиво дѣйствуя на полуобразованные, зараженные клерикальнымъ ученіемъ умы изображеніемъ жизни стародавней Польши и ея героевъ (напр. Zywot i smierć Jana Tarnowskiego), распаляли оные до дѣятельнаго подражанія. — Эта книжная пропаганда дѣйствовала всесторонне—на всѣ силы души и представляетъ произведенія во всѣхъ родахъ прозы и поэзіи; но она дѣйствовала такъ іезуитски-неуловимо (напримѣръ перепечатывая произведенія авторовъ XVII—XIX вѣковъ, когда особенно возгорѣлась борьба между мірами восточно—славянскимъ и западно—польскимъ), что весьма трудно съ подробностью замѣтить мѣста, рельефно высказывающія эту цѣль, хотя во многихъ мѣстахъ книгъ цѣль эта осязательна, если не очевидна; въ нѣкоторыхъ же книгахъ, напр. въ брошюрѣ: Złota góra, fałszywy król konfederat, особенно въ послѣднемъ расказѣ, польская идея явилась безъ маски и авторъ прямо призываетъ каждаго истаго поляка возстать съ оружіемъ и мстить схизматической Россіи. Большая часть книгъ, принадлежавшихъ обществу,—историческаго содержа-

нія,—но историческаго въ нихъ одна только форма,—содержаніе вообще сфальшивировано и извращено насколько было возможно; все польское хорошо и достойно подражанія. Золотая вольность и разнузданность шляхты на сеймикахъ и сеймахъ, *карабелы* и кунтушъ, какъ знаки шляхетскаго достоинства—любимая тема даже современныхъ польскихъ авторовъ, къ нимъ они вздыхаютъ и нарекаютъ на ихъ исчезновеніе, такъ какъ съ отмѣною этихъ особенностей, измельчалъ народъ и погибла доблесть предковъ; разгулъ ничѣмъ не сдерживаемый, вольность, равенство и война противъ орды и Москвы (см. упомянутое сочиненіе Jan Tarnowsky, стр, 36)—идеалъ каждаго поляка, къ которому онъ долженъ стремиться, оставаясь притомъ вѣрнымъ сыномъ латинства и папы».

«По моему крайнему разумѣнію, съ этою цѣлью и печатались, въ дѣйствительности довольно пустыя записки, подобныя Pamiątnikom Jana Chrysotoma Paska — образецъ поляка стараго закала (Starei daty). Тамъ гдѣ дѣло касается русскаго народа, входившаго въ составъ Рѣчи—Посполитой, котораго, при всемъ желаніи польскихъ баснописцевъ нельзя было пройти молчаніемъ, — его религіи и права, допускались всякая неправда и всякіе кривотолки (напр. въ сборникѣ Bibliotekа Polska № 173 стр. 183 «Exorbitacya ruska»)—мѣсто полное ругательствъ противъ православія и насмѣшекъ противъ русскаго народа (см. также Серія библіотеки 1859 года стр. 1—38). Объ уніи, этой проказѣ, явившейся сравнительно не очень давно на русскомъ тѣлѣ, польскіе писатели повѣствуютъ съ явною ложью, какъ о дѣлѣ давно существующемъ и въ отличіе отъ истиннаго католичества называютъ православіе схизмою (расколомъ). Въ такомъ духѣ разсѣяны по разнымъ мѣстамъ книги «Общества», проповѣди и полемическія сочиненія разныхъ ксендзовъ, придворныхъ королевскихъ проповѣдниковъ (напр. Бирковскаго, современника Сигизмунда III). На плоды этихъ плевелъ искусно, скрытно и исподоволь разсѣваемыхъ между народонаселеніемъ западной и югозападной Руси, и расчитывали коноводы того дѣла, которое, начавшись, повидимому безкорыстнымъ служеніемъ народу, съ цѣлью его просвѣщенія и развитія, окончилось вооруженнымъ мятежомъ, показавъ, что только преждевременная вспышка не дала созрѣть и окрѣпнуть дѣлу, задуманному въ польско-латинской головѣ ксендза и проводимому съ такою настойчивостью и махіавелизмомъ руками шляхты».

Приведенный докладъ, въ которомъ кратко, но вѣрно обрисовывается дѣятельность, намѣренія и направленіе «Тайнаго обще-

ства» тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего вниманія, что написанъ полякомъ, котораго никакъ нельзя заподозрить въ ненависти къ своимъ единовѣрцамъ.—Г. Гр—скій не скрываетъ правды и разоблачаетъ предъ судомъ всѣ явные и тайные замыслы общества.

II.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПРИГОТОВЛЕНІЙ КЪ ВОЗСТАНІЮ.

Народные учители.

Приготовленія къ открытому возстанію въ нашей губерніи, начались пѣніемъ патріотическихъ гимновъ, ношеніемъ траура, условныхъ знаковъ, въ видѣ черныхъ браслетовъ, бѣлыхъ крестиковъ, одноглавыхъ орликовъ, распространеніемъ польской цивилизаціи между крестьянскимъ людомъ и т. п. Тогдашнее начальство наше, состоявшее, большею частью, изъ одной только шляхты, весьма снисходительно смотрѣло на эти ребяческія игрушки и добродушно улыбалось, когда высшая администрація стала энергически требовать не допускать подобныхъ демонстрацій *). Тре-

*] Не лишнимъ считаемъ припомнить читателю какой вопль подимали поляки, во всѣхъ европейсъихъ газетахъ, противъ русскаго правительства, преслѣдующаго ихъ за ношеніе черныхъ платьевъ и разныхъ символическихъ знаковъ, неимѣвшихъ, по ихъ словамъ, никакого политическаго значенія. Европейскія газеты кричали, что мочи есть, противъ нашего варварства, хотя внутренно и убѣждены были, что всѣ внѣшніе отличительные знаки имѣютъ важное политическое значеніе въ глазахъ поляковъ. Для подтвержденія нашихъ словъ, мы выпишемъ одно мѣсто изъ письма нѣкоего Александра Д—цкаго, сосланнаго въ Тамбовъ, къ своему родственнику въ Кіевъ, студенту университета св. Владиміра. «Ты пишешь, говоритъ онъ между прочимъ въ этомъ письмѣ, что не знаешь хорошенькія ли только женщины одѣваются въ Кіевѣ въ черное, или же это всѣ польки такъ хороши. На это я отвѣчу такъ: что польки хороши это безспорно, но прими въ соображеніе, «что черный цвѣтъ у насъ не мода, а трауръ.» Чувство, подъ вліяніемъ котораго надѣтъ трауръ-чувство возвышенное, гораздо выше простаго удовлетворенія требованіямъ приличій; оно выразилось не въ одной лишь перемѣнѣ наряда,—оно заставило мыслить, углубиться въ самихъ себя, быть готовымъ на жертвы, забыть наряды, увеселенія и кукольныя занятія, и обратило умъ къ предметамъ болѣе серьезнымъ. Неужели же подобная перемѣна не отразится въ физіономіи, въ выраженіи лица, не облагородитъ черты даже менѣе прекрасныя такъ что, глядя на нихъ, мы не станемъ спрашивать себя отвѣчаютъ ли эти черты условіямъ классиче-

бованія высшаго начальства исполнялись только на бумагѣ, а польская работа продолжалась, безпрепятственно, дальше. Да и мудрено было справляться такимъ сонмомъ агитаторовъ, выросшихъ и окрѣпшихъ впродолженіи *тридцати* лѣтъ, распространившихся по всему нашему краю и опутавшихъ своими сѣтями всѣхъ и каждаго.

Въ 1863 году, польскій жондъ былъ уже въ нашей губерніи, въ полной силѣ, и агенты его дружно работали надъ возстановленіемъ Рѣчи—Посполитой. Весьма дѣятельныхъ агентовъ, жондъ нашелъ въ польскихъ студентахъ университета св. Владиміра. Изъ среды этихъ молодыхъ, ослѣпленныхъ фанатиковъ вербовались и въ шайки, и въ составители, и распространители разныхъ прокламацій и золотыхъ грамотъ, а преимущественно въ народные учители. Нужно замѣтить, что такъ называемая бѣлая партія, къ которой принадлежала большая часть студентовъ, воспротивлялась открытому мятежу. Главное стремленіе этой партіи, имѣвшей болѣе правильный взглядъ на вещи, чѣмъ другіе польскіе пропагандисты, состояло преимущественно въ томъ, чтобы примирять поляковъ съ здѣшнимъ крестьянскимъ населеніемъ, которое, какъ всѣмъ извѣстно, угнетали прежде безчеловѣчно. Чтобы устранить враждебныя отношенія, искони существовавшія между русскимъ народомъ и польскимъ населеніемъ здѣшняго края, упомянутая партія считала за самое лучшее образовать крестьянъ въ враждебномъ правительству духѣ. Съ этой цѣлью члены ея, при образованіи крестьянъ, отвергали русскій языкъ и примкнули къ такъ называемой *Кулишовкѣ* *) Составлялись на малороссійскомъ нарѣчіи буквари, въ которыхъ весьма искусно проводилась мысль, что крестьяне и шляхта должны жить дружно между собою, по-

---

ской красоты, но невольно преклонишь колѣна предъ душевною красотою, пробивающеюся изъ подъ траурной тѣни чувствительнаго лица. Неудивительно, если нарядъ, въ одну почти минуту, принятый цѣлымъ обширнымъ краемъ, находящимся въ сердцѣ Европы, нарядъ, оказавшій такое вліяніе и сдѣлавшійся такою могучею силою, нашелъ подражаніе и на западѣ! Но тамъ онъ уже явился какъ мода—и потому можно поручиться, что тамъ онъ ни чьей красоты не возвыситъ.»

**) Первую мысль объ образованіи нашихъ крестьянъ на особомъ, малороссійскомъ нарѣчія подалъ г. Кулишъ. Мы никакъ не подозрѣваемъ г. Кулиша, особенно послѣ недавняго, гласнаго отреченія отъ К у л и ш о в к и, въ какихъ нибудь связахъ съ польскими агитаторами, но признаемъ его направленіе, при самыхъ лучшихъ результатахъ, совершенно неправильнымъ. При образованіи русскихъ гражданъ, какого бы нарѣчія ни придерживались, слѣдуетъ употреблять одинъ русскій языкъ, общій литературѣ и государственной администраціи. Образовать часть гражданъ на особомъ нарѣчіи, значитъ составить изъ нихъ особую корпорацію въ государствѣ.

давать другъ другу руку помощи и работать собща для одной и той-же цѣли *). Ходили эмиссары по деревнямъ и вразумляли народъ устно или посредствомъ печатнаго слова, что нашъ край есть искони край польскій, что людямъ *колысьто* было очень хорошо, но съ тѣхъ поръ, какъ край этотъ подпалъ подъ власть *москалей*, то *всимъ на свити гирько стало*. Крестьяне наши, не смотря на свою неразвитость, не поддавались медоточивымъ рѣчамъ этихъ непрошенныхъ благодѣтелей и хорошо понимали, что своею свободою, своимъ лучшимъ положеніемъ они обязаны единственно своему законному русскому Царю, и только одинъ русскій Царь и одно русское, законное правиттльство въ состояніи ихъ защищать противъ всѣхъ козней пановъ. Бѣлая партія никогда не останавливалась при первой неудачѣ: она хорошо понимала, что сразу нельзя побѣдить непреклоннаго въ преданности, нашего мужичка, а всеобщаго народнаго возстанія можно достигнуть только долгимъ трудомъ, терпѣніемъ и постоянною, безостановочною работою. Чтобы пріобрѣсть расположеніе крестьянъ, эта партія подлаживалась подъ ихъ тонъ и заискивала даже ихъ братства **).

---

*) При допросѣ одного политическаго преступника, студента Р—цкаго, съ какою цѣлью онъ писалъ статью подъ заглавіемъ: «Якъ люде живутъ межъ нами,» упомянутый Р—цкій даетъ, въ показаніяхъ слѣдующій отвѣтъ: «Въ статьѣ этой я старался парализировать враждебное отношеніе и враждебныя чувства крестьянскаго населенія къ полякамъ, объясняя, что причиною этой вражды—зависть къ владѣющему землею неимѣющаго собственности въ землѣ, — и затѣмъ, что поляковъ владѣльцевъ въ Волынской губерніи менѣе гораздо нежели тѣхъ, которые менѣе обезпечены, нежели сами крестьяне.»— Тотъ же г. Р—цкій говорить дальше въ своихъ отвѣтахъ слѣдующее: «Статья, назначавшаяся въ польскую газету, заключаетъ въ себѣ замѣтку по поводу вызванной эмансипаціею крестьянъ потребности колонизаціи нѣмцами здѣшняго края. Въ этой статьѣ я указываю на возможность удовлетворить этой потребности помощью вызванія шляхты, обитающей нынѣ въ лѣсахъ, къ земледѣльческимъ занятіямъ. При чемъ говорю, что эта мѣра имѣла бы благія послѣдствія для шляхты, поднимая ее изъ этой жалкой, въ нравственномъ и физическомъ отношеніи, среды, въ какой она находится нынѣ, и для благосостоянія края и его тишины; ибо крестьяне, видя, что поляки, здѣсь живущіе не только богатые и знатные, но есть и бѣдные между ними, такимъ образомъ они менѣе проникнуты были бы ненавистью къ полякамъ. Конечно здѣсь нѣтъ, прибавляетъ г. Р—цкій никакихъ политическихъ стремленій.»

**] Въ упомянутомъ нами письмѣ сосланнаго Д—цкаго находимъ слѣдующее мѣсто одной пѣсни, пропѣтой на какомъ—то вечерѣ:

Но будемъ мы нынѣ всѣ..... Волынякамы,
Но будемъ мы нынѣ всѣ..... Волынякамы,
Вмѣстѣ съ хлопами, даже съ жидами!
Вмѣстѣ съ хлопами, даже съ жидами!....

Благодаря бездѣйствію, или лучше сказать покровительству шляхетнаго чиновничества, бѣлая партія росла, окрѣпла и приносила тѣ горькіе плоды, для уничтоженія которыхъ требуется уже неимовѣрныхъ усилій. Если бы наше чиновничество тогдашняго времени исполняло свой долгъ честно и добросовѣстно, то было бы, вѣроятно, гораздо меньше несчастныхъ жертвъ—многіе ослѣпленные возвратились бы, быть можетъ, на путь истины, а главное зло было бы вырвано съ корнемъ и не оставляло бы тѣхъ вредныхъ семянъ, за всходы которыхъ можно еще опасаться въ будущемъ.

Изъ множества подземныхъ приготовленій къ послѣднему *повстанью* въ нашей губерніи, разскажемъ теперь слѣдующій случай:

12 апрѣля 1863 года студенты университета св. Владиміра Р—цкій и С—кій разбужены были, рано утромъ, отъ сладкаго сна, кіевскою полиціею, приходившею, по приказанію высшаго начальства, для произведенія обыска. При этомъ обыскѣ, у означенныхъ студентовъ, найдены были, кромѣ непропущенныхъ цензурою польскихъ книгъ, многіе предметы возмутительнаго содержанія, какъ—то: разные условные польскіе знаки, возмутительныя воззванія къ русскому народу, фотографическіе снимки мятежническаго лагеря въ лѣсу, готовые пистолетные заряды, рукописи на малороссійскомъ языкѣ, предназначавшіяся для распространенія въ народѣ, переписка съ мятежниками, письма весьма возмутительнаго содержанія и другія разныя разности.

Этотъ нечаянный обыскъ, сдѣланный въ Кіевѣ на квартирѣ упомянутыхъ студентовъ, работавшихъ, вѣроятно, спокойно, довольно долго, надъ возстановленіемъ Польши, былъ только дѣломъ случая и неосторожности одного агента подземнаго жонда, отправившагося въ Житоміръ, вѣроятно, съ важнымъ порученіемъ. Дѣло это началось слѣдующимъ образомъ:

Смотритель станишанской почтовой станціи (Радомысльскаго уѣзда, Кіев. губ.) представилъ 9 апрѣля мѣстному становому приставу переписку, найденную сторожемъ станціи, утромъ того числа, въ комнатѣ, которую занималъ проѣзжающій изъ Кіева въ Житоміръ дворянинъ Эдмундъ П—скій. Въ перепискѣ этой оказалось: а) Письмо къ родителямъ, писанное карандашемъ, содержащимся въ кіевской крѣпости, задержаннымъ въ Радомысльскомъ уѣздѣ І. М., прикосновеннымъ къ дѣлу о приготовленіи пороха. Въ письмѣ этомъ, М. описываетъ родителямъ поводъ задержанія его, мѣсто заключенія, какъ содержатъ его и выражаетъ просьбу объ уничтоженіи переписки и книгъ, какія могли бы его компрометировать. Изъ письма видно, что оно передается черезъ пріятеля. б) Замѣтка о числѣ войскъ въ Кіевѣ и другихъ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ Кіевской губерніи. в) Замѣтка о числѣ

мировыхъ посредниковъ, волостей, помѣщиковъ, селеній и крестьянъ въ той же губерніи. г) Билетикъ величиною въ визитную карточку, въ которомъ напечатано по польски: «предъявителя настоящаго уполномочиваемъ собирать донесенія и вѣрныя свѣденія о распоряженіяхъ въ имени нашемъ.» Внизу подпись: «Губернское Кіевское Управленіе» и буква К., а на сторонѣ накопченная печать, въ видѣ треугольника, и кромѣ того, на трехъ лоскуткахъ почтовой бумаги, на которыхъ сдѣланы означенныя выше замѣтки, приложено пять такихъ же печатей.

По полученіи этой переписки, становой приставъ немедленно отправился по слѣдамъ П—скаго въ Житоміръ, но онъ успѣлъ скрыться. Одновременно съ розысками въ Житомірѣ, на квартирѣ чиновника Г—чко и студента П—скаго, у которыхъ остановился упомянутый агентъ, произведены были обыски въ Кіевѣ у упомянутыхъ нами двухъ студентовъ, откуда П—скій выѣхалъ. У упомянутыхъ студентовъ, какъ мы расказали выше, найдены были всѣ улики о принадлежности ихъ къ мятежу и эти студенты, какъ видно изъ дѣла и найденныхъ у нихъ бумагъ, назначались жондомъ въ народные учители.

Изъ дѣла, изъ котораго выписываемъ настоящую замѣтку видно, что нѣкоторые преступники были дѣйствительно открыты и преданы въ руки правосудія, но многіе злоумышленники, по недобросовѣстности нѣкоторыхъ служащихъ тогда лицъ, ускользнули отъ заслуженной тогда кары, и до сихъ поръ пропали безслѣдно.

Житомирскія безпорядки 1861 года, по свѣдѣніямъ изъ оффиціальныхъ источниковъ.

Съ окончаніемъ статьи о «недавно минувшемъ Волыни», считаемъ кстати прибавить замѣтку о революціонныхъ манифестаціяхъ *), или о попыткахъ къ нимъ, происходившихъ въ Житомірѣ, во время послѣдняго польскаго мятежа.

Происходившія въ Варшавѣ революціонныя манифестаціи—предвѣстники вооруженнаго мятежа, нашли отголосокъ въ средѣ польскаго населенія Житоміра. Всѣ замыслы въ извѣстномъ родѣ, начиная отъ распѣваній пресловутыхъ гимновъ въ костелахъ, до свиста и битья оконъ въ квартирахъ русскихъ чиновниковъ,—повторились и здѣсь, хотя не въ такихъ размѣрахъ и не съ та-

---

* О которыхъ авторъ предшѣдствовавшихъ статей, упомянулъ лишь вообще.

кою отвагою. Если вѣрить преданію, то били окна и на Волыни, но по словамъ того же преданія, такого побоища оконъ какъ въ Варшавѣ, въ Житомірѣ не было. Пропускаемъ мелочи; обратимся къ фактамъ болѣе серьезнымъ.

Самою крупною и притомъ самою бурною манифестаціей, изъ происходившихъ въ Житомірѣ, можно назвать ту, въ которой главную роль играла постановка креста на площади, и которую по этому избираемъ предметомъ настоящей статьи. Но прежде чѣмъ начнемъ говорить объ этомъ, нельзя обойти предшествовавшихъ событій, хотя въ этомъ случаѣ, пришлось бы повторять, можетъ быть, уже извѣстное читателямъ, изъ разныхъ періодическихъ изданій.

Первое проявленіе такихъ манифестацій произошло въ началѣ 1861-го года. Въ этомъ году 15-го января первый разъ появились въ Житомирѣ возмутительныя объявленія, наклеенныя на заборахъ и фонарныхъ столбахъ, содержавшія въ себѣ запрещеніе полякамъ бывать на вечерахъ и балахъ до возстановленія Польши. Запрещеніе это большинствомъ поляковъ, строго соблюдалось во все время мятежнаго періода, а нѣкоторыми даже и послѣ онаго.

25-го февраля, въ костелѣ р. католической семинаріи была отслужена революціонная панихида, въ память пяти убитыхъ въ Варшавѣ, изъ толпы участвовавшихъ въ буйной демонстраціи 15 (27) февраля. Всѣ присутствовавшіе на этой панихидѣ женщины были въ глубокомъ траурѣ; послѣ панихиды, ксендзомъ объявлено, что она совершена «за убитыхъ для блага отечества.»

9-го марта на всѣхъ углахъ улицъ появились объявленія о томъ что на слѣдующій день, въ 10-ть часовъ утра, въ каѳедральномъ костелѣ будетъ отслужена панихида за соотечественниковъ, погибшихъ на улицахъ Варшавы 15-го (27) февраля. Въ назначенное время совершена была панихида и обѣдня. Въ служеніи участвовало все латинское духовенство, за исключеніемъ епископа, сказавшагося въ этотъ день больнымъ; посѣтителей находилось болѣе трехъ тысячь; музыканты и пѣвчіе на хорахъ, мущины съ крепомъ на лѣвомъ рукавѣ, а женщины въ креповыхъ вуаляхъ и въ платьяхъ обшитыхъ въ два ряда плерезами,—словомъ все было пущено въ ходъ, чтобы манифестаціи этой придать какъ можно болѣе великолѣпія и трогательнаго впечатлѣнія. По серединѣ костела на полу посланъ былъ кусокъ чернаго сукна, съ вышитымъ на немъ крестомъ *), на которомъ лежалъ огромный лавровый вѣнокъ; шесть человѣкъ съ зажженными въ рукахъ свѣчами окружали сукно; во время чтенія евангелія, и

*) Сукно это служило замѣною катафалка, устраиваемаго въ костелахъ при панихидахъ; ибо въ этотъ разъ епископъ не разрѣшилъ устройства катафалка.

освященія даровъ сукно съ вѣнкомъ поднимали вверхъ. Во время, чтенія евангелія, когда сукно съ вѣнкомъ было поднято вверхъ, одинъ изъ находившихся близь сукна вскричалъ: «кто полякъ, тотъ подниметъ руку»;—всѣ подняли руки.

При входѣ въ костелъ сидѣли шесть женщинъ *) для сбора денегъ въ пользу семействъ, убитыхъ въ Варшавѣ. Ассистенты, находившіеся при сборщицахъ, поочередно провозглашали: «сборъ для семействъ нашихъ братьевъ, убитыхъ (zamordowanych) въ Варшавѣ.» Эти ассистенты къ плечу каждаго давшаго деньги прикалывали траурную кокарду; а женщинамъ, кромѣ кокардъ, раздавали свѣчи, украшенныя бантами изъ черныхъ лентъ; тѣмъ же, кои не давали денегъ, можетъ быть, потому что не имѣли ихъ при себѣ, отвѣчали грубыми оскорбленіями. Сборщицы, кромѣ денегъ, принимали и цѣнныя вещи: серги, браслеты, кольца, часы и проч. Кромѣ сборщицъ, при входѣ, и около костела, для соблюденія полицейскаго порядка, были поставлены ученики гимназіи и рабочіе двухъ житомирскихъ типографій, подъ начальствомъ нѣсколькихъ помѣщиковъ. Главными распорядителями торжества были губернскій и уѣздный предводители дворянства, нѣсколько дворянъ, содержатели двухъ типографій и одинъ портной, игравшій въ началѣ манифестацій значительную роль.

Въ этотъ день первый разъ въ Житомирѣ, въ костелѣ (когда по окончаніи панпихиды духовенство удалилось въ разницу), хоромъ пѣвчихъ и большею частью находившихся въ костелѣ, при звукахъ органа, была пропѣта извѣстная національная пѣснь: Boże coś Polskę.

Большая часть магазиновъ и лавокъ, коихъ хозяева были р. католики, были заперты съ утра и до окончанія паннахиды.

Со времени этой манифестаціи, началось въ Житомирѣ ношеніе траура и старинныхъ костюмовъ: контушей, чамарокъ, конфедератокъ, а также разныхъ революціонныхъ знаковъ въ видѣ сломанныхъ крестовъ, одноглавыхъ орловъ, колецъ и серегъ съ разными надписями.

23-го апрѣля, въ первый день Пасхи, пѣніе революціонныхъ гимновъ возобновилось; во время литургіи въ ту минуту, когда освящали дары, нѣсколько поляковъ, составивъ группу по серединѣ костела, запѣли революціонный гимнъ, прочіе изъ бывшихъ въ костелѣ, подумавъ не много, также запѣли.

Полиція не знала о многихъ случаяхъ пѣнія; въ уѣздахъ происходили подобнаго же рода демонстраціи. Такъ какъ мѣстная полиція не находила средствъ прекратить оныя, то это обрати-

---

* Двѣ—жены губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства,—три жены дворянъ и наконецъ жена одного портнаго.

ло вниманіе высшаго правительства, вслѣдствіе чего, указомъ сената 9-го августа 1861 г., были объявлены правила объ учрежденіи въ западныхъ губерніяхъ полицейскихъ судовъ. Воспрещалось: публичное пѣніе гимновъ и пѣсень, выражающихъ противу—правительственныя стремленія; публичное ношеніе условныхъ знаковъ ; публичныя денежныя складки и сборы безъ предварительнаго разрѣшенія полиціи ; нанесеніе оскорбленій и причиненіе угрозъ лицамъ, не желающимъ участвовать въ вышеозначенныхъ заявленіяхъ и, наконецъ, всякое оказаніе неуваженія или противудѣйствія и тѣмъ болѣе оскорбленій должностнымъ лицамъ, обязаннымъ предупреждать нарушенія законнаго порядка. Въ наказаніе за неисполненіе этихъ правилъ опредѣлены денежные штрафы или аресты. Полицейскіе суды были учреждены при нѣкоторыхъ уѣздныхъ судахъ (на Волыни: въ Житомирѣ и Дубнѣ), подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ судей ; приговоры предписывалось исполнять въ семидневной срокъ; такой же срокъ назначался для принесенія аппеляціи въ судъ 2-й степени, учрежденный въ Кіевѣ. Учрежденіе подобныхъ судовъ, безъ всякаго сомнѣнія, могло бы принести огромную пользу, если бы въ числѣ судей, засѣдателей, стряпчихъ и другихъ должностныхъ лицъ того времени , не находилось поляковъ—католиковъ.

Теперь мы дошли, до времени проявленія самой бурной манифестаціи—именно до дѣла съ «крестомъ.»

На основаніи офиціальныхъ данныхъ, которыя были у насъ подъ рукою, это курьозное дѣло происходило такъ:

Послѣ послѣдней манифестаціи, казалось, все стихло и въ Житомирѣ, по наружному виду, все было спокойно , какъ вдругъ разразилась новая манифестація, въ которой, какъ увидимъ ниже, женское католическое населеніе города принимало самое дѣятельное участіе. Въ ночь съ 21 на 22 сентября , на соборной городской площади оказался поставленнымъ деревянный, окрашенный черною краскою крестъ, выш. въ 5½ арш., украшенный цвѣтами и съ надписью бѣлыми литерами: „Pamiątka za zamordowannych w Warszawie 1861 roku *). Кѣмъ былъ поставленъ крестъ, никто не зналъ и не замѣтилъ; его замѣтили только случайно, съ разсвѣтомъ и дали знать полиціи. Начальство распорядилось тотчасъ же вырыть крестъ изъ земли и отнести въ сарай, гдѣ хранились пожарные инструменты, а потомъ и въ присутствіе полиціи.

Въ этотъ день въ городѣ видно было особенное движеніе, выходящее изъ круга обыкновенной жизни , что заставляло предполагать, что поставленіе креста для многихъ не было тайною и должно было вызвать новую манифестацію, тѣмъ болѣе, что въ

этотъ же день, утромъ, въ костелѣ семинаріи былъ пропѣтъ революціонный гимнъ.

Съ полудня въ городѣ началось еще большее снованье по улицамъ въ экипажахъ и пѣшкомъ, особенно женщинъ одѣтыхъ въ глубокій трауръ; болѣе всего народа находилось около костела, двери коего, противъ обыкновенія, были заперты. Въ три часа женская процессія направилась къ каѳедральному костелу; остановясь въ оградѣ и отправивъ депутацію къ епископу, нѣсколько женщинъ вошли въ костелъ, вѣроятно, для обсужденія своего предпріятія. Нѣкоторые изъ мущинъ хотѣли за ними послѣдовать, но не были впущены въ костелъ стоявшими при входѣ гимназистами, которые объявили, что входъ мущинамъ воспрещается. Мы упоминаемъ объ этомъ для того, чтобы читатель видѣлъ, что въ манифестаціи этого дня мущины уступили женщинамъ главныя роли. Цѣль женской депутаціи заключалась въ томъ, чтобы уговорить епископа сопутствовать ей къ губернатору и собща требовать возврата креста. Епископъ совершенно отказался, но уступая дерзостямъ нѣкоторыхъ личностей, обѣщался переговорить объ этомъ съ губернаторомъ въ другое, болѣе удобное время.

Толпа, получивъ непредвидѣнный отвѣтъ отъ епископа, послѣ недолгаго совѣщанія, направилась къ дому губернатора; процессія эта, по мѣрѣ слѣдованія, увеличившаяся примѣрно до тысячи человѣкъ, подошла къ самому дому и (какъ сказано въ одномъ офиціальномъ документѣ): «требуя объясненія съ губернаторомъ; послѣ чего, по предложенію послѣдняго, переданному чрезъ полиціймейстера, три женщины, войдя къ губернатору, объяснили, что какъ крестъ снятый полиціею, былъ поставленъ по общему желанію вѣрующихъ католиковъ, въ память павшихъ въ Варшавѣ въ 1861 году, то они просятъ возвратить его. Губернаторъ отказалъ этой просьбѣ и какъ, между тѣмъ, толпа увеличивалась и слышны были свистки, то онъ приказалъ вывести на мѣсто происшествія жандармскую команду и одну роту мѣстнаго батальона внутренней стражи, послѣ чего толпа очистила площадь и была разсѣяна жандармами.» Самовидцы увѣряютъ, что, при появленіи жандармовъ, толпа усердныхъ католиковъ разбѣжалась *очень поспѣшно*.

Послѣ всѣхъ сказанныхъ безпорядковъ, полиціймейстеръ донесъ, что въ демонстраціи 21 сентяря и въ пѣніи противу—правительственныхъ гимновъ принималъ дѣятельное участіе помѣщикъ Еловицкій, который и былъ преданъ военному суду по полевому уголовному уложенію.

Слѣдствіе раскрыло, что Еловицкій виновенъ въ личномъ приготовленіи и постановленіи креста, пѣніи противу—правительственныхъ гимновъ, въ подстрекательствѣ женщинъ къ требованію воз-

врата креста и прочее, и, что во всемъ этомъ принимали участіе и другія лица, которыя также не избѣгли суда.

Еловицкій сосланъ по поселеніе въ Сибирь, куда, *по уваженію* къ его преклоннымъ лѣтамъ (ему было 55 лѣтъ), было высшею мѣстною властію разрѣшено отправиться не по этапу, а на почтовыхъ, съ жандармами.

III.

ПО ПОВОДУ

ВЫНЕСЕННЫХЪ ИЗЪ КАНДИТЕРСКОЙ ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

Мы должны начать съ Шпора, виденскаго кандитера, потому что «Впечатлѣнія», заставившія насъ теперь взяться за перо, вынесены изъ его именно кандитерской.

Какой-то господинъ, или егомосць, называющій себя «*Русскимъ*», такъ занятъ въ концѣ года (особенно) разными дѣлами, что никакъ не можетъ миновать Шпора, у котораго онъ тоже сидитъ, вѣроятно, *не безъ дѣла*. Такая ужъ широкая и дѣловая натура у *Русскаго*,—коли дѣлать, такъ дѣлать все и вездѣ. Возвратившись однажды отъ Шпора съ особенною воспріимчивостью для разнородныхъ впечатлѣній, нашъ *Русскій* начинаетъ мечтать (а дѣла ?). Воображеніе его быстро переносится съ предмета на предметъ, —отъ Клары и Маргариты къ «Вѣстнику западной Россіи», отъ него—къ Кивайлѣ, отъ Кивайлы къ Швабіи, отъ Швабіи къ рюмкамъ и нейтральности, отъ рюмокъ къ корреспондентамъ «Голоса», отъ нихъ къ Фальстафамъ и Тартюфамъ, отъ послѣднихъ къ объявленію о продолженіи изданія «Вѣстника западной Россіи».

Тутъ воображеніе *Русскаго* опустило крылья—или потому, что умыкалось, или потому, что «Вѣстникъ западной Россіи» составляетъ *любимую* мечту *Русскаго*, его конекъ, его слабость. Какъ бы то ни было, только, добравшись до «Вѣстника западной Россіи», *Русскій* начинаетъ подбирать всѣ крѣпкія слова, какія можно и какихъ нельзя найдти въ русскомъ лексиконѣ и, съ неслыханнымъ въ нашей даже безцеремонной прессѣ цинизмомъ, — швырять

ими въ своего врага. Въ этой номенклатурѣ вы найдете и: «безпорядочный, безтолковый, безграмотный, тряпье, хламъ, наборъ макулатуры, пустая трата бумаги, пустота содержанія, дуракъ, безсмыслица» (*) и проч., — менѣе крупныя нѣжности оставляемъ безъ вниманія. Все это словоизверженіе, отъ котораго, должно быть, краснѣли не только наборщики, но и буквы, которыми оно осуществлялось,—умѣстилось на столбцахъ той газеты, которая претендуетъ на аристократизмъ и въ которой однажды мы и другіе русскіе люди, призванные въ сѣверо-западный край, названы (тѣмъ же *Русскимъ*) «сволочью, сумасбродными изувѣрами» и другими, не менѣе *ласкательными* именами (№ 91).

При такой обстановкѣ полемики *Русскаго*, и мы не можемъ, не должны удерживаться если не отъ ругательныхъ словъ, составляющихъ безраздѣльную его собственность, то хоть отъ рельефныхъ и неравнодушныхъ сближеній, сопоставленій, вызываемыхъ не местью, запальчивостью, а желаніемъ сообщить рисунку надлежащій колоритъ и объяснить инціативу болѣе дикихъ выходокъ *Русскаго*. Насколько то возможно, будемъ слѣдить за видѣніями нашего *друга* въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ проходили чрезъ его разгоряченную голову.

Прежде всего *Русскій* накинулся на слово «миссія», встрѣченное имъ на первыхъ строкахъ объявленія. Вы, говоритъ, сякой-такой г. Говорскій, съ вашимъ сякимъ-такимъ журналомъ, претендуете на миссію? Да, г. *Русскій*, и претендуемъ не даромъ. Слово миссія, да будетъ вамъ извѣстно, значитъ посольство, иногда—нравственное служеніе вообще и провозвѣстіе истинъ евангелія вчастности. При такомъ понятіи о миссіи, всякій человѣкъ, нравственно служащій вѣрѣ, царю и отечеству, проходитъ, такъ или иначе, такую или иную, миссію. Мы такъ счастливы, что къ нашему служенію легко примѣняются всѣ вышеизложенныя понятія о миссіи. Наша миссія, прежде всего, есть посольство, такъ какъ мы призваны сюда на посильное служеніе Россіи и православію тѣмъ, кто считалъ для нихъ нашу миссію полезною. Для тѣхъ, кто

(*) 144 № „Вѣсти."

незнакомъ съ ходомъ обстоятельствъ нашего переселенія изъ Кіева въ Вильну, повторимъ одну тираду, помѣщенную нами въ 12 книжкѣ «Вѣстника» за 1866 годъ, по случаю кончины графа М. Н. Муравьева. На 339 и 340 страницахъ IV отдѣла мы читаемъ: «Вдыхая русскую жизнь въ страну ополяченную и олатиненную, графъ Муравьевъ счелъ нужнымъ призвать и насъ къ посильной дѣятельности на пользу области, ввѣренной его правленію. Довѣріе къ покойному графу, жажда новой дѣятельности, при новой обстановкѣ, заставили насъ безъ раздумья покинуть страну (прибавимъ: и должности), столь счастливую въ климатическомъ, экономическомъ и нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, какъ Кіевъ.... Мы знаемъ и никогда не забудемъ того, что дѣло наше крѣпко приходилось по мысли и сердцу покойному графу Муравьеву. Теперь, когда обоюдная скромность не препятствуетъ искренности заявленія подлинныхъ ощущеній, когда уста, изрекшія намъ слово одобренія и ободренія, запечатлѣны смертію, мы считаемъ долгомъ признательности подѣлиться этимъ словомъ съ нашими читателями. Вотъ что писалъ изъ Петербурга (*) въ Кіевъ Михаилъ Николаевичъ редакціи «Вѣстника западной Россіи»: Мнѣ весьма пріятно пожелать, чтобъ издаваемый ими (редакторами) журналъ,—*первый* изъ нашихъ журналовъ, открыто и благородно вступившій въ борьбу съ врагами Россіи и обличающій постоянно обманъ и ложь, на которыхъ крамольное польское племя основываетъ свои противозаконныя притязанія на нарушеніе цѣлости и единства любезнаго нашего отечества,—чтобы журналъ этотъ и на будущее время продолжалъ такъ же честно и успѣшно трудиться на пользу православія и русской народности». Болѣе компетентнаго судьи нашей дѣятельности, чѣмъ графъ Муравьевъ, нѣтъ во всей Россіи; болѣе, потому, лестной и незабвенной аттестаціи нашему труду мы не смѣемъ и желать. Эта аттестація есть лучшая награда наша (злость и брань враговъ — тожъ), есть источникъ той бодрости, въ которой мы часто нуждались на опасномъ и тернистомъ пути нашемъ, — той вѣры въ себя, въ пользу нашего дѣла, которая порой, при реакціи вра-

(*) 14 мая 1864 года, за № 6,306.

говъ и *лжебратій* (*), изсякала въ нашемъ скорбномъ духѣ».

Чрезъ три мѣсяца послѣ полученія редакціей «Вѣстника западной Россіи» вышеприведеннаго отзыва покойнаго гр. Муравьева, редакція получила отъ него оффиціальное (по начальству) приглашеніе къ переселенію въ Вильну, обставленное самыми заманчивыми условіями **), гарантировавшими на новосельи изданіе и издателей, и самою лестною для перваго и послѣднихъ характеристикой, мотивы которой состояли въ болѣе широкомъ развитіи темы вышеприведеннаго отзыва и въ уясненіи пользы и необходимости нашей миссіи въ Вильнѣ. Разныя причины поставляютъ насъ въ невозможность предать гласности этотъ, лестный для насъ документъ. Слѣдовательно люди — поавторитетнѣе какого-то *Русскаго*—разошлись съ нимъ нѣсколько въ оцѣнкѣ миссіи «Вѣстника западной Россіи».

Для аттестаціи нашей дѣятельности достаточно было бы и одного мнѣнія о ней покойнаго графа Муравьева; но это не единственная личность, которая отнеслась къ этой дѣятельности съ лестнымъ для дѣятелей словомъ одобренія и ободренія. Желая уяснить пользу, какую можетъ доставить для духовно-учебныхъ заведеній изученіе ихъ питомцами «Вѣстника западной Россіи», особенно въ западной Россіи,— конференція московской академіи, отъ 11 октября 1866 г., за № 67, вошла въ бывшее духовно-учебное управленіе съ отзывомъ, въ которомъ доказала важность и значеніе для современной эпохи каждаго отдѣла журнала, не забывъ даже и перепечатокъ изъ газетъ и журналовъ, къ которымъ такъ презрительно отнесся *г. Русскій*, и на которыя ученая конгрегація взглянула болѣе просвѣщеннымъ и гуманнымъ окомъ. Наша скромность, обширность отзыва ученой конгрегаціи, равно и то, что онъ писанъ не для публики, даже не для насъ, лишаютъ насъ удовольствія подѣлиться съ читающею публикою и этимъ документомъ. Итакъ, и корпорація того высшаго учебнаго заведенія,

(*) *Русскому* не мѣшаетъ прочитать и пріобщить къ свѣденію дальнѣйшую тираду, въ той же статьѣ „*о лжебратіяхъ*."

**) Между прочимъ—принять на себя и редакцію „Виленск. Вѣстника."

въ главѣ котораго стоитъ самый компетентный судья нашей дѣятельности, тоже разошлась съ какимъ-то *Русскимъ* въ оцѣнкѣ миссіи «Вѣстника западной Россіи».

Сознавая пользу распространенія нашего изданія и въ тоже время—недостаточность матеріальныхъ средствъ, какими могутъ располагать свободно присутственныя мѣста западной Россіи, министерство внутреннихъ дѣлъ выписываетъ для нихъ ежегодно 200 экземпляровъ Вѣстника,—для сѣверо-западнаго и столько же для юго-западнаго края, а св. Сvнодъ, по тѣмъ же причинамъ, пріобрѣтаетъ ежегодно по 207 экземп. для духовно-учебныхъ заведеній, по преимуществу западной Россіи. Такое согласіе во вниманіи къ нашей миссіи администраціи свѣтской и духовной составляетъ новое возраженіе противъ невѣжественнаго и злостнаго на нее взгляда какого-то псевдо—русскаго. Пять главныхъ начальниковъ западной Россіи всегда одобрительно относились къ нашему дѣлу и въ самыхъ лестныхъ для дѣятелей выраженіяхъ поручали «Вѣстникъ западной Россіи» вниманію девяти западныхъ губерній, ввѣренныхъ ихъ управленію. А если бы мы захотѣли, если бы смѣли здѣсь назвать хоть по имени всѣхъ лицъ, стоящихъ и въ главѣ общества, и въ его срединѣ, которыя заявляли и заявляютъ самое симпатичное участіе къ намъ и самое краснорѣчивое одобреніе нашего дѣла, мы никогда не окончили бы настоящей бесѣды съ г. *Русскимъ*. Вотъ съ какими и сколькими авторитетами и аттестаціями вступилъ въ неравную борьбу нашъ зоилъ! Но намъ даже совѣстно, что мы вооружились такими вѣскими аргументами противъ мечтаній какого то любителя Шпора, съ его обстановкой, времяпрепровожденіемъ и «нейтральностью», конечно, политической.

Наша дѣятельность есть миссія и по своему характеру. Хорошо понимая значеніе и цѣль польскихъ манифестацій 1862 года, мы сочли своимъ долгомъ противопоставить имъ посильную реакцію, и словомъ истины и обличенія уяснить значеніе интриги, указать близость болѣе опасныхъ явленій и снабдить нужнымъ оружіемъ нравственнымъ людей русскихъ для битвы оборонительной и наступательной. Съ такимъ намѣреніемъ, въ половинѣ 1862 г., «Вѣстникъ за-

падной Россіи» смѣло вступилъ въ открытую борьбу съ врагами и лжебратіями (ихъ было тогда не мало). Изъ первыхъ книжекъ Вѣстника враги увидѣли, съ кѣмъ будутъ имѣть дѣло, а друзья его, — какое найдутъ въ немъ оружіе для предстоящей битвы. Первая полемико-историческая статья, направленная къ обличенію лжей и клеветъ на Россію, разсѣеваемыхъ заграничною прессою вообще и «Народовою Газетой» въ частности, — была вытребована заграничными славянами и распространена между ними отдѣльними оттисками, въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Другая статья, направленная къ возбужденію большей зоркости православнаго духовенства на текущія явленія, кромѣ перепечатки въ однѣхъ губернскихъ и однѣхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, по требованію нѣкоторыхъ архипастырей западной Россіи, была выписана ими и распространена отдѣльными оттисками между духовенствомъ въ числѣ 5000 экземпляровъ. Вслѣдъ за тѣмъ, редакція «Вѣстника» нашла умѣстнымъ составить руководящую статью для вразумленія народа. Статья эта, извѣстная у него подъ именемъ «Бесѣдки», по приказанію главныхъ начальниковъ западнаго края, была распространена въ народѣ въ числѣ 30,000 экземп., подняла сильную тревогу въ непріятельскомъ лагерѣ и чрезъ нѣсколько недѣль сдѣлалась такою библіографическою рѣдкостью, что мужички нарочно приходили въ Кіевъ отыскивать ее и предлагали за экземп. по 15 рублей. Мы должны здѣсь пройдти молчаніемъ безчисленный рядъ статей, документовъ, монографій, изъ которыхъ каждая попадала въ цѣль, возбуждала къ дѣлу Вѣстника одобреніе, привѣтъ и обобреніе въ нашей прессѣ, въ душѣ всѣхъ честныхъ людей Россіи. Да, многое и многое мы должны пройдти здѣсь молчаніемъ....

Послѣ того какъ предсказаніе «Вѣстника»: «Ляхи скоро возмутся за ножи», сдѣланное имъ еще въ ноябрѣ 1862 года и возбудившее подтруниванье нѣкоторыхъ органовъ нашей прессы, осуществилось на дѣлѣ,—обнаружились отношенія къ Вѣстнику и другой половины людей, съ которыми имѣлъ онъ дѣло. На дѣятелей его посыпались отъ подземнаго «ржонда» проклятія и угрозы смертію; эти

дѣятели должны были и сидѣть дома, и показываться изрѣдка на улицѣ во всеоружіи; они получали визиты отъ кинжальщиковъ, случайно не перешедшихъ отъ намѣренія къ исполненію; возлѣ ихъ квартиръ по недѣлямъ дежурилъ ночной караулъ; ихъ имена стояли въ первомъ пяткѣ лицъ, приговоренныхъ мятежною властью къ смерти, они постоянно клали на одну чашку вѣсовъ свое слово; на другую свою жизнь. Намъ бы хотѣлось здѣсь замѣнить недавно-употребленное слово: «случайно»—другимъ, болѣе гармонирующимъ съ нашими убѣжденіями; но мы не смѣемъ усвоять себѣ и своей дѣятельности того значенія, которое соотвѣтствуетъ этому слову. Намъ и безъ того—повторимъ снова—слишкомъ совѣстно, что мы вызваны были крайнею необходимостью нарушить обычную намъ скромность, указать образчики нашей миссіи и вооружиться противъ ругни какого-то *Русскаго* слишкомъ вѣскими аргументами. Съ своею скромностью миримся отчасти и тѣмъ, что мы ничего не сдѣлали выше и больше того, что внушала намъ честь, присяга и долгъ русскаго,—только не виленскаго любителя Шпора, съ его «нейтральностью.»

Въ параллель,—не говоримъ въ связи,—съ польскою агитаціей, пошла и внутренняя рознь убѣжденіямъ «здравымъ, честнымъ, благонамѣреннымъ»: значительная часть университетской молодежи начала бурлить и проговариваться, въ воскресныхъ школахъ начали подсказывать революцію, между народомъ начали шнырять сепаратисты и федералисты, въ школы сельскія началъ проникать нигилизмъ, пресса запрудилась болѣе, чѣмъ индифферентизмомъ нравственно-религіознымъ. «Вѣстникъ западной Россіи» принималъ значительную долю участія въ обузданіи этой внутренней разнузданности, и усилія его не были напрасны. *Русскій* вовсе незнакомъ съ внутреннимъ ходомъ тогдашнихъ событій и потому мы считаемъ себя обязанными доложить ему, что мы не мало способствовали къ разоблаченію, уничтоженію затѣй украйнофильской партіи, къ уясненію направленія и характера и п томъ замолчанію органовъ этой партіи-сперва «Основы», потомъ

«Меты»; что мы ратовали за нравственно-религіозное направленіе народнаго образованія и участія въ немъ православнаго духовенства, которое слишкомъ нагло и упорно хотѣлось оттереть отъ сельской школы тогдашнимъ нигилистамъ. Мы опять здѣсь многое и многое должны пройдти молчаніемъ, скажемъ только то, что площадная брань какого-то *Русскаго* слишкомъ была и будетъ безсильна для того, чтобы подорвать дѣйствительность заявленныхъ выше фактовъ и ослабить значеніе миссіи «Вѣстника западной Россіи».

Изъ сказаннаго уже видно, сколько остроумія въ каламбурѣ *Русскаго,* что «Вѣстникъ» не служитъ ни вашимъ ни нашимъ», и сколько правды въ его заявленіи, что «еще не родился такой дуракъ, который вздумалъ бы интриговать противъ него.» «Вашимъ, г. *Русскій,* точно мы не служили, потому что это было бы преступнѣе, чѣмъ служить нашимъ и вашимъ—въ одно и тоже время. Но «нашимъ» мы служили вѣрой и правдой, и служили не напрасно. «Наши» признали и признаютъ, одобряли и одобряютъ наше служеніе, а мнѣніе объ немъ такихъ русскихъ какъ вы для насъ совершенно безразлично; мы были бы въ отчаяніи тогда только, если бы насъ хвалили такіе какъ вы русскіе. Не горячитесь, поэтому, г. *Русскій*, если редакція считаетъ «упреки» такихъ людей (русскихъ ли—не русскихъ,—все равно) какъ вы «лучшею для себя аттестаціей;» это вѣрно—совершенно вѣрно, и въ теоріи и на практикѣ. Съ недостатками изданія здравая критика обходится серьезнѣе, безличнѣй и спокойнѣе: она укажетъ, потомъ—это главное—*докажетъ* ихъ, наконецъ предъявитъ раціональный взглядъ на истину. Но если кто горячится, бѣснуется до самозабвенія, до попранія всякихъ приличій,—осыпаетъ изданіе голословнымъ отрицаніемъ его достоинствъ, площадною бранью его характера, направленія и издателей,—явный знакъ, что такой полемикъ крѣпко неравнодушенъ къ изданію, что оно сильно перечитъ его убѣжденіямъ, что его свѣтъ рѣжетъ и колетъ больные глаза полемиста, что онъ забывается при одномъ воспоминаніи о ненавистномъ сопернике и, не находя причинъ къ униженію его достоинствъ,

хочетъ хоть ругнею выместить на немъ свою досаду. Не правда ли, г. *Русскій*, что это самый вѣрный анализъ вашего духа?... Ну—какъ, скажите сами, не гордиться упреками такихъ антагонистовъ и не повторить древняго афоризма: «вы сердитесь, слѣдовательно я правъ.» Будь «Вѣстникъ» тѣмъ, чѣмъ вы его называете: «формою безъ содержанія, величиною отрицательной» и проч. и проч., вы бы его и не замѣтили, прошли мимо его равнодушно, съ сожалѣніемъ, пожалуй, съ презрѣніемъ, но не сказали бы объ немъ ни слова, а тутъ, конечно, дѣло стоитъ иначе, Вѣстникъ, должно быть, задѣваетъ за живое и вашъ эгоизмъ и вашъ космополитизмъ, индифферентизмъ, и, можетъ быть, еще что нибудь покрупнѣе, когда вы затрудняетесь наборомъ ругательствъ для выраженія безплодной и безсильной вашей досады. Коль скоро вы бранитесь, кричите: «перестаньте, г. Говорскій,»—очевидно—дѣло идетъ не объ объявленіи, миссіи, началахъ, направленіи, а о продолженіи и въ будущемъ году ненавистнаго изданія. Ужели вы, въ самомъ дѣлѣ, не знали и доселѣ, что похвала врага есть несомнѣнный признакъ, что хвалимый стоитъ на дурной и опасной дорогѣ, и на оборотъ?! Это истина такая популярная!...

«Не родился еще такой дуракъ, который вздумалъ бы интриговать противъ «Вѣстника западной Россіи?» Полноте, г. *Русскій!* Если бы на дураковъ былъ такой неурожай, какъ вы говорите, еслибъ интрига такъ мало интересовалась «Вѣстникомъ», какъ вы хотите увѣрить,—мы не имѣли бы теперь удовольствія доказывать ея существованіе. Если къ кому, такъ именно къ нашему «Вѣстнику» всего менѣе примѣнимъ вашъ оптимизмъ, потому что ни одно—рѣшительно ни одно въ мірѣ изданіе не боролось съ такою сильной и постоянной интригой, съ какою боролся и отчасти борется «Вѣстникъ западной Россіи.» Почва, на которой онъ стоитъ такого свойства, что съ нимъ только и можно бороться интригой да бранью,—и интрига истощила надъ нимъ всѣ свои средства, брань—какъ видите—всю коллекцію словъ, неупотребляемыхъ уважающей себя прессой; другимъ оружіемъ съ «Вѣстникомъ»

бороться не приходится. Мы въ отчаяніи, что не можемъ поцитовать здѣсь тѣхъ безчисленныхъ и рельефныхъ образчиковъ, въ которыхъ проявилась въ отношеніи къ намъ интрига враждебнаго лагеря; а одна перечень ихъ составила бы краснорѣчивый и поучительный томикъ. Но изъ характера нашей миссіи, изъ того—съ кѣмъ, сколько и какъ мы боролись, сообразить не трудно, что борьба эта встрѣчала сильную закулисную оппозицію, требовала отъ насъ сосредоточенія на ней всѣхъ силъ нашихъ, всей полноты самопожертвованій и не разъ поставляла насъ въ необходимости задаваться вопросомъ: не бросить ли? Мы и бросилибъ, если бы считали наше дѣло только личнымъ нашимъ дѣломъ, еслибъ не были увѣрены, что наше разоруженіе слишкомъ обрадуетъ нашихъ антагонистовъ,—въ томъ числѣ и такихъ русскихъ, какъ любители шпоровской «нейтральности.»

Когда ругательный словарь былъ исчерпанъ, впечатлѣнія, вынесенныя отъ Шпора, начали улетучиваться, когда сознаніе *Русскаго* нѣсколько прояснилось, — онъ назвалъ «печатаемые Вѣстникомъ акты и документы вещью (?) хорошею» и даже нашелъ въ немъ «серьезныя статьи.» Какъ же это, г. *Русскій*, эти серьезныя статьи, эти хорошія вещи могли найдтись въ изданіи «безтолковомъ, безсмысленномъ, пустомъ и *абсолютно* безсодержательномъ? Выйдя отъ Шпора, ужъ не махнулиль вы рукой на противорѣчія? «да ну ихъ, говоритъ!» Впрочемъ, *Русскій* опомнился и «хорошую вещь» назвалъ «мертвымъ матеріаломъ,» а серьезныхъ статей нашелъ лишь «нѣсколько.» Что такихъ статей въ «Вѣстникѣ» безъ счету, это несомнѣнно; что документы и акты—не мертвый матеріалъ, это еще несомнѣннѣе: они—и уроки для настоящаго, и точка опоры для исторической истины, и завѣтъ нашихъ предковъ, и права наши на владѣніе нашимъ достояніемъ. Да вѣдь вы ихъ даете «въ необдѣланномъ видѣ,» возражаетъ Русскій? И это фантазія. Весьма много у насъ документовъ переведено съ латинскаго, польскаго и того старорусскаго, который съ трудомъ теперь понимается, — на современный русскій языкъ; тамъ, гдѣ необходимы были историческія примѣчанія, редакція никогда ихъ не забывала; слова, за-

ствованныя изъ польскаго, латинскаго языковъ и непонятныя для нѣкоторыхъ читателей, постоянно были поясняемы подъ строкой или въ самомъ текстѣ. Только тѣ документы, которые свободно читаются всякимъ (особенно жителемъ здѣшняго края, для котораго по преимуществу и предназначается нашъ журналъ) грамотнымъ человѣкомъ, и печатаются нами безъ примѣчаній и поясненій; доказательства на лицо. Но главное противорѣчіе себѣ у *Русскаго* не въ строкахъ, а между строками. Не можемъ же мы допустить въ немъ такого «абсолютнаго» отсутствія сознанія, чтобъ онъ не понималъ характера, направленія, значенія такого честнаго, современнаго, серьознаго, патріотическаго изданія, какъ «Вѣстникъ западной Россіи;» *Русскому* только не хотѣлось въ этомъ сознаться *предъ другими,*—такъ какъ эти именно свойства «Вѣстника» и возбуждаютъ его раздраженіе.

На счетъ причинъ опаздыванья книжекъ «Вѣстника» мы не можемъ соперничать съ *Русскимъ* въ откровенности. Можемъ только указать ему хоть на слѣдующій фактъ. «Вѣстникъ» теперь печатается въ двухъ типографіяхъ, и виновата ли редакція, если въ одной изъ этихъ типографій 9-я книжка печатается съ послѣднихъ чиселъ ноября до селѣ (10 января)? Да, говоримъ торжественно во уши всѣхъ, кто не утратилъ способности—вѣрить, что *книжки Вѣстника опаздываютъ выходомъ по причинамъ, независящимъ отъ его редакціи.*

Теперь нѣсколько словъ къ вамъ лично, г. *Русскій.* Намъ рѣшительно не хочется вѣрить, чтобы вы были точно русскій, въ полномъ значеніи этого слова. Быть можетъ, вы такой же *Русскій*, какъ тотъ, который подписался подъ извѣстнымъ «Роковымъ вопросомъ;» быть можетъ въ васъ только и русскаго, что имя, заимствованное изъ православныхъ святцевъ, крещеніе православнымъ священникомъ, да умѣнье кое-какъ объясняться порусски, а все остальное, *что отъ васъ зависитъ*,—полупольское, полулатинское, а можетъ быть и совсѣмъ польское, латинское. Кто васъ знаетъ, кто вы такое: подъ забраломъ русскимъ такъ удобно *казаться Русскимъ!* Въ самомъ дѣлѣ, если бы вы были русскій, вы не стали бы тѣшить враговъ Россіи и

православія междоусобіемъ, болѣе даже честнымъ, менѣе безпричинньмъ и ожесточеннымъ, вы бы уважили побужденія, начала, характеръ нашей дѣятельности, если бы пріемы ея даже не совсѣмъ были удачны, вы бы не обезчестили русскаго имени голословною бранью того изданія, которое такъ долго, такъ самоотверженно и успѣшно борется со всякою фальшью теоретическою, практическою, религіозною, гражданскою и политическою, вы бы—въ крайнемъ случаѣ—обсудили наши промахи или упущенія въ критикѣ спокойной, разумной, благонамѣренной и помѣстили бы ее не въ томъ изданіи, которое постоянно глумится надъ всѣмъ, что для русскаго должно быть дорого и свято, и распространенію котораго во враждебномъ намъ лагерѣ не мало способствуютъ такіе какъ вы русскіе,—вы бы, наконецъ, не такъ восторгались шпоровскою «нейтральностью». Напрасно вы, г. *Русскій*, уныло вопіете: «и ни кто не моги разоблачить эту гниль и фальшь подъ опасеніемъ несочувствія русскому дѣлу.» Вы невольно проговариваетесь въ послѣдней половинѣ фразы, хотя и въ первой кладете фальшивое ея основаніе. Ктожъ и что вамъ мѣшаетъ «разоблачать?» Вѣдь вы всякій день трудитесь у Шпора; ну и запасайтесь тамъ разоблаченіями и помѣщайте ихъ въ «Вѣсти,» какъ это вы теперь сдѣлали. Если «Вѣсть могла отмежевать на своихъ столбцахъ мѣсто такой—пользуемся вашей терминологіей—«гнили,» какъ та, по поводу которой мы взялись за перо, то, конечно, не откажутъ въ помѣщеніи разсудительной критики и газеты болѣе благонамѣренныя, а мы будемъ имѣть случай доказать *Русскому*, что онъ заблуждается.

ОТВѢТЪ

«Русскому» корреспонденту газеты «Вѣсть» (*).

— И впрямъ, значитъ, есть такіе? Но, все-таки нужно же мѣру соблюдать, а то вѣдь—что же такое? Впрочемъ... гость мой плюнулъ и махнулъ рукой.—*„Русскій.“*

«Вѣсть» 15 декабря 1867 года, № 144. Статья подъ заглавіемъ: «Вильно (а) (изъ письма къ редактору)».

И мы, читатели „Вѣстника западной Россіи, хотѣли—было „плюнуть и махнуть рукой“ на вышеозначенную корреспонденцію изъ Вильны, подписанную псевдо—„Русскимъ.“ Но газета *„Вѣсть,“* въ которой напечатана эта ругательная корреспонденція, имѣетъ претензію на какую-то загадочную оффиціозность; могутъ, пожалуй, случиться такіе читатели, которые повѣрятъ даже приговорамъ *„Вѣсти.“* слѣдовательно мы считаемъ въ этомъ случаѣ молчаніе неблаговременнымъ и неприличнымъ.

Начнемъ по порядку.

Зачѣмъ ваша статья, г. псевдо — „Русскій,“ озаглавлена такъ: *„Вильно?“* Неужели вы доселѣ не знаете, что въ Россіи есть русскій городъ Вильна, а не Вильно? Поставить одну букву вмѣсто другой—дѣло, кажется, пустое и безразличное; но littera docet—littera nocet,—въ томъ-то и дѣло, что *только поляки* (**) называютъ этотъ городъ такъ, какъ вы его называете: „Вильно;“ а русскіе, начиная съ покойнаго графа Муравьева и брата его Андрея Николаевича, описавшаго *„русскую Вильну,“* называютъ этотъ городъ порусски, а не такъ, какъ вы назвали его. — Читатели имѣютъ право сомнѣваться,

(*) Сотрудникъ нашъ И. Г. К—ій прислалъ намъ написанный имъ «Отвѣтъ Русскому», съ убѣдительною просьбой напечатать этотъ Отвѣтъ въ Вѣстникѣ. Исполняемъ желаніе его какъ потому, что не имѣемъ права и желанія отказать ему, такъ и потому, что въ его «Отвѣтѣ» есть мотивы, отличные отъ тѣхъ, которыми формулированъ личный нашъ отвѣтъ корреспонденту «Вѣсти». Ред.

(**) И поляки - то назвали такъ Вильну только вѣка два назадъ; во всѣхъ древнихъ документахъ стоитъ Wilna, Вильна. Ред.

чтобъ вы были, дѣйствительно, русскій. А чтобъ разрѣшить это сомнѣніе, мы просимъ покорно васъ объявить подлинное ваше имя и фамилію, приподнять забрало и дѣйствовать безъ масокъ.—Если же не вы озаглавили такъ вашу статью, а сдѣлала это редакція „Вѣсти," то.... впрочемъ эта почтеннѣйшая редакція давно уже извѣстна русской публикѣ... А пока вы, г. псевдо—„Русскій," разрѣшите это сомнѣніе, позвольте намъ подвергнуть вашу корреспонденцію изъ Вильны, напечатанную въ 144 № „Вѣсти," самому безпристрастному разсмотрѣнію.

Корреспонденція псевдо—„Русскаго" начинается извиненіемъ предъ редакціей „Вѣсти" за долгое молчаніе. Потомъ слѣдуетъ нѣчто въ родѣ похвальнаго слова виленскому кандитору, швабу — Шпору за то, что „у него хорошій кофе и отличное пирожное, потомъ—тишина и чистота. Истинный кейфъ—и гдѣ же? Въ швабской кандиторской, которая существуетъ въ центрѣ нашей древлеправославной и полякующей Вильны, гдѣ кипитъ патріотическая дѣятельность, гдѣ *разит* Вѣстникомъ западной Россіи."—Позвольте замѣтить вамъ, г. псевдо—„Русскій," что вы не знаете логики: вы удивляетесь, что нашли и кейфъ, и хорошій кофе, и отличное пирожное, и тишину, и чистоту въ кандиторской Шпора, хотя эта кандиторская находится въ центрѣ „древлеправославной и полякующей Вильны," гдѣ по вашимъ словамъ, кипитъ патріотическая (вѣроятно, русская) дѣятельность. Во имя здраваго смысла, просимъ васъ сказать намъ: какимъ образомъ кипящая въ Вильнѣ патріотическая дѣятельность и издающійся въ ней „Вѣстникъ западной Россіи" могли бы воспрепятствовать тому, чтобы въ кандиторской Шпора не было хорошаго кофе, отличнаго пирожнаго, тишины и чистоты?? Какое отношеніе, какая связь между патріотическою дѣятельностью Вильны и между кофеемъ и пирожнымъ Шпора, между тишиною и чистотой кандитерской его и—между „Вѣстникомъ западной Россіи"?? Такое отсутствіе логической связи между представленіями и понятіями по-латини выражается слѣдующимъ силлогизмомъ: baculus stat in angulo, ergo pluit (*).

И послѣ такой лигической несостоятельности, у васъ г.

(*) Палка стоитъ въ углу, слѣдовательно идетъ дождь.

псевдо—„Русскій,“ достало смѣлости бросать грязью на „Вѣстникъ западной Россіи“ и на издателя его?! И вы не устыдились даже бросить кощунственный оттѣнокъ на эти цитируемыя, или пародируемыя вами слова: *„въ нашей издревлеправославной и полякующей Вильнѣ“?!* По вашему, прорывающемуся наружу убѣжденію, пустяками занимаются тѣ люди, которые желали бы, чтобъ „издревлеправославная Вильна“ не была ополячиваема. По-вашему, пусть она будетъ себѣ, какая угодно, лишь бы въ кандиторской Шпора былъ хорошій кофе и хорошее пирожное?.. Одно изъ двухъ: или объявите ваше подлинное имя,—тогда, если вы, къ несчастью, дѣйствительно русскій, мы горько пожалѣемъ объ этомъ; или, если вы не объявите подлиннаго вашего имени, то мы останется убѣждены, что вы полякъ, плохо знающій русскій языкъ и враждебно расположенный ко всему русскому.

Панигирикъ свой кандитору Шпору псевдо—„Русскій“ оканчиваетъ слѣдующимъ образомъ: „Боже! какъ же я люблю герръ-Шпора, и какъ я его уважаю!... Герръ Шпоръ, будь ты благословенъ и счастливъ въ потомствѣ своемъ! Но, если я такъ люблю заходить къ Шпору, то ужъ никогда сандаліи мои не оставятъ и одной пылинки отъ праха своего въ пріютѣ Г...го.“— Независимо отъ кощунства, въ этихъ словахъ надъ славянскимъ богослужебнымъ языкомъ, псевдо—„Русскій“ ставитъ читателей въ недоумѣніе о томъ, что такое разумѣетъ онъ подъ „пріютомъ Г....го.“ Это, вѣроятно, какая-то другая виленская кандитерская, которую не любитъ г. псевдо—„Русскій.“ Не можетъ же быть, чтобъ онъ подъ пріютомъ Г....го“ разумѣлъ редакцію „Вѣстника западной Россіи,“ потому что это было бы ужъ болѣе чѣмъ нелогично. Впрочемъ, съ такою логикой какъ у псевдо—„Русскаго“ корреспондента „Вѣсти“ можно допустить всякую несообразность, и это оправдывается тѣмъ, что псевдо—„Русскій,“ кончивши свой панигирикъ Шпору, сейчасъ же, ex abrupto, разразился самою безцеремонною бранью надъ „Вѣстникомъ западной Россіи“ и надъ издателемъ его, г. Говорскимъ, прописывая имя его уже полнымъ составомъ буквъ, безъ точекъ....

Псевдо—„Русскому“ крайне не понравилось *объявленіе о продолженіи въ 1868 году изданія Вѣстника западной Россіи,* а въ этомъ объявленіи сильно огорчаютъ его слѣдующія слова:

„Вѣстникъ будетъ проходить свою миссію по тому же пути, котораго отъ держался доселѣ.“— Какую миссію? и по какому пути? спрашиваетъ псевдо—„Русскій,“ и потомъ восклицаетъ такъ: „Журналъ Говорскаго проходитъ—легко сказать—миссію!“— Ежели вы, г. „Русскій“ (право не вѣрится, чтобъ въ были русскимъ!) доселѣ не знаете, въ чемъ состоитъ миссія „Вѣстника западной Россіи,“ то вы, значитъ, не читали этого журнала. Но изъ вашихъ же дальнѣйшихъ словъ видно, что, по вашему мнѣнію, „печатаемые въ этомъ Вѣстникѣ историческіе акты и документы вещь хорошая,“ и потомъ вы же сами говорите, что въ этомъ Вѣстникѣ есть „нѣсколько серьозныхъ статей, какъ-то случайно попавшихъ въ разное время въ Вѣстникъ:“ слѣдовательно выходитъ, что вы читали и читаете этотъ журналъ. Но послѣ такого признанія вышеуказанныхъ вами достоинствъ Вѣстника, вы, забывши всякую логичность и даже, честь, называете этотъ журналъ „безпорядочнымъ, никому не нужнымъ, безтолковымъ и безграмотнымъ, пустою и безполезною тратою бумаги, чуждымъ всякаго содержанія, смысла и значенія.“— Ну, посмотрите же сами, г. псевдо—„Русскій,“ какая путаница представленій въ вашемъ сужденіи, если обнажить его отъ излишняго многословія и привести ваши мысли въ порядокъ. По вашему выходитъ такъ: „Вѣстникъ западной Россіи не имѣетъ никакой миссіи, никакого направленія и содержанія; въ этомъ Вѣстникѣ печатаются историческіе акты и документы, которыхъ нельзя не похвалить, и сверхъ того помѣщаются другія статьи серьознаго содержанія: слѣдовательно этотъ Вѣстникъ есть безпорядочный, никому не нужный, безтолковый и безграмотный,“—вотъ какъ по вашему! Не ужели вы, г. псевдо—„Русскій,“ такъ раздражены, что не видете и не сознаете грубѣйшаго противорѣчія въ такомъ сужденіи и осужденіи?... неужели вы до того ослѣплены личною враждой къ „Вѣстнику западной Россіи,“ что для васъ, уже не существуетъ логическая очевидность?...

Въ самое сердце псевдо—„Русскаго“ поразили слѣдующія слова изъ объявленія о продолженіи Вѣстника въ 1868 году: „мы и не думали утверждать, чтобъ угодили всѣмъ и каждому; подобная угодливость противна даже нашей натурѣ и нашему долгу. „Служенье нашимъ и вашимъ“ никакъ не могло вмѣститься въ нашемъ духѣ рядомъ съ тѣми святыми началами, ко-

торыя положены въ фундаментъ *) нашего зданія, и измѣнить которымъ, по нашему убѣжденію, значило бы измѣнить Богу, Царю и Россіи. Независимо отъ разныхъ случайныхъ непріятностей, мы не избѣгли ни интригъ, ни нападокъ. Но тѣмъ хуже для тѣхъ, которые до нихъ унизились; ихъ упреки составляютъ лучшую нашу аттестацію, ихъ досада—вѣрнѣйшій признакъ успѣха нашей миссіи; кто борется съ врагами и *лжебратіями*, тѣмъ не могутъ быть всѣ довольны."— Съ удивительнымъ самоотверженіемъ псевдо—„Русскій" утверждаетъ, что „не родился еще такой дуракъ, который вздумалъ бы интриговать противъ Вѣстника западной Россіи," и потомъ свою выходку завершаетъ натяжкою, будто „редакція Вѣстника западной Россіи обѣщаетъ въ теченіи *одною* (курсивъ въ подлинникѣ) декабря мѣсяца издать 4 остальныя книжки."— Хотя читателямъ Вѣстника весьма пріятно было бы, чтобъ этотъ журналъ выходилъ безостановочно и исправно; но въ объявленіи о продолженіи этого журнала, припечатанномъ при 8-й книжкѣ его, вовсе нѣтъ обѣщанія, о выходѣ четырехъ книжекъ въ продолженіе *одною* декабря мѣсяца; это обѣщаніе, очевидно сочинено г-мъ псевдо—„Русскимъ," какъ онъ выражается, „отъ собственнаго чрева."—

А это развѣ не интрига: приближается новый годъ; издатели другихъ журналовъ и газетъ объявляютъ о продолженіи своихъ изданій, — и редакція Вѣстника зап. Россіи дѣлаетъ тоже. Вдругъ — въ петербургской газетѣ „Вѣсть", отличающейся своеобразнымъ взглядомъ на многіе предметы близкіе русскому сердцу, является якобы „отрывокъ письма къ редактору "Вѣсти" изъ Вильно, въ которомъ (отрывкѣ) какой-то, якобы „Русскій", разбранивши Вѣстникъ западной Россіи, съ цинизмомъ, превышающимъ всякое вѣроятіе, наконецъ обращается къ издателю Вѣстника съ такимъ повелѣніемъ: *„Г. Ксенофонтъ Говорскій! перестаньте!"* А ежели бы онъ не переставалъ издавать свой журналъ, то псевдо — „Русскій" косвеннымъ образомъ приглашаетъ его прислушаться къ тому, что „пишетъ одинъ изъ испившихъ до дна изъ горькой чаши западно-рус-

*) Псевдо—«Русскій» ставитъ критическіе знаки послѣ этого слова и послѣ слова: «натурѣ». Вѣроятно, онъ не знаетъ различія этихъ словъ отъ подобозначащихъ имъ русскихъ: природа и основаніе.

ской жизни: „Лучшіе люди, желающіе разумно и съ пользою служить русскому дѣлу, молчать и сторонятся (чуть—чуть не договариваетъ: и вы молчите и посторонитесь съ вашимъ Вѣстникомъ!), ихъ затираютъ, они бѣгутъ изъ края въ родныя степи на вольный воздухъ.“—Sat sapienti,—перестаньте, молчите!—

Впрочемъ, предполагая, вѣроятно, что ни открытою бранью, ни такимъ косвеннымъ *наведеніемъ* о судьбѣ „лучшихъ“ русскихъ людей—тружениковъ западнаго края, не можно довести г. Говорскаго до того, чтобъ онъ *пересталъ* издавать свой Вѣстникъ, псевдо — „Русскій“ призвалъ на помощь себѣ одного своего пріятеля, котораго онъ называетъ „дѣятелемъ изъ Волковыскаго уѣзда. Этому пріятелю онъ далъ прочитать № 332-й „Голоса“, въ которомъ описано, какъ теперь въ западномъ краѣ Россіи ксендзы и польскіе паны пропагандируютъ папство и полыцизну. Пріятель не вѣритъ этому извѣстію, и говоритъ: „развѣ это мыслимо? зачѣмъ и кто это пишетъ?“

Псевдо—„*Русскій*“ отвѣчаетъ такъ: „такъ есть, видно, такіе, кому это почему-либо нужно... *Все—таки лишній годикъ можно будетъ просуществовать.*“

Еще не родился такой дуракъ (скажемъ словами псевдо—Русскаго“ корреспондента „Вѣсти“), который бы не понялъ этого послѣдняго маневра. Смыслъ этого маневра слѣдующій: если наша брань (просто площадная), напечатанная въ 144 № „*Вѣсти*“, не доконаетъ редакцію Вѣстника западной Россіи, если упрямый издатель этого Вѣстника не замолчитъ хоть изъ подражанія „лучшимъ людямъ, молчащимъ и сторонящимся;“ то можно, пожалуй, заподозрить его, предъ кѣмъ слѣдуетъ, что онъ, печатая „подлинные акты и документы и противъ ополяченія русскаго западнаго края, а равно и другія „серьезныя статьи о польской справѣ, *преувеличиваетъ страхи изъ корыстныхъ видовъ, „чтобъ лишній годъ просуществовать“ съ своимъ журналомъ.* Между тѣмъ какъ у насъ въ краѣ все обстоитъ благополучно, такъ что даже не нужны уже ни русскіе мировые посредники, ни военные начальники, а тѣмъ болѣе не нужно, и даже „немыслимо“ изданіе здѣсь какого-либо русскаго журнала,—и... не пора ли, въ самомъ дѣлѣ, издавать здѣсь на польскомъ языкѣ какой-нибудь журналъ, или газету?.... Такъ, или иначе, но непремѣнно надобно доконать этотъ несносный Вѣстникъ западной Россіи!

Заключаемъ нашу статью примѣнительно къ заключенію виленской корреспонденціи „Русскаго“ въ 144 номерѣ „Вѣсти“, и почти его словами: „и впрямъ, значитъ, есть люди, и осмѣливающіеся называть себя „русскими“, и желающіе затормозить всякую полезную русскую дѣятельность въ западномъ краѣ Россіи?!?!

Избави Богъ!—

И. К—ій.

Г. Нѣжинъ.

IV.

ЕВРЕЙКА-ТАЛМУДИСТКА. (*)

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ, ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ НРАВОВЪ. ВЪ 4-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,—СЪ ПРОЛОГОМЪ.

С. Ѳ. Калугина.

(посвящено Аннѣ Павловнѣ Степановой).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА ВЪ ПРОЛОГѢ.

Владиміръ Петровичъ Губанинъ. Молодой, образованный и богатый купецъ, путешествующій по разнымъ уголкамъ Россіи для изученія торговли.

Иванъ. Слуга его. Старикъ лѣтъ 55.

Ревекка. Молодая еврейка.

Пазухинъ. Молодой человѣкъ,—провинціальный актеръ,— школьной товарищъ и другъ Губанина.

Мовша. Еврей, факторъ. Лицо плутовское, одѣтъ по праздничному.

Ицко. Еврей, слуга въ заѣзжемъ домѣ Давида.

Дѣйствіе происходитъ въ Вильнѣ.

ПРОЛОГЪ.

Дѣйствіе происходитъ въ номерѣ заѣзжаго дома (**) еврея Давида. Небольшая комната, выкрашенная сѣрою краской. Мебель старинная. Старыя фортопьяны; кровать. Направо дверь и налѣво дверь.

(*) Піеса эта приназначается для с.-петербургской сцены. Авт.

(**) Заѣзжій домъ значитъ тоже, что меблированныя комнаты. Авт.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Послѣ открытія занавѣса, изъ правой двери входитъ Губанинъ, въ дорожномъ костюмѣ, за нимъ увивается Ицко;—потомъ, неспѣша, входитъ Иванъ.

Ицко. Вотъ, ясневельмозный господинъ—баринъ, этотъ номеръ самый луцсій.... Самый луцсій во всей насей гостинницѣ...

Губанинъ. Съ чѣмъ тебя и поздравляю. Это не комнаты, а грязныя стойлы, клѣвъ какой то. Пыль на мебели цѣлыми слоями; духота.... Нѣтъ, слуга покорный... Здѣсь я ни за какія пряники не останусь. Экой бестія извощикъ: увѣрялъ меня, что эта гостинница лучшая во всемъ городѣ....

Ицко. И такъ есть... такъ есть... Наса гостинница самая луцсая во всемъ городѣ....

Иванъ. Ладно.... Заговаривай зубы-то.... А ржаная каша всегда сама себя хвалитъ...

Ицко. Дали-Букъ такъ....

Губанинъ. (къ Ивану). Нечего дѣлать, нужно ѣхать далѣе. Пойдемъ, Иванъ.... Я видѣлъ на станціи объявленіе отъ гостинницы «Европы», поѣдемъ туда...

Ицко. Сто ви думаете Европа луцсе?!... Ни... Брони меня Бозе....

Губанинъ. Что ты мнѣ ни толкуй, а я здѣсь не останусь! (идетъ къ двери). Пойдемъ, Иванъ....

Ицко. (Забѣгая). Зацѣмъ идти?!... зацѣмъ! Мы пану показемъ другій номеръ.... Самый луцсій показемъ.... Заразъ пану показемъ, тылько я къ хозяину сбѣгаю за клюцами (Убѣгаетъ).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Губанинъ и Иванъ.

Губанинъ. Заразъ, заразъ... Знаю я это заразъ. Поѣдемъ, Иванъ, въ гостинницу Европа, нечего его дожидаться...

Иванъ. А отчего же, сударь, минутку другую и не подождать? Можетъ и въ самомъ дѣлѣ номеръ хорошій найдутъ. Вѣдь намъ все равно, гдѣ ни стоять.

Губанинъ. Иванъ! сколько разъ я тебя просилъ не учить меня, а ты все свое.... Я не хочу здѣсь жить, ну и шабашъ.... Я терпѣть не могу жидовъ. (Идетъ къ двери и толкаетъ ее, но она не отворяется). Что это?!.,. Да онъ, кажется, насъ заперъ? (толкаетъ вторично). Ну, такъ и есть... Ахъ, каналья!...

Иванъ. Ахъ, жидовское отродье!... Видно чуетъ, что постояльцы то денежные?!

Губанинъ. (Ивану, шутя). Да, а въ особенности ты, отъ одной водки съ тебя можно мильонеромъ сдѣлаться...

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

тѣже и Ицко, потомъ Ревекка.

Ицко. (скоро). Сейцасъ придетъ хозяйская доцка и васему благородствію померъ показетъ.... Самого хозяина нѣту дома, усолъ въ синагоду, нынце сабасъ....

Губанинъ. Напрасно ты хлопоталъ, голубчикъ, да еще хозяйскую дочь безпокоилъ. Я въ этихъ номерахъ и дня не проживу. Тутъ, кажется, вся грязь сосредоточена, а къ тому же въ полу дыры есть, должно быть крысы водятся?

Ицко. Ну, сто такое крысы? Сто они могутъ вамъ сдѣлать? Сто они собаки—сто ли?

Губанинъ. Мнѣ некогда съ тобой разговаривать. Прощай! (Направляется къ двери, въ которой появляется Ревекка).

Ревекка. (Одѣта въ черное шолковое платье. Говоритъ по русски чисто, слова произноситъ протяжно). Вамъ угодно занять этотъ номеръ?

Губанинъ. (Посмотрѣвъ на нее и немного помолчавъ). Да... то есть нѣтъ...не этотъ...Въ этомъ, знаете, какъ то того... Не совсѣмъ то, знаете, опрятно. (Въ сторону). Батюшки, какая хорошенькая жидовочка!

Ревекка. Неопрятно вы говорите? Но вѣдь чрезъ нѣсколько минутъ все это можно привести въ порядокъ, даже полы я прикажу вымыть.... Къ этому номеру еще принадлежитъ комната. (Отпираетъ лѣвую дверь). Потрудитесь взглянуть; эта комната меньше, но за то лучше отдѣлана и съ отличной мебелью; есть также особый выходъ. (Губанинъ смотритъ съ порога). Конечно, вы здѣсь не найдете такихъ удобствъ, какъ въ хорошей гостинницѣ; но, повѣрьте, что вамъ здѣсь будетъ покойнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь... Да и цѣна то въ сравненіи....

Губанинъ. О, не безпокойтесь, о цѣнѣ я не хлопочу. (Въ сторону) Просто прелесть какая душка!...

Ревекка. Вы долго думаете прожить у насъ?

Губанинъ. Право не знаю, это будетъ видно по ходу моихъ дѣлъ....

Ревекка. Видите ли: если вы возмете эти двѣ комнаты и переднюю къ нимъ для человѣка, — то посуточно будетъ стоить полтора рубля, если же помѣсячно, тридцать рублей, даже помѣсячно можно еще нѣсколько уступить.... Прислуга будетъ при васъ неотлучно....

Губанинъ. У меня есть свой человѣкъ...

Иванъ. (Передразнивая). Свой человѣкъ... Да, свой; мнѣ одному не управиться за всѣмъ, пусть отъ нихъ пособляютъ...

Ревекка. Такъ — какъ же, — нравятся вамъ комнаты или нѣтъ?

Губанинъ. Да ужъ право не знаю, какъ вамъ сказать...

Ревекка. (Протяжно и ласково). Оставайтесь... Вамъ будетъ у насъ хорошо...

Губанинъ. (Въ сторону). Какъ она смотритъ на меня! Ой-ой!!.. Какъ тутъ не остаться? (Къ Ивану). Иванъ, вноси багажъ. (Къ Ревеккѣ). Рѣшено: я остаюсь у васъ, посуточно...

Ревекка. Благодарю васъ....

Иванъ. (къ Ицкѣ). Пойдемъ, братъ... Подсоби тащить чемоданы. (Уходитъ съ Ицкой).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Губанинъ и Ревекка.

Губанинъ (по уходѣ Ивана и Ицки). Знаете что я вамъ скажу?

Ревекка. Нѣтъ не знаю...

Губанинъ. А вотъ что...

Ревекка. Ну—съ,—что?

Губанинъ. Ничего... Продолжать не смѣю, вы, пожалуй, обидитесь... Но если позволите сказать вамъ правду...

Ревекка. Говорите, если это въ предѣлахъ скромности, а то...

Губанинъ. Что это: «а то»?

Ревекка. (Потупивъ глазки). Я дѣвушка, и потому судите сами....

Губанинъ. Ахъ, вы дѣвушка?

Ревекка. Что же тутъ вы находите удивительнаго?

Губанинъ. Удивительнаго въ васъ я нахожу очень много; дѣйствительно, вы достойны удивленія, но въ настоящее время мое удивленіе смѣнилось благоговѣйнымъ почитаніемъ... Нѣтъ, виноватъ, не почитаніемъ, а обожаніемъ...

Ревекка. (Отрицательно покачавъ головой). Какъ это похоже на правду... Что вы меня дурочкой считаете?

Губанинъ. Сохрани меня Богъ, что вы!...

Ревекка. Видя первый разъ дѣвушку, обожать ее нельзя. Моментально можетъ человѣкъ понравиться — и только, но обожать можно только за хорошія качества, а вы меня не знаете...

Губанинъ. Я обожаю васъ, за вашу красоту...

Ревекка. Полноте смѣяться...

Губанинъ. Что—вы не вѣрите? Вы думаете, что я говорю неправду?

Ревекка. Конечно, неправду...

Губанинъ. Ахъ, какая вы скромница! Да вѣдь вы сами знаете, что—красавица, ну къ чему же тутъ кокетничать? Ну посмотрите на себя въ зеркало. Развѣ можно не обожать такія прелестныя щечки, отъ которыхъ вѣютъ розы; а вашъ греческій носикъ, а эти губки, эти жемчужные зубки, эти глазки, полныя жизни, жгучія какъ огонь... Эти... черные какъ смоль волосы!... Да развѣ мое сердце не способно подчиняться красотѣ?!? (Входятъ Иванъ и Ицко съ чемоданами).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣже, Иванъ и Ицко.

Иванъ. Тащи, Тащи, не кряхти!...

Губанинъ. (Перемѣняя разговоръ). Весело вы проводите время?

Ревекка. Да, ничего...

Иванъ (поставивъ чемоданы, къ Ицкѣ). Ну—пойдемъ за поклажей.. подсоби (Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Ревекка и Губанинъ.

Губанинъ. И такъ вы видите, что я сказалъ правду...

Ревекка. А хоть бы и такъ, такъ что жъ изъ этого?

Губанинъ. О!—для меня тутъ много заключается... Развѣ это уже не счастіе имѣть такую красавицу квартирную хозяйку? Да что же мы не сядемъ съ вами?! Садитесь, пожалуйста (ставитъ ей стулъ).

Ревекка. Благодарю васъ, но мнѣ некогда, у меня есть дѣло... Я должна оставить васъ...

Губанинъ. Ахъ, что вы, что вы?!!... Если вы оставите меня, я сейчасъ же оставлю вашъ домъ и переѣду въ другую гостинницу. Садитесь лучше [Ревекка садится]. Не прикажете ли папиросу? [подаетъ портъ—сигаръ].

Ревекка. Благодарю васъ, я не курю.

Губанинъ. И очень хорошо дѣлаете, если не курите, папиросы портятъ зубы и глаза, а въ особенности зубы [садится противъ нея], тогда какъ теперь ваши прелестные зубки бѣлы какъ перлы... [Всторону]. Ну теперь меня отсюда и коломъ не выгонишь.

Ревекка. Вы сюда на службу пріѣхали?

Губанинъ. Нѣтъ... я пріѣхалъ по собственной надобности.

Ревекка. Должно быть имѣніе въ западныхъ губерніяхъ хотите купить?

Губанинъ. И этою даже не желаю... Я просто путешественникъ, скитающіяся по Россіи единственно для изученія нашей торговли... Ну—да это всторону. А вы вотъ лучше скажите мнѣ ваше имя и отечество...

Ревекка. Меня зовутъ Ревеккой Давидовной...

Губанинъ. Ревеккой Давидовной?!!... Прекрасное имя, романическое, знаете... Мнѣ оно въ особенности нравится...

Ревекка. А ваше?

Губанинъ. Зовутъ Владиміромъ, по батюшкѣ Петровичемъ... А мое имя вамъ нравится?

Ревекка. Да, ничего....

Губанинъ. Ничего—и только?!... Ахъ, счастливъ тотъ, кому вы нравитесь, а еще болѣе тотъ кто вамъ нравится... Какъ бы я желалъ узнать имя этого счастливчика...

Ревекка. Такого счастливчика или, по моему, несчастливчика нѣтъ еще...

Губанинъ. Позвольте вамъ не повѣрить... Вы такъ молоды, прекрасны, что нельзя и предположить, что бы вы имѣли менѣе дюжины вздыхателей... А?

Ревекка. Не знаю... Я даже сомнѣваюсь въ ихъ существованіи...

Губанинъ. Ну, полноте скромничать... Тутъ нѣтъ ни чего дурного. Это дѣлаетъ честь дѣвицѣ, у которой цѣлая фаланга обожателей, а что они есть у васъ, такъ это вѣрно—какъ дважды два четыре... Да, я первый вашъ обожатель, я первый готовъ за васъ въ огонь и въ воду (входятъ Иванъ съ Ицкой, неся чамоданы; Губанинъ перемѣняетъ разговоръ). А что скажите: могу я здѣсь достать кислой кочанной капусты?

Ревекка. Можете... (Улыбается).

Губанинъ. Я, знаете, самый страстный охотникъ до капусты. (Едва удерживаетъ смѣхъ).

Иванъ (къ Губанину). Ну, выдумали, сударь!... въ мясоѣдъ капусты захотѣли! Богъ съ вами!... (къ Ицкѣ). Идемъ, послѣдній чемоданъ остался да ящикъ маленькій. (Уходятъ).

Губанинъ. [По уходѣ Ивана и Ицка]. Отъ вашихъ обожателей я сдѣлалъ скачекъ къ кислой кочанной капустѣ, для того что продолжать начатый разговоръ при людяхъ считалъ нескромнымъ, теперь же отъ капусты перескакиваю прямо къ вашему сердцу... Оно, знаете, не совсѣмъ-то логично, потому что послѣдовательности нѣтъ. Но гдѣ вы найдете правильную послѣдовательность? И сама природа непослѣдовательна... И такъ скажите мнѣ откровенно, ужели ваше сердце не способно любить?... Не способно...

Ревекка. Мое сердце застраховано отъ любви...

Губанинъ. То есть—какъ же это?

Ревекка. Очень просто: я еврейка, вотъ вамъ и все...

Губанинъ. Господи Боже мой! Какъ будто у еврейки сердце другаго устройства, какъ будто еврейка космополитъ въ этомъ случаѣ, какъ будто еврейка....

Ревекка. (Улыбаясь). Какъ будто вамъ болѣе не о чемъ говорить, какъ только о несчастной еврейкѣ!?...

Губанинъ. О несчастной?!... Развѣ вы несчастны?...

Ревекка. Далась вамъ еврейка!.. Я говорю вообще о еврейкахъ...

Губанинъ. Ну такъ скажите, пожалуйста, почему же ваше сердце застраховано отъ любви?

Ревекка. Какъ будто вы не знаете?

Губанинъ. Не знаю, хоть убейте.

Ревекка. Я еврейка,— талмудистка!... Насъ очень рано выдаютъ замужъ и не спрашиваютъ нравится женихъ или нѣтъ... Женихи же смотрятъ на своихъ невѣстъ не болѣе какъ на орудіе для размноженія рода человѣческаго и женъ своихъ считаютъ гораздо ниже себя. Стало быть о любви тутъ и помину нѣтъ... Христіанина полюбить нельзя, потому что между мной и христіаниномъ такая религіозная пропасть, такая бездна, которую перескочить нельзя... А главное то, что христіане смотрятъ на еврейку какъ на какое то животное, которое поддается только червонцамъ...

Губанинъ. Помилуйте, что вы это говорите!... Такихъ понятій были наши дѣды и прадѣды, но они давно въ могилѣ спятъ вѣчнымъ сномъ... Цивилизація положила конецъ этимъ узкомѣщанскимъ воззрѣніямъ...

Ревекка. Полноте заступаться... Я увѣрена, что и вы того же мнѣнія....

Губанинъ. (Притворно обидѣлся). Вотъ это мило... Вотъ за это благодарю васъ!..

Ревекка. Не стоитъ благодарности, я сказала вамъ правду...

Губанинъ. Правду? Но вѣдь вы меня не знаете?

Ревекка. Дай Богъ, что бы вы были исключеніе... Но какъ то не вѣрится... Я, знаете, такъ много встрѣчала людей съ такимъ взглядомъ, что, право, даже не вѣрится, чтобъ были люди иныхъ понятій... Было у насъ много примѣровъ: молодые мужчины—изъ вашихъ, одни достигали цѣли чрезъ золото; дѣйствительно, находились такія еврейки... Вѣдь во всякомъ обществѣ есть исключенія... Но за то большая часть евреекъ увлекалась фальшивыми ласками любви; эти еврейки бросались въ объятія мужчинъ безъ всякой корысти, и послѣ эти падшія дочери Сіона не только были оставлены своими обольстителями, но даже своими родными,— оставлены въ такой безднѣ, изъ которой нѣтъ выхода... Такъ

вотъ видите, что лучше ни кого не любить, чѣмъ слѣпо повиноваться своему сердцу и послѣ навѣки заклеймить себя позоромъ... Что вы такъ на меня смотрите?...

Губанинъ. Ничего, ничего, продолжайте; я слушаю васъ [въ сторону]. Какъ она мила,—такъ точно и умна. Ну, Губанинъ, покажи, что и ты не глупъ! (къ ней). Все сказанное вами хотя и односторонно немножко, но справедливо. Только позвольте вамъ замѣтить, что вы уклонились отъ нашего разговора... Я утверждаю, что и еврейка можетъ любить, какъ и всякая женщина другой народности...

Ревекка (Улыбаясь). Вы перемѣнили свой шуточный тонъ на болѣе серьозный... Тѣмъ лучше, я люблю говорить серьезно.... (смотритъ на него). Да, Владиміръ Петровичъ, еврейка можетъ любить, и ужъ если полюбитъ кого, такъ полюбитъ, какъ могутъ любить только дочери востока, она готова быть рабыней любимаго ею человѣка....

Губанинъ. Ну, скажите, намилость, развѣ можно смотрѣть на васъ, слушать васъ и не удивляться?... Я удивленъ, я пораженъ!... Вы такъ прекрасны, такъ умны, такъ развиты, что я... (Входятъ Иванъ и Ицко).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣже, Иванъ и Ицко.

Иванъ [несетъ чамоданъ]. Ну вотъ и все перетаскали, слава тебѣ Господи!... Ухъ!... [къ Ицкѣ]. Ладно, братъ, спасибо.... (обтираетъ потъ платномъ). Взопрелъ...

Ревекка (Губанину). У васъ много вещей...

Губанинъ. Да, порядочно...

Иванъ (Губанину). Что жъ, сударь, чай будете кушать?

Губанинъ. Да, приготовь...

Иванъ. Приготовь... приготовь... Вотъ я сперва прикажу самоваръ поставить, тогда и приготовлю [къ Ицкѣ]. Согрѣй-ка. братъ, самоваръ, поживѣе.

Ицко. Заразъ (поспѣшно уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣже безъ Ицка.

Губанинъ (къ Ревеккѣ). Вы гдѣ воспитывались?

Ревекка. Сперва я воспитывалась у тетушки; она очень богатая и образованная... У ней свой пансіонъ для еврейскихъ

дѣвочекъ; потомъ чтеніемъ книгъ довершила свое маленькое образованіе....

Губанинъ. Вы охотница до чтенія?

Ревекка. Большая охотница...

Губанинъ. Какія же вы читали и читаете книги?

Ревекка. Разныя, читаю и научнаго содержанія, и романы, и повѣсти....

Губанинъ. Русскія?

Ревекка. Да,... но, къ несчастію, здѣсь мало русскихъ книгъ, все больше польскія и нѣмецкія... потому и приходится читать ихъ... Впрочемъ, я довольно читала и русскихъ авторовъ.... Бѣлинскаго, Лермонтова, Пушкина, Гоголя, Державина, Языкова, Кукольника...

Губанинъ. [Перебиваетъ ее]. Который же изъ этихъ уважаемыхъ авторовъ вамъ болѣе всѣхъ по душѣ пришелся?

Ревекка. Признаюсь откровенно, мнѣ болѣе всѣхъ нравится Лермонтовъ.... И за нимъ Пушкинъ....

Иванъ [къ Губанину]. А булокъ прикажете къ чаю?...

Губанинъ. Ну, конечно...

Иванъ. Конечно... конечно... Вотъ я сперва схожу, куплю, такъ ужъ и будетъ конечно.... (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣже безъ Ивана.

Ревекка. Что это онъ вамъ такъ грубо отвѣчаетъ?

Губанинъ. Онъ у меня ужъ такой бутузъ... Съ самой колыбели моей со мной не разручался, такъ эта грубость ему извинительна...

Ревекка. (Встаетъ). Ну, однако мнѣ нужно йдти... До свиданья...

Губнинъ. Куда же вы?!.. Да посидите еще нѣсколько минутъ... Мнѣ съ вами такъ пріятно бесѣдовать, что...

Ревекка. Благодарю васъ, за комплиментъ, но у меня есть дѣло....

Губанинъ. Стаканъ чаю выкушайте...

Ревекка. Благодарю васъ, не могу... Право, мнѣ некогда...

Губанинъ. Какъ досадно!.... Не смѣю васъ удерживать.... Будьте только добры и любезны ко мнѣ, навѣщайте меня почаще... Повѣрьте, что всякая минута, проведенная съ вами, для меня дороже золота....

Ревекка. Охъ, какой вы однако охотникъ до комплиментовъ!...

Губанинъ. Клянусь честью, что говорю правду.... Я лгать не люблю...

Ревекка [Улыбаясь]. Часто посѣщать васъ мнѣ нельзя; во первыхъ потому, что у меня лавка, я сама торгую въ ней; во вторыхъ, дѣла по дому всѣ на мнѣ. Отецъ сидитъ постоянно за талмудомъ, мать хлопочетъ по хозяйству, братъ занимается химіей, готовится въ провизоры... Въ третьихъ, частыя посѣщенія могутъ породить сплетни....

Губанинъ. Что же вы хотите, что бъ я умеръ съ тоски? Пожалѣйте меня хоть сколько нибудь...

Ревекка. Въ такомъ случаѣ почаще присылайте вашего человѣка ко мнѣ въ лавку, за покупками, а за полученіемъ денегъ я сама буду къ вамъ являться... хорошо?

Губанинъ. Не только хорошо, но даже прекрасно!... Я каждый часъ буду Ивана посылать за чѣмъ нибудь въ лавку, а вы послѣ этого сейчасъ же являйтесь ко мнѣ за деньгами....Г-мъ.... Мнѣ будетъ пріятно, а вамъ полезно... Придумано прекрасно....

Ревекка. Ну, а пока до свиданья! (кланяется и хочетъ идти).

Губанинъ. [Загораживаетъ дорогу]. Ручку, ручку, ручку!... Безъ этого не пущу.... (она протягиваетъ руку, онъ беретъ и крѣпко жметъ). У—ухъ!...

Ревекка [кричитъ]. Ой—ой--ой!... больно!...

Губанинъ. За то мнѣ хорошо...

Ревекка. Вы эгоистъ... [Вырываетъ руку]. Бѣжать отъ васъ!... (Дѣлаетъ движеніе).

Губанинъ. [Загораживаетъ путь]. Не пущу безъ того, что бы еще разъ не пожать вашу ручку...

Ревекка. Да вы больно жмете....

Губанинъ. Неправда... Это вамъ такъ кажется... [Беретъ руку]. Ну, развѣ больно?!..

Ревекка. [Кокетничая]. Больно....

Губанинъ [смотритъ на руку]. Ручка то, ручна то!!!... Ахъ, ахъ!... [цѣлуетъ руку]. Пухленькая, миленькая, правильная!... (еще цѣлуетъ). Ну, теперь могу сказать—до свиданья... [пускаетъ руку]. Помните:—до свиданья!

Ревекка. Хорошо.:.. До свиданья! [уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Губанинъ одинъ.

Губанинъ [по уходѣ Ревекки]. Вотъ сюрпризъ, такъ сюрпризъ. Признаюсь, не ожидалъ подобной встрѣчи.... [ходитъ по комнатѣ]. И умна, и развита, и красавица... Да, красавица... Ну и характе-

рецъ то мой хорошъ... Сегодня утромъ былъ по уши влюбленъ въ одну незнакомку, которая сидѣла со мной въ вагонѣ, а теперь готовъ признаться въ любви къ этой очаровательной жидовочкѣ... [ходитъ и поетъ]. «Непостоянство въ жизни сладость»... [говоритъ]. Разумѣется; сладость, однообразіе надоѣдаетъ... [подходитъ къ фортопьянамъ]. А!... фортопьяны? [Беретъ аккордъ]. Фу, какъ растроены!...

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Губанинъ и Ревекка.

Ревекка. А! Вы умѣете играть на фортопьянахъ? Вотъ видите, сударь: этого удовольствія въ другой бы гостинницѣ вы не получили....

Губанинъ. Для меня уже то удовольствіе, что снова вижу васъ у себя... А фортопьяны ваши слишкомъ разстроены, поэтому удовольствія доставлять не могутъ....

Ревекка. А я пришла снова къ вамъ, за паспортами, за вашимъ и человѣка вашего, для прописки; у насъ нынче строго, на счетъ этого... Я давеча хотѣла взять, но забыла....

Губанинъ. Зачѣмъ вамъ мой паспортъ, когда я самъ налицо предъ вами, а?!

Ревекка. Давайте, давайте!... Этимъ не шутятъ, сударь....

Губанинъ. А что вы мнѣ за это дадите, а?

Ревекка. Напротивъ, я хочу съ васъ же попросить двугривенный на прописку....

Губанинъ. Я человѣкъ коммерческій, привыкъ, знаете, что бы мнѣ за все платили... Но для васъ я сдѣлаю исключеніе и ограничусь однимъ только поцѣлуемъ вашей ручки... (Вынимаетъ изъ дорожной сумки 2 паспорта и подаетъ ей). Это мой... а это вотъ моего человѣка... а вотъ и двугривенный на прописку (подаетъ). А это за прописку (цѣлуетъ руку).

Ревекка. Какой вы лизоблюдникъ!.. [Идетъ]. До свиданья.

Губанинъ (Загораживаетъ дорогу). Ручку, ручку, ручку!...

Ревекка. Пустите!...

Губанинъ. Дайте ручку, такъ пущу. (Беретъ руку). Ну вотъ мерси... (цѣлуетъ и жметъ руку). Охъ вы—сердцеѣдка!..

Ревекка. Ой—ой!... Да вѣдь больно же..-

Губанинъ. Ахъ, если бы можно было всю жизнь, весь вѣкъ вотъ такъ продержать вашу ручку въ своей,—да ужъ что дѣлать!.. (Росиускаетъ). До свиданья!...

Ревекка. (Долго, молча, смотритъ на него, тяжело вздыхаетъ и говоритъ): До свиданья! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Губанинъ одинъ.

Губанинъ. (Посмотрѣвъ ей въ слѣдъ). Это чортъ, а не дѣвица!.. Глаза—точно раскаленные гвозди;—юркнули прямо въ сердце.... [ходитъ по комнатѣ]. Бредитъ Лермонтовымъ, значитъ, душа поэтическая.... Фу!.,. Даже жарко сдѣлалось! [ходитъ и напѣваетъ]:

«Леди, вы со мной шутили,
«Богъ проститъ вамъ, вы дитя!...
«Но вы жизнь мнѣ отравили,
«Сердце. . . . . [входитъ Иванъ].

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Губанинъ, Иванъ, потомъ Мовша и Ицко.

Иванъ [съ булками; говоритъ про себя]. Ну городъ, чтобъ его волки съѣли... путной булочной нѣтъ, все жиды да жиденята.... Пишмя кишатъ по улицамъ, точно муравьи въ муравейникѣ.... синой такъ и разитъ... Попали же въ городокъ!...

Губанинъ. Иванъ! Вѣчно ты ворчишь, никогда отъ тебя аскаваго слова не добьешься...

Иванъ. Не добьешся!.... г-мъ.... Изъ моей ласки чаю же напьетесь.... Я дѣло говорю, пошто было ѣхать въ этотъ городъ?...

Губанинъ. Какъ *пошто?* Да развѣ ты не знаешь, что я ѣзжу для торговой цѣли?!...

Иванъ. Для торговой цѣли... Тутъ путной собаки не сыщешь, а вы для цѣли! [Махаетъ рукой]. Ваше дѣло-съ. [Входятъ Мовша съ подносомъ и Ицко съ самоваромъ].

Мовша [поставивъ на столъ подносъ съ чайнымъ приборомъ, поспѣшно и униженно обращается къ Губанину]. Ясневельмозному, высокоблагородственному господину, яснесіятельному пану... [кланяется и цѣлуетъ Губанина въ локоть руки] здравія зелаю! [кланяется).

Губанинъ. Здравствуй!... Что тебѣ нужно?

Мовша. Ухъ... Ай—вай!... Мнѣ ни цего не нузно, мнѣ ни цего не нузно... Мозе ясносіятелсному господину пану, цто нузно?!... Ухъ...Ай—вай!... Я могу слузить господину пану, всѣмъ могу... *Дали Букъ* такъ... Тылько птицьяго молока не достану, а то все могу доставить пану... *Якъ пана Бога кохамъ*... Я факторъ; цестный факторъ этой гостинницы... Ухъ... Ай—вай!...

Губанинъ. Ты факторъ!?!... Прекрасно. Въ послѣдствіи ты будешь нуженъ мнѣ, а теперь ступай...

Мовша. (Вытираетъ лицо свое грязнымъ платкомъ). А я, ясне-

вельмозный господинъ панъ, такъ бѣзалъ, такъ сибко бѣзалъ, какъ узналъ, сто вы пріѣхали...

Губанинъ. Напрасно! Ты мнѣ не нуженъ...

Мовша (Помолчавъ). Мозе сто купить нузно?... Я заразъ сбѣгаю...

Губанинъ. Ничего не нужно... ступай!...

Мовша (помолчавъ). Мозе въ тіятръ захотите,—я заразъ схозу... А вотъ и афисецка. (Вынимаетъ изъ кармана и подаетъ); нынце славная игра...

Губанинъ. Здѣсь есть театръ!?... Вотъ какъ! Играютъ по русски?

Мовша. Такъ есть, такъ есть... по рюсски... Приказите сбѣгать за билетомъ?

Губанинъ. Нѣтъ, благодарю; я сегодня усталъ съ дороги... Не до театра... Оставь афишу, быть можетъ надумаюсь идти...

Мовша (Сдѣлавъ движеніе къ двери, возвращается къ Губанину и говорить таинственно и лукаво). А мозетъ быть ви соскуцитесь одни?... [Мигая глазами]. Я утѣсеніе вамъ достану, хоросее прекрасное утѣсеніе достану... Ухъ!... Ай—вай!...

Иванъ (Обваривастъ чай). Эхъ, какіе у тебя безстыжіе бѣльмы-то!... Видишь-чай, баринъ усталъ съ дороги, а ты все свое городишь... Ступай не проѣдайся...

Губанинъ (Мовшѣ). Хорошо, голубчикъ, ступай... Я позову тебя, когда будешь нуженъ...

Мовша. Слусаюсь, господинъ панъ... Вы только крикните, я явлюсь... заразъ явлюсь... Я здѣсь завсегда... я...

Иванъ. Ступай, коли говорятъ тебѣ, паршивый пархъ.... (Мовша, злобно посмотрѣвъ на Ивана, дѣлаетъ поклонъ Губанину, цѣлуетъ локоть и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Губанинъ (къ Ивану). Какой ты, Иванъ, невѣжа,—ни съ кѣмъ ты почеловѣчески поговорить не можешь, всегда облаешь....

Иванъ. Облаешь... облаешь!... Не ручки ли ему прикажете лизать? какъ же, дожидайтесь!...

Губанинъ. Кто тебя заставляетъ руки лизать?! Что ты говоришь?.. я не понимаю... Мнѣ не нравится, что ты невѣжливъ.

Иванъ. За что же съ жидомъ вѣжливымъ быть? Развѣ жидъ человѣкъ?... Тварь какая то, а не человѣкъ....

Губанинъ. Замолчи, Иванъ, ты мнѣ надоѣлъ... (смотритъ въ афишу, Иванъ подаетъ ему стаканъ чаю). Ба,..ба...ба!... Иванъ! Да тутъ у насъ нашелся знакомый, актеръ Пазухинъ...

Иванъ. Ну, и слава Богу, коли нашелся... Эка невидаль!..

Губанинъ. Поди позови комнѣ, еврея-фактора...

Иванъ. Позови... позови.... Да што же ему здѣсь дѣлать? На што онъ вамъ понадобился?...

Губанинъ (Сердито). Иванъ!?!

Иванъ (тоже сердито). Слушаюсь!.... слушаюсь!.... (Ворчитъ и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Губанинъ одинъ.

Губанинъ. (Молча ходитъ по комнатѣ). А еврейка у меня изъ головы нейдетъ.... Вотъ характерецъ-то!.... Увидѣлъ и того.... Загорѣлось сердце, закипѣла кровь... Да и она, какъ нарочно, такая хорошенькая. Чего хорошенькая,—красавица! Я видѣлъ въ Петербургѣ картину «Бандитка»,—ну, какъ двѣ капли воды, еврейка похожа на нее... Такіе же огненные глаза, такая же ядовитая улыбка (останавливается). Да, недаромъ школьные мои товарищи называли меня — «скоропостижнымъ»... Не ошиблись, други! У меня все это такъ скоро клеится... Право, я влюбиться готовъ въ еврейку... (Подходитъ къ окну и растворяетъ его). Батюшки, какой прелестный видъ!... Какіе холмы, горы!... Точно Швейцарія... И какъ фантастически освѣщены заходящимъ солнцемъ!... Ну, какъ тутъ не влюбиться?!... Говорятъ, что горный воздухъ въ этихъ случаяхъ благотворенъ и много способствуетъ любовнымъ интрижкамъ... Испытаю, право, испытаю... А жена моя, что на это скажетъ? (молчитъ). Что жъ жена?!... Жена на брегахъ Волги, а я на берегахъ Виліи... Притомъ же я болѣе платоническій обожатель женской красоты... Такъ тутъ грѣшокъ не великъ... (послѣ молчанія). А скверно рано жениться!.... Ей Богу, скверно!... Да и наши женщины какъ то того... Нѣтъ въ нихъ чего-то жгучаго, палящаго... Да, невольно приходятъ на умъ стихи Лермонтова (читаетъ):

«На нашихъ дамъ морозныхъ
«Съ досадой я смотрю,
«Угрюмыхъ и серьезныхъ
«Фигуръ ихъ не терплю... (входитъ Иванъ).

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Губанинъ, Иванъ, потомъ Мовша.

Иванъ (насмѣшливо). Сейчасъ благопріятель вашъ пожалуетъ къ вамъ...

Губанинъ. Какой благопріятель?

Иванъ. Какой... извѣстно какой... Жидъ—факторъ,—вотъ кто такой... (Губанинъ хочетъ что то сказать, но увидѣвъ входящаго Мовшу, удерживается).

Мовша (поспѣшно и униженно). Ясневельмозный господинъ панъ звать изволилъ меня? (кланяется).

Губанинъ. Да, звалъ; вотъ видишь ли въ чемъ дѣло...

Иванъ (Беретъ стулъ и подаетъ Мовшѣ). Сдѣлайте милость, господинъ жидъ, садитесь, пожалуста, а то, чего добраго, устанете...

Мовша. Ницево... Благодарствуйте... Я постою...

Губанинъ (Бросивъ сердитый взглядъ на Ивана,— ласково обращается къ Мовшѣ). Садись, голубчикъ...

Мовша. Благодарствуйте, я постою...

Губанинъ. Садитесь, я этого хочу...

Мовша. Заразъ, заразъ (робко садится на стулъ).

Иванъ (Бросается къ Мовшѣ). Ахъ ты чучело гороховое! ты и взаправду сѣлъ!?.. (Еврей встаетъ).

Губанинъ. Иванъ!?... Я не позволю тебѣ такъ безобразничать, слышишь ты? я не позволю... (къ Мовшѣ). Садись, голубчикъ... Ну, ну, безъ обиняковъ, садись (Мовша садится). Иванъ подай мнѣ сюда мой стаканъ съ чаемъ... (Иванъ подаетъ). Да налей ему другой...

Иванъ. Стакана нѣтъ...

Губанинъ. Прикажи подать... Скорѣе, безъ отговорокъ!... (Иванъ сердито уходитъ за стаканомъ).

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Тѣже безъ Ивана.

Губанинъ (по уходѣ Ивана, отдаетъ Мовшѣ свой стаканъ). Все равно, пей ты мой стаканъ, мнѣ Иванъ подастъ другой...

Мовша (не беретъ) Кусайте, господинъ панъ, сами, я подозду...

Губанинъ. Ну, ну, не ломайся (Еврей беретъ). Садись... (входитъ Иванъ).

ЯВЛЕНІЕ 18 е.

Тѣже и Иванъ.

Иванъ (подавая налитый чаемъ стаканъ Мовшѣ). Ба!.. ужъ онъ трескаетъ?!..

Губанинъ. Дай мнѣ этотъ стаканъ...

Иванъ. Дай мнѣ... дай мнѣ... Вотъ я его сперва выполощу,

а потомъ и дамъ... Я думалъ, что пархъ изъ него будетъ пить, такъ и не полоскалъ... (Выливаетъ чай въ полоскательную чашку, полощетъ стаканъ, вытираетъ его и подаетъ Губанину). Кушайте-съ...

Губанинъ. Ты, Иванъ, совсѣмъ испорченъ...

Иванъ. Испорченъ... испорченъ... Вы хоть кого испортите... Вы на счетъ порчи мастера...

Губанинъ. Молчи, пожалуста (къ Мовшѣ). Какъ тебя зовутъ?

Мовша. Мовшей... Мовшей... (ставитъ на столъ выпитый стаканъ). Благодарствуйче, господинъ панъ... (Утираетъ потъ на лицѣ).

Иванъ (сквозь зубы]. И имя то собачье...

Губанинъ. Иванъ!?... (къ Мовшѣ). Скажи, пожалуста, голубчикъ, ты знаешь актера Пазухина?

Мовша. Ухъ... якъ-зе не знать?!.. Ай—вай!.. знаю, господинъ панъ. Дали Букъ, знаю... я ему слюзилъ презде...

Губанинъ. Какъ его имя?...

Мовша. А якъ его имя-то?-. якъ его имя-то?... (прищелкиваетъ. Ухъ... тцъ... тцъ... тцъ... якъ его... Ухъ... Ай вай, запямюнтувалъ...

Губанинъ. Не Степанъ ли Павловичъ?

Мовша. Енъ самый, енъ самый, такъ есть, господинъ панъ... Степанъ Павловицъ...

Губанинъ. Далеко онъ живетъ отсюда?

Мовша. Недалецко, господинъ панъ, недалецко, черезъ тылько два дома...

Губанинъ. Ну такъ ты сбѣгай къ нему и попроси его сейчасъ сюда... Вотъ тебѣ карточка, отдай ему (Достаетъ изъ бумажника картопку и подаетъ ему).

Мовша. (Взявъ карточку). Слюсаюсь... заразъ, господинъ панъ... (хочетъ идти).

Губанинъ. Да забѣги къ здѣшней хозяйской дочери, возьми сотню сигаръ рублей въ пятнадцать и принеси ихъ сюда, а за деньгами пусть она сама сейчасъ придетъ сюда...

Мовша. Слюсаюсь, господинъ панъ, слюсаюсь... Въ одинъ моментъ сбѣгаю. (Убѣгаетъ).

ДѢЙСТВІЕ 1-е.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Въ 1-мъ и 2-мъ дѣйствіи:

Пазухинъ.
Губанинъ.
Ревекка.
Мовша.
Иванъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Вильнѣ, 1-е у Пазухина, 2-е у Губанина.

Небольшая комната съ небогатой мебелью. Стѣны увѣшаны портретами знаменитыхъ писателей и актеровъ. Направо отъ зрителя стоитъ шкафъ съ книгами, рядомъ этажерка съ бумагами, на верху которыхъ лежитъ человѣческой черепъ. Налѣво, у окна, письменный столъ, далѣе—въ глубинѣ кровать и ширмы, еще далѣе дверь.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Пазухинъ одинъ.

Пазухинъ (читаетъ вслухъ) «Забава, исправляющая нравы, есть счастливѣйшее изобрѣтеніе ума человѣческаго. Что плѣнительнѣе живой картины, гдѣ добродѣтель, изображенная яркими красками жизни, возвышаетъ душу зрителя, а порокъ, выставленный во всей гнусности, производитъ отвращеніе и ужасъ?» (Перестаетъ читать и думаетъ) Да... Такъ думалъ и писалъ великій нашъ актеръ Плавильщиковъ, такъ думаютъ всѣ разумные люди... [читаетъ] «Человѣкъ, служащій проводникомъ этихъ чувствъ, вѣрно достоинъ всякаго уваженія, а имя его—актеръ!» (перестаетъ читать и молчитъ). Это было сказано тогда, когда на искуство смотрѣли грубо, но цѣнили истинныя дарованія... Нынче же, напротивъ, на искуство драматическое смотрятъ какъ на зеркало жизни; фельетонисты разныхъ газетъ грызутся между собой, все ради искуства; составляются артистическіе клубы; поступаютъ цѣлые легіоны новобранцевъ разныхъ лѣтъ и сословій въ храмъ Таліи и Мельпомены; но идеалъ актера не только не приближается къ русскому актеру, но даже все болѣе и болѣе теряется въ туманной дали... Въ Россіи слово актеръ равносильно паяцу или шуту.... Почему же это такъ? (Думаетъ) Винить въ этомъ нашу публику и актеровъ нельзя, тутъ вся вина падаетъ на руководителей драматическаго искуства, допускающихъ на сцену всякой сбродъ, открывающихъ

двери въ храмъ искуства бездарностямъ, потому что бездарности зачастую сопутствуютъ протекція и презрѣнный металъ.... Тогда какъ, напротивъ, молодое и безпомощное дарованіе встрѣчаетъ на каждомъ шагу препятствіе попасть на сцену.... И робость, и бѣдность, постоянные провожатые истиннаго таланта, какъ кошмары преслѣдуютъ его.... Примѣры на глазахъ, актеровъ множество, а талантовъ почти нѣтъ, а если они и есть то задавлены, загнаны... Одна бездарность только свирѣпствуетъ на сценѣ; въ угожденіе публикѣ она такія штуки выкидываетъ, что и самому первому въ свѣтѣ клоуну не сдѣлать.... Такъ какъ же послѣ этого не звать нашихъ актеровъ паяцами?.. [Встаетъ и ходитъ по комнатѣ] Эхъ!... Даже желчь разливается когда начнешь думать о своемъ званіи... Гмъ... Актеръ!... Артистъ!... Заманчиво, чортъ возьми!.. Для молодого, неопытнаго юноши, какимъ я былъ два года назадъ, сдѣлаться актеромъ была великая и неизбѣжная цѣль въ жизни. Ну вотъ я актеръ... и увѣренъ, что хорошій актеръ, но чтожъ изъ этого?... Лишенія и непріятности, на каждомъ шагу... Поссорился съ отцемъ, чуть не проклятъ имъ, и все за то, что актеръ; а какая польза изъ того что я актеръ?—никакой... И полюбить-то серьезно нельзя, скажутъ: актера взаимностью нельзя дарить, онъ вѣдь шутъ... Приволокнуться за актеромъ можно, если только наружность представительна.... Старыя дѣвы, да вдовушки любятъ удѣлять по нѣскольку часовъ хорошенькимъ актерамъ... Вѣдь есть же и такіе, ей Богу есть.... Была же глупость влюбиться въ еврейку; въ эту коварную жидовку, которая, кромѣ золота, ничего въ мірѣ не можетъ любить.... Ну, будь я не въ ссорѣ съ отцемъ, тогда бы другое дѣло было. Денегъ было бы много и она моя была бы... А теперь!... Теперь она и ухомъ не ведетъ: что ей за дѣло, что я умираю отъ любви къ ней... Она денегъ хочетъ, а у меня кромѣ пламеннаго сердца, человѣческаго черепа (показываетъ на черепъ), нѣсколькихъ книгъ, да связки ролей ничего нѣтъ... (ходитъ и напѣваетъ).

«Златыя мечтанья
«Давно улетѣли,
«Однѣ лишъ страданья
«Остались въ удѣлъ...»

Да, съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ сюда Губанинъ, мечтанья мои улетѣли и, должно быть, навсегда... Вотъ двѣ недѣли я не былъ у Губанина и не видалъ ее... Если бы любила, то пришла бы навѣстить, провѣдать... (Стукъ въ дверь) Кто тамъ?

Голосъ Ревекки [за дверью] я... Ревекка.

Пазухинъ Ревекка?!!.. Возможно ли? [Бросается къ двери и отпираетъ ее].

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Пазухинъ и Ревекка.

Ревекка [Входитъ и, посмотрѣвъ на Пазухина, говоритъ] Здравствуйте, злой ревнивецъ... [протягиваетъ ему руку]. Что это, здоровы ли вы?

Пазухинъ (пожимаетъ руку). Я здоровъ, а что же?...

Ревекка. Да помилуйте, двѣ недѣли вы къ намъ не показывались, я ужъ думала, что вы захворали и пришла...

Пазухинъ [цѣлуя у ней руку]. Навѣстить меня?!..

Ревекка. О, нѣтъ... Я пришла получить съ васъ должокъ.

Пазухинъ [Блѣднѣя]. Получить должокъ?!.. Гмъ... И только?

Ревекка [Весело]. А еще что же?

Пазухинъ (Въ волненіи). Нѣтъ, я такъ... ничего... Сколько я вамъ долженъ?

Ревекка. За 5 фунтовъ сахару и полфунта чаю...

Пазухинъ. Сколько же именно?..

Ревекка. Два рубля и семьдесятъ пять копѣекъ...

Пазухинъ (Вынимаетъ изъ стола деньги). Получите (отдаетъ).

Ревекка. Благодарю васъ (Принимаетъ). Ну—съ, досвиданья (собирается уходить).

Пазухинъ. Куда же вы?...

Ревекка. Какъ куда!—домой.

Пазухинъ. Успѣете еще... посидите немного... мнѣ такъ пріятно видѣть васъ...

Ревекка. Неужели?

Пазухинъ. Честное слово... Уже-ли это для васъ новость?

Ревекка. (Съ лукавой улыбкой). Конечно, новость...

Пазухинъ. А если такъ, то не удерживаю...

Ревекка. А, если такъ, то я остаюсь у васъ, на нѣсколько минутъ... Заприте дверь...

Пазухинъ (Идетъ и запираетъ дверь, потомъ подходитъ къ Ревеккѣ, беретъ ее за руку, садится рядомъ съ ней и долго смотритъ на нее). Послушай, Ревекка, что ты со мной дѣлаешь?

Ревекка. А что?

Пазухинъ. Какъ будто не знаешь?

Ревекка. Не знаю... Ей Богу, не знаю.

Пазухинъ. Холодностью своею ты убиваешь меня.

Ревекка. Ахъ, Боже мой! Нельзя же всѣмъ быть такимъ горячимъ, какъ ты...

Пазухинъ (Послѣ молчанія). Нѣтъ, но любишь ты меня...

Ревекка. Да развѣ можно любить такого злаго какъ ты... Ну что смотришь такъ печально?..

Пазухинъ. (Со вздохомъ). Ошибся я въ тебѣ!..

Ревекка. Ахъ, какой ты сегодня свирѣпый!

Пазухинъ. Послушай, Ревекка:.. Ужъ если ты не любишь меня, то...

Ревекка. То пожалѣй меня!.. Такъ, что ли?.. Это слова Жадова, изъ «Доходнаго мѣста,» а не твои голубчикъ... Я очень хорошо помню, какъ ты игралъ Жадова, но я, мой другъ, не Полина...

Пазухинъ. И я, мой другъ, не Жадовъ... Я хотѣлъ тебѣ сказать, что если ты не можешь любить меня, то покрайней мѣрѣ не смѣйся надо мной...

Ревекка. (Напѣваетъ). «Томимъ любовью страстной...» Изъ какой это оперы, не помнишь ли?

Пазухинъ. Нѣтъ не помню... За этой справкой обратись лучше къ Губанину, ты же у него часто бываешь.

Ревекка. [Не слушаетъ его и поетъ]. «Златыя мечтанья, давно улетѣли»... Неужели ты не знаешь откуда это?..

Пазухинъ. Нѣтъ не знаю... Спроси у Губанина.

Ревекка. Лгунъ... Я сама слышала за дверями, какъ ты пѣлъ «Златыя мечтанья,» а говоришь, что незнаешь откуда.

Пазухинъ. Ты слышала какъ я пѣлъ?..

Ревекка. Слышала, и въ особенности у тебя хорошо послѣднія слова вышли: «Однѣ лишь страданья остались въ удѣлъ».

Пазухинъ. Тебѣ нравится?

Ревекка. Разумѣется... (Оба молчатъ). Скажешь ли ты мнѣ, наконецъ, изъ какой это оперы?..

Пазухинъ. Изъ «Пуританъ.»

Ревекка. А говоритъ не знаю... Ты злой сегодня...

Пазухинъ. Твоя правда... сегодня до крайности я взбѣшенъ на свою жизненную обстановку, готовъ истерзать на мелкіе части перваго встрѣчнаго и поперечнаго...

Ревекка. И меня? (Улыбается).

Пазухинъ (Тоже улыбается). Тебя первую...

Ревекка. Ахъ, какой ты страшный!.. (Смѣется).

Пазухинъ. Тебѣ, Ревекка́, весело, а мнѣ, право не досмѣха...

Ревекка. Что же мнѣ плакать прикажешь?

Пазухинъ. Сегодня тебя я рѣшительно не понимаю.

Ревекка. Что ты меня не понимаешь, такъ это такая истина, противъ которой спорить грѣшно. .

Пазухинъ. Благодарю васъ за откровенность...

Ревекка. Не стоитъ благодарности.

Пазухинъ. Мы опять съ вами будемъ на *вы*?

Ревекка (Разсѣянно). Конечно... *Вы*, гораздо приличнѣе чѣмъ *ты* (подходитъ къ черепу). Послушайте, Пазухинъ!..

Пазухинъ. Что прикажете?

Ревекка. Приказывать я вамъ не смѣю... Мнѣ только хотѣлось сказать, что и мы съ вами черезъ нѣсколько лѣтъ, будемъ сперва въ могилѣ, а потомъ,- черепа наши, вотъ какъ этотъ, быть можетъ, попадутъ въ комнату, для украшеній.

Пазухинъ. Для физіологическихъ наблюденій, хотите вы сказать?

Ревекка. Для украшеній, я говорю...

Пазухинъ. Быть можетъ вашъ черепъ будетъ украшать какой нибудь великолѣпный будуаръ...

Ревекка. Почему же именно мой, а не вашъ...

Пазухинъ. Потому что твой... Ахъ, пардонъ, извините, вашъ черепъ...

Ревекка. Мнѣ кажется, что *ты* гораздо лучше *вы*, а?

Пазухинъ (Сдерживая улыбку). Это зависитъ отъ васъ?

Ревекка (Посмотрѣвъ на него). А мнѣ кажется наоборотъ. (Беретъ черепъ въ руки). Бѣдненькій черепъ, думалъ ли твой властелинъ, что его голова попадетъ въ комнату актера, на кипу его ролей?.. Я думаю, нѣтъ; иначе онъ завѣщалъ бы зарыть себя поглубже...

Пазухинъ. Почему же это такъ?

Ревекка. Очень просто... Кому пріятно, послѣ смерти, быть забавой, посмѣшищемъ, предметомъ для физіологическихъ наблюденій и вообще свидѣтелемъ разныхъ дѣлъ и житейскихъ дрязгъ.

Пазухинъ. Мертвые срама не имутъ...

Ревекка. А вѣдь тоже любилъ, вѣроятно?... Быть можетъ этотъ безобразный видъ былъ когда нибудь красавцемъ и....?

Пазухинъ. Это черепъ женщины...

Ревекка. А?!!.. Вы даже и это знаете?...

Пазухинъ. Знаю.

Ревекка. Откуда вы его достали?

Пазухинъ. Изъ клиники.

Ревекка. Изъ клиники? (ставитъ его). Какъ это слово для меня непріятно!... Фи!...

Пазухинъ. (Улыбаясь). Нѣтъ, не бойтесь, его я нашелъ на берегу Волги, гдѣ было древнее кладбище, и съ тѣхъ поръ не разстаюсь съ нимъ.

Ревекка. Храните его какъ талисманъ?...

Пазухинъ. Нѣтъ, просто для того, чтобъ этотъ черепъ почаще напоминалъ мнѣ о пустотѣ нашей жизни, о продажности женщинъ (Ревекка улыбается), о ничтожествѣ нашемъ и о ковар-

ныхъ увѣреніяхъ въ любви.... Каждое утро этотъ черепъ невѣдомой женщины заставляетъ меня самому себѣ читать мораль... Когда мнѣ сдѣлается грустно, я мысленно съ нимъ начинаю бесѣдовать....

Ревекка. Быть можетъ эта женщина умерла отъ любви? М—сье Пазухинъ! скажите, не знаете ли вы — любила ли эта женщина, когда была жива?

Пазухинъ. Не знаю... Спросите черепъ... (Улыбается).

Ревекка (къ черепу). Скажи мнѣ, безобразный черепъ, любилъ ли ты въ жизни кого нибудь? Былъ ли счастливъ въ любви или обманутъ?.... Понялъ ли тебя твой идеалъ или нѣтъ?.... а?.... Молчитъ! (Вздыхаетъ). Не слышитъ теперь онъ ни оскорбленій, ни похвалъ, ни увѣреній... Ему теперь, кромѣ покоя, ничего не нужно... На лицѣ нѣтъ ни злобы, ни зависти... Только какая то непонятная улыбка какъ будто замерла на костяхъ... Вотъ и мы съ вами, м-сье Пазухинъ, будемъ также молчать...

Пазухинъ. Да, когда будемъ въ другомъ мірѣ, въ мірѣ вѣчной любви...

Ревекка. Вы злой, вы не будете въ томъ мірѣ.

Пазухинъ. Я увѣренъ, что буду тамъ, потому что мое сердце есть безпредѣльный океанъ любви...

Ревекка. Для всѣхъ?

Пазухинъ. Нѣтъ, только для васъ.

Ревекка. Неправда.

Пазухинъ. Какъ неправда?

Ревекка. Да такъ... Если бъ вы любили меня, то не стали бы на всѣхъ перекресткахъ кричать, что я такая и сякая... что я сфинксъ въ человѣческомъ образѣ, что я вампиръ, сосущій золото, что я продажная женщина, что я, наконецъ, сдѣлалась любовницей Губанина...

Пазухинъ. Да, это я говорилъ и имѣлъ на это причины... Ревновать васъ я имѣю право; вы знаете сами... Три мѣсяца тому назадъ я имѣлъ честь добиться отъ васъ перваго поцѣлуя. Вы сказали мнѣ, что любите меня и будете принадлежать только мнѣ.... «На вѣки твоя» прошептали вы мнѣ тогда.... Увлеченіе ли это было, шутка ли, или расчетъ, я не знаю, но этимъ вы заставили меня считать васъ своей; я уже началъ рисовать розовые планы будущей семейной жизни; привыкъ къ мысли, что вы моя, и вдругъ... (Разводитъ руками).

Ревекка. Что это: «и вдругъ»? Продолжайте...

Пазухинъ. И вдругъ я начинаю замѣчать въ васъ, вмѣсто жаркой пламенной взаимности, одну холодность...

Ревекка. Продолжайте, я слушаю.

Пазухинъ. Мало этого, вы начали видимо завлекать Губа-

нина. Впрочемъ, это понятно,—онъ богатъ, а вамъ это и на руку... Извините за откровенность, но я поклялся при первомъ удобномъ случаѣ вамъ высказать все то, что такъ долго и больно томило мое сердце— Позвольте же мнѣ досказать все...

Ревекка. Говорите, говорите!...

Пазухинъ. Мнѣ извѣстно, что вы по нѣскольку разъ въ день бываете у Губанина, просиживаете тамъ по цѣлымъ часамъ, цѣлуетесь съ нимъ...

Ревекка. Послѣднее ложь...

Пазухинъ. Не знаю, ложь или нѣтъ, только я слышалъ.... Знаю также, что Губанинъ вамъ подарилъ браслетъ съ медальіономъ (Ревекка показываетъ руку, на которой надѣтъ браслетъ). Вы его взяли, и прекрасно... Значитъ за что нибудь взяли... Потомъ я... Да что вамъ говорить, вы сами должны знать, лучше меня— есть ли поводы ревновать васъ или нѣтъ...

Ревекка. Кончили?

Пазухинъ. Хотѣлъ кончить, но не могъ... Да, вотъ что еще: двѣ недѣли я не былъ у васъ, а вы не прислали даже у знать о моемъ существованіи... Видно, какъ вы любите!...

Ревекка. Теперь все?

Пазухинъ. Нѣтъ не все, но для нынѣшняго раза и этого достаточно...

Ревекка. Нѣтъ, говорите,—теперь или никогда...

Пазухинъ (смотритъ на нее). Какъ никогда?!

Ревекка. Да такъ: постоянными своими упреками вы надоѣли мнѣ...

Пазухинъ. И прекрасно!... Только вамъ слѣдовало объ этомъ пораньше сказать, а не мучить меня лживыми увѣреніями...

Ревекка. Въ порывахъ ревности, вы столько наклеветали на меня, что я не понимаю, какъ до сихъ поръ люблю васъ...

Пазухинъ. Вы... вы любите меня?! (Смѣется).

Ревекка (со вздохомъ). Къ несчастію!..

Пазухинъ. Какъ жаль!..

Ревекка. Да очень жаль... потому что вы не стоите моей любви... Вы думаете, что если я еврейка, такъ должна за честь и счастіе считать, если меня любитъ христіанинъ, что еврейка безропотно должна выслушивать оскорбленія отъ своего обожателя?..

Пазухинъ. Этого я не думаю.

Ревекка. Выслушайте же теперь меня и не возражайте на то, что говорится въ минуты откровенности; я вамъ хочу многое высказать...

Пазухинъ. Сдѣлайте милость (садится возлѣ нея).

Ревекка. Вы, вѣроятно, знаете, м-сье Пазухинъ, что женщина у евреевъ считается не болѣе какъ орудіе для достиженія

матеріальныхъ цѣлей мужа? (Пазухинъ утвердительно качаетъ головой). Воспитаніемъ и образованіемъ дочерей своихъ евреи отцы— за малымъ исключеніемъ такъ называемой нашей аристократіи— занимаются очень мало, можно сказать, почти вовсе не занимаются, потому что, по ихъ понятіямъ, женщинѣ еврейкѣ не нужно знать того, что мужчинѣ... Я не изъ аристократическихъ евреекъ и, подобно всѣмъ моимъ одноплеменницамъ, обречена судьбой безропотно сдѣлаться рабой своего мужа и съ нимъ вмѣстѣ погрязнуть въ пошлый міръ коммерческихъ расчетовъ и разныхъ сдѣлокъ... Мы должны забыть, что и мы люди способные, какъ и другія женщины чуждой намъ расы, откликаться на все прекрасное... Намъ даже въ синагогѣ, въ храмѣ молитвы отведено особенное мѣсто отъ мужчинъ, за железной рѣшеткой, какъ звѣрямъ...

Пазухинъ. [Улыбаясь]. Вы обладаете большимъ краснорѣчіемъ...

Ревекка. Не перебивяйте меня... Я говорю, какъ умѣю.... Я дала себѣ слово высказать вамъ все то, что такъ давно томило мое бѣдное сердце... Позвольте же продолжать...

Пазухинъ. Извольте, извольте, я слушаю...

Ревекка. При такой тюремной обстановкѣ, какую я вамъ сейчасъ представила, вянетъ красота дѣвицы—еврейки, глохнутъ въ ней всѣ прекрасныя качества и, неболѣе какъ черезъ годъ послѣ сватьбы, она дѣлается отупѣлымъ автоматомъ... Перспектива, какъ видите, не привлекательная! Еврейка не виновата въ своей нравственной смерти... Ей ужъ не о любви приходится думать!...

Пазухинъ. Я не понимаю однако, къ чему вы это говорите; это нейдетъ къ дѣлу.

Ревекка. Прошу васъ, м-сье Пазухинъ, хладнокровно слушать меня далѣе.... Я этою требую по своему праву.... А вы знаете, что право на это я имѣю.

Пазухинъ. Виноватъ!... продолжайте...

Ревекка. Вы смѣетесь? въ такомъ случаѣ я замолчу...

Пазухинъ. Нѣтъ, ради Бога, говорите (цѣлуетъ ея руку). Я слушаю...

Ревекка (продолжаетъ). Бываютъ, конечно, исключенія: находятся въ нашей средѣ такія личности, которыя по своей натурѣ превозмогаютъ всѣ трудности жизненной обстановки, борются съ злой своей судьбой, хотя открыто и не протестуютъ; потому что протестъ ихъ не будетъ услышанъ никѣмъ... Если же услышатъ его родные, то еще болѣе стѣснятъ и безъ того нерадостную жизнь... Къ такимъ исключеніямъ принадлежу и я...

Пазухинъ. Вотъ что?!

Ревекка. Вы удивляетесь?.. Не удивляйтесь... Я, быть можетъ, сама уже была бъ отупѣлой, апатичной еврейкой, если бы

не имѣла настолько силы воли, чтобы проложить самой себѣ дорогу къ свѣту...

Пазухинъ. Честь и слава вамъ!

Ревекка. Ваша правда; я горжусь этимъ... Сама я захотѣла учиться у своей тетушки, сама, наконецъ, познакомилась съ лучшими литературными произведеніями, — однимъ словомъ — образовала себя сама настолько, насколько нестыдно быть образованной любой женщинѣ.... Наконецъ, я пришла къ такому убѣжденію, что на другомъ поприщѣ я была бы полезнѣе, чѣмъ сидѣть въ лавкѣ да завертывать мыло и другіе предметы торговли своимъ покупателямъ.... Горько и грустно было мнѣ, послѣ такого сознанія!... Всѣ на меня смотрятъ какъ то презрительно. И въ самомъ дѣлѣ! что такое еврейка — продавица?!... Слуга, раба—не болѣе!... О, какъ убійственно было такое сознаніе!!... махаетъ рукой). Христіане покупатели одни, чуть не командуютъ тобой, другія нахально ухаживаютъ за тобой... Евреи смотрятъ какъ на вещь, родители какъ на служанну, или правильнѣе выразиться—на ломовую лошадь... И въ этихъ-то условіяхъ жизни я находила минуты, когда мечтанія уносили меня въ счастливый міръ фантазій!.. Душа моя тогда искала чего то... Чего именно, вы вѣроятно догадываетесь?

Пазухинъ (серьозно). Нѣтъ.

Ревекка. Я вамъ скажу... Душа моя искала свой, уже заранѣе сложившійся, идеалъ, которому можно было бы передать свои вѣчныя муки, мимолетныя радости, и за него ухватиться, какъ за своего спасителя, который могъ бы извлечь меня изъ царства мрака на свѣтъ Божій... Кандидатовъ для этого было много; за мной ухаживало многое множество молодыхъ людей, изъ разныхъ— народностей, искавшихъ моего поцѣлуя... Но на всѣ ихъ ласки, увѣренія и услуги я отвѣчала непринужденною, веселою холодностью. Ихъ, конечно, это бѣсило, а меня забавляло... Наконецъ пріѣзжаетъ одинъ русскій актеръ къ намъ въ городъ, останавливается у насъ и я на другой день полюбила его... Полюбила его первый разъ въ жизни... Этотъ актеръ вы,— скрывать нечего... Да и сами вы, я думаю, знаете объ этомъ лучше меня... Я дѣвушка не глупая и за что же нибудь я васъ полюбила. За деньги я васъ полюбить не могла; потому, во первыхъ, что у васъ нѣтъ ихъ, а во вторыхъ, не денегъ я искала... Вы мнѣ понравились, вотъ и все... Вы хороши собой, имѣете прямой и честный характеръ, постоянны въ своихъ желаніяхъ,—черты которыя сейчасъ же узнаются дѣвицами... Я знала, что и я вамъ понравилась, знала, что вы полюбили меня и потому, не думая ни о чемъ, безотчетно отдалась вамъ, кинулась въ ваши объятія и успѣла сродниться съ мыслію, что вы мой

на вѣки, на всю жизнь..... Покрайней мѣрѣ я убѣждена, что кромѣ васъ я любить ни кого не могу... И что же? на мое желаніе уѣхать куда нибудь съ вами, хоть на край свѣта, вы отвѣтили, что нужно подождать до окончанія вашего контракта съ дирекціей; я жду и, скрывая свои планы на будущее счастливое, исполняю свои дневныя обязанности. Вы начинаете ревновать меня по всѣмъ, съ кѣмъ я должна говорить по обязанности продавщицы и хозяйки дома... Пріѣзжаетъ къ намъ въ номеръ вашъ знакомый Губанинъ, вы кричите, что я сдѣлалась его любовницей... Что я вампиръ въ человѣческомъ образѣ, сосущій золото... Но, такъ ли это?!.. Я могла бы согласиться на предложеніе Губанина — взять съ него двадцать тысячъ и уѣхать съ нимъ куда глаза глядятъ; однако я не приняла этихъ лестныхъ кондицій...

Пазухинъ. Онъ вамъ это предлагалъ?!...

Ревекка. Я съ вами не шучу.

Пазухинъ. Подлецъ!....

Ревекка. Дѣйствительно, я приняла отъ него браслетъ съ медальономъ; но онъ этого настоятельно требовалъ, въ противномъ случаѣ хотѣлъ выѣхать отъ насъ и заявить моему отцу о причинѣ его выѣзда. Судите сами, могла ли я отказать ему въ этомъ, когда мои родители заставляютъ меня съ нимъ кокетничать, потому что каждый день онъ доставляетъ намъ громадный барышъ... Развѣ я виновата въ томъ, что каждое мое посѣщеніе Губанина стоитъ ему большихъ денегъ? Я къ нему являюсь только за полученіемъ денегъ по счету за забранный товаръ въ нашей лавкѣ... Онъ самъ этого желалъ, это желаніе поддерживаютъ и мои родители... А вы командируете цѣлый легіонъ шпіоновъ—подсматривать, что дѣлается у Губанина, и получаете свѣдѣнія отъ нихъ, что я цѣлуюсь съ нимъ... Но, послушайте—уже ли вы не знаете, что при свидѣтеляхъ не цѣлуются? Кто жъ это могъ видѣть, я бы хотѣла знать?... Вы молчите, значитъ это созданіе вашего воображенія; какъ это благородно!... (Голосъ ея дрожитъ, на глазахъ блеснули слезы). За то, что дѣвушка-еврейка отдала вамъ все, рѣшительно все, вы безславите ее на каждомъ перекресткѣ. (открываетъ медальонъ) Смотрите: чей это портретъ въ медальонѣ?... Я васъ спрашиваю, чей этотъ портретъ? (Съ любовью смотритъ на него). Отвѣчайте же!

Пазухинъ. (посмотрѣвъ) Мой.

Ревекка (заплакавъ). За что же вы меня оскорбляли?

Пазухинъ (Растерявшись). Я, право... я не зналъ... Ахъ, Боже мой!... (Въ сторону). Что я надѣлалъ!...

Ревекка (продолжая плакать). Вы думаете, что я пришла и въ самомъ дѣлѣ за долгомъ?... Вотъ ваши деньги, оставьте ихъ у себя... Вы думаете, что если прежде я получала съ васъ долги,

а не дарила ихъ вамъ, такъ, поэтому, и не люблю васъ? Но вы сами мнѣ сказали, что не примете отъ меня ничего въ подарокъ, исключая моей фотографической карточки... Что всякой подарокъ отъ женщины мужчинѣ, находящемуся къ ней въ такихъ же отношеніяхъ, какъ мы съ вами, клеймитъ его позоромъ... Что это достойно только человѣка низкаго...

Пазухинъ (опускается на колѣна). Ангелъ мой! Ревекка! Прости безумнаго... Клянусь тебѣ Богомъ, что все это я надѣлалъ изъ любви къ тебѣ... Вѣдь если бы я не любилъ тебя...

Ревекка. А знаешь ли, что въ первый день пріѣзда Губанина, когда онъ хотѣлъ остаться со мной наединѣ, я нарочно сочинила ему, что меня дома ждетъ женихъ-еврей, чтобы только уйдти отъ него?...

Пазухинъ (цѣлуетъ ея руки). Прости меня, Ревекка!... Ну, перестань плакать; я не могу равнодушно смотрѣть на твои слезы, онѣ для меня хуже всякой пытки... Ну, перестань, а то я и самъ заплачу... Ей Богу заплачу...

Ревекка. Не мѣшай мнѣ... Послѣ слезъ бываетъ легче.

Пазухинъ. Ну вотъ ты какая!... Да полно же, прости меня!...

Ревекка. Я не сержусь на тебя...

Пазухинъ (цѣлуетъ ея руки). Ну, прости меня!...

Ревекка. Дай мнѣ стаканъ воды...

Пазухинъ. Сейчасъ (Бѣжитъ къ столу, наливаетъ изъ графина стаканъ воды и подаетъ ей). Пей и успокойся...

Ревекка (Пьетъ воду и отдаетъ стаканъ Пазухину). Я не понимаю, чего ты хочешь отъ меня?

Пазухинъ (Садится рядомъ съ ней). Я хочу очень немногаго... Чтобы никто не смѣлъ, исключая меня, прикоснуться къ тебѣ; чтобы радоваться твоею радостію, гордиться твоею гордостію мнѣ одному... Наконецъ, я хочу того, чтобы люди уважали тебя и несмѣли бы дѣлать тебѣ нахальныя предложенія...

Ревекка. Такъ зачѣмъ же дѣло стало?... Я готова бѣжать съ тобой куда угодно, хоть сейчасъ... Ты желаешь, чтобы я крестилась, я готова принять христіанство, хотя знаю, что не скоро сдѣлаюсь доброю христіанкой, потому что я и своей-то религіи не знаю... Что же дѣлать, когда безъ этого нельзя намъ повѣнчаться.

Пазухинъ. Объ этомъ мы съ тобой поговоримъ въ другое время, а теперь прошу тебя успокоиться. (Обнимаетъ ее и цѣлуетъ). Ангелъ ты мой!... Вотъ чего бы я хотѣлъ, чтобы такъ, какъ мы теперь сидимъ, обнявшись, просидѣть, не разлучаясь, всю жизнь! (Декламируетъ ей на ухо стихи).

«Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
«Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ...»

Ахъ ты моя ненаглядная! (Цѣлуетъ ее).

Ревекка. Ради Бога, прошу тебя, увези меня отсюда поскорѣе, иначе я съ ума сойду!...

Пазухинъ. Если ты хочешь, изволь... Изъ любви къ тебѣ, я брошу театръ, помирюсь съ отцемъ своимъ и...

Ревекка. Нѣтъ, театра ты не бросай... Прошу тебя, не приносить мнѣ этой безполезной жертвы. Мнѣ ничего не нужно, я хочу только быть вѣчно съ тобой... Милый ты мой! Уѣдемъ поскорѣе въ глубину Россiи, въ какой нибудь провинцiальный городъ, гдѣ есть театръ, тамъ ты можешь играть, да и я... пожалуй, тоже...

Пазухинъ. Что?! Ты хочешь сдѣлаться актриссой?!

Ревекка. А почему бы и не такъ?... Развѣ я не могу играть?

Пазухинъ. Напротивъ, мой другъ, мнѣ кажется ты будешь вторая Рашель: у тебя столько огня, столько чувства, искренности.

Ревекка. Ну, такъ ты не будешь больше мучить меня ревностью? а?...

Пазухинъ. Нѣтъ, тысячу разъ—нѣтъ!

Ревекка (цѣлуетъ его). Приходи уже вечеромъ въ 9 часовъ, въ Ботанической садъ; оттуда мы пойдемъ на горы... Хорошо?

Пазухинъ. Ну, конечно... Развѣ дурно можещь ты сказать? (Цѣлуются).

Ревекка. Безъ комплиментовъ; я не люблю ихъ... Ну говори—придешь въ садъ?

Пазухинъ. Приду, на крыльяхъ Амура прилечу.

Ревекка (улыбаясь). Нѣтъ ужъ, зачѣмъ на крыльяхъ? лучше такъ, а то, пожалуй, оборвешься и убъешься... [Цѣлуетъ его]. Не стоилъ бы этого, да что дѣлать; я плохо владѣю собой... Теперь ты не будешь больше пѣть: «златыя мечтанья давно улетѣли?»...

Пазухинъ. Не буду, а замѣню другимъ, своимъ романсомъ: «проснулись забытыя страсти...»

Ревекка. Умникъ! (Цѣлуетъ его). Однако, который часъ?

Пазухинъ (смотритъ на часы). Ровно два...

Ревекка. Неужели?.. (смотритъ). Ахъ, какъ я засидѣлась у тебя! (Встаетъ). Прощай. (Стукъ въ дверь).

Пазухинъ (прислушивается). Постой, кто то идетъ. (Кричитъ). Кто тамъ?

Голосъ Ивана. Я, сударь... Я—съ, Иванъ.

Пазухинъ. Человѣкъ Губанина.

Ревекка. Вотъ тебѣ разъ!... Онъ ужасный болтунъ; пожалуй, разболтаетъ домашнимъ, что меня засталъ у тебя...

Пазухинъ. Въ такомъ случаѣ, ступай за ширмы, а когда онъ войдетъ, ты можешь незамѣтно уйдти въ дверь.

Ревекка. Такъ я и сдѣлаю. Прощай [цѣлуетъ его]. Смотри же не забудь про Ботаническiй садъ [скрывается за ширмы].

Пазухинъ [подходитъ къ двери и отворяетъ ее]. Войди, Иванъ. [Иванъ входитъ, замѣтно что хлюкнулъ].

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Пазухинъ, Ревекка и Иванъ.

Иванъ. Здравствуйте, сударь... (кланяется). Барынъ мой приказалъ вамъ кланяться и просилъ васъ пожаловать къ нему сегодня, безпремѣнно пожалуйте.

Пазухинъ. Зачѣмъ?

Иванъ. Не знаю—съ зачѣмъ.. Стало быть нужно, коли просить велѣли... А вотъ вамъ писулька отъ него... [Подаетъ ему письмо; въ это время Ревекка крадется къ двери и, пославъ Пазухину воздушный поцѣлуй, скрывается въ дверь]. Что это сударь?...

Пазухинъ [распечатавъ письма]. А что?

Иванъ [осматривается кругомъ]. Да никакъ кто-то за ширмами есть у васъ?... Не помѣшалъ-ли я?...

Пазухинъ. Это тебѣ почудилось, у меня никого нѣтъ.

Иванъ [засматриваетъ за ширмы]. И впрямь почудилось... Старъ ужъ становлюсь.

Пазухинъ [прочитавъ письмо]. Иванъ, хочешь рябиновки?

Иванъ. [Ухмыляясь]. Рябиновки?...

Пазухинъ. Да, рябиновки...

Иванъ. Гмъ... Отчего не выпить рябиновки?—могу—съ..

Пазухинъ [подходитъ къ окну, беретъ бутылку и рюмку и подноситъ Ивану]. Пей...

Иванъ [кланяется]. За ваше здоровье, сударь [пьетъ].

Пазухинъ. А повторить?...

Иванъ. Можемъ-съ... рябиновка чудесная!...

Пазухинъ. Пей.

Иванъ (пьетъ). На долгія вамъ лѣта, сударь... Въ животѣ точно заяцъ забѣгалъ-съ, ей Богу-съ!... Чудесная рябиновка! Гдѣ вы ее покупаете-съ?

Пазухинъ. Домашняго приготовленія... Самъ настаивалъ.... Хочешь еще?

Иванъ. Если милость ваша будетъ, не откажусь...

Пазухинъ (наливаетъ и подаетъ ему). Пей.

Иванъ. Дай Богъ вамъ счастія и хорошенькую жену, сударь. (пьетъ). Ухъ!... важно-съ!...

Пазухинъ (поставивъ наливку на прежнее мѣсто). Скажи, пожалуста, Иванъ, часто къ барыну твоему ходитъ еврейка, хозяйская дочка?

Иванъ. Еврейка-то? Гмъ!... Почитай каждый часъ. Ей Богу-съ.. А коли когда долго не идетъ, такъ баринъ сейчасъ меня и посы-

лаетъ въ лавку къ ней, скажи, говоритъ, Иванъ, чтобы она мнѣ вотъ того-то и того-то принесла... А жидовкѣ это и на руку.

Пазухинъ. А что же они дѣлаютъ, когда остаются съ ней въ комнатѣ?

Иванъ. Что, извѣстно что... Бѣса тѣшатъ. Играютъ въ жмурки, визжатъ, поютъ, хохочутъ, просто срамъ... Мой баринъ, что ему?... Гмъ!... Не смотритъ что она жидовское отродье... Ему это все равно; онъ ужъ такимъ уродился... Я, говоритъ, Иванъ, хочу узнать, какъ любятъ жидовки, ну вотъ и узнаетъ...

Пазухинъ. А меня вспоминаютъ?

Иванъ. Вспоминаютъ, вспоминаютъ... Мой баринъ говоритъ, что для него это очень чувствительно, что вы съ нимъ ссориться изволите... Ступай, говоритъ, Иванушка, уговори его; ну я и пошелъ... Сударь! Позвольте мнѣ еще рюмочку, рябиновки... Наливка то больно хороша...

Пазухинъ. Съ удовольствіемъ (наливаетъ и подаетъ). Пей.

Иванъ (Ухмыляясь). Пей, да дѣло разумѣй... За ваше здоровье! (пьетъ). Уфъ!... Наливка антикъ!... Покорнѣйше благодарю васъ... Что же ему прикажете сказать въ отвѣтъ?

Пазухинъ. Ничего.

Иванъ. Какъ ничего. Что вы, сударь! помилуйте! Не хорошо-съ такъ, право, не хорошо.... Лучше жить въ любви да въ мирѣ, ей Богу, такъ-съ... Я ему скажу что вы придете, а?...

Пазухинъ. Не пойду я къ этому подлецу.

Иванъ. За что же, сударь, вы его ругаете: онъ супротивъ васъ ничего не имѣетъ... Ей Богу-съ...

Пазухинъ. Скажи ему, что я не буду у него и что если онъ хочетъ видѣться со мной, то можетъ пожаловать ко мнѣ на квартиру, а къ нему я не пойду... Такъ и скажи...

Иванъ. Такъ и сказать?

Пазухинъ. Такъ и скажи.

Иванъ. Слушаюсь... Какъ угодно-съ... А что, сударь, могу еще я рюмочку пропустить?

Пазухинъ. Не много ли будетъ?

Иванъ. Нѣтъ, не много-съ... Въ самую плипорцію.

Пазухинъ [наливаетъ и даетъ]. Пей.

Иванъ (выпивъ). Ну, вотъ теперь, прощенья просимъ-съ... (Кланяется).

Пазухинъ. Прощай, Иванъ.

Иванъ. Кланяться, значитъ, не нужно-съ?

Пазухинъ. Не нужно...

Иванъ. Гмъ!... Такъ-таки и сказать?

Пазухинъ. Такъ и скажи.

Иванъ. Слушаюсь.... Прощайте, сударь... (кланяется и идетъ къ двери, въ которую, запыхавшись, вбѣгаетъ Мовша и сбиваетъ съ ногъ Ивана). Тише, пархъ ослѣпъ?...

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣже и Мовша.

Мовша (къ Ивану). Ти сямъ ослѣпъ... (къ Пазухину). Здравія желаю, васе благородственное, панское благородіе, здравствуйце, господинъ—панъ... (Подходитъ къ нему и шепчетъ ему на ухо).

Пазухинъ. (Въ волненіи). Неужели?

Мовша. Далн-Букъ!

(Конецъ 1-го дѣйствія).

С. Калугинъ.

УСПѢХИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Освященіе храма, во имя новоявленнаго святителя Тихона Задонскаго, въ м. Брагинѣ, Рѣчицкаго уѣзда, перестроеннаго изъ латинскаго костела, 1867 года 13-го августа.

Прежде чѣмъ опишемъ скромное торжество освященія сего храма, хоть вкратцѣ скажемъ о судьбѣ его, какъ и всѣхъ православныхъ храмовъ Божіихъ, въ здѣшней странѣ, обращенныхъ во времена уніи сперва въ уніатскія церкви, а потомъ, при помощи іезуитовъ, и въ латинскіе костелы. Такова же участь была и сего храма! Это была прежде домовая церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, устроенная на вратахъ замка владѣльцевъ здѣшней мѣстности, русскихъ князей Вишневецкихъ, а потомъ, въ 1744 году, перенесенная на то мѣсто, гдѣ и нынѣ находится. Когда брагиноселецкій монастырь [1]) былъ обращенъ изъ православнаго въ

1) Монастырь, въ 5-ти верстахъ отъ м. Брагина. Фундушъ на етотъ монастырь наданъ 1609-г. года 29-го іюня княземъ Адамомъ Вишневецкимъ и женою его, урожденною Ходкевичъ. Документъ этотъ помѣщенъ подъ № 43-мъ 1848-о года въ книгѣ древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губерніи.

уніатскій, тогда и эта церковь обращена въ уніатскую, и современемъ въ латинскій костелъ, такъ какъ и сами князья Вишневецкіе, бывшіе искони православными, только послѣ 1744-о года совратились въ латинство. Старожилы еще помнятъ уніатскаго священника Фирасевича, бывшаго священнослужителемъ при сей церкви, и принадлежавшаго къ числу брагиноселецкихъ базиліанскихъ монаховъ, такъ какъ эта церковь была приписана къ сказанному монастырю. Можно думать, что латинское духовенство, при содѣйствіи іезуитовъ и польскихъ пановъ, завладѣло этою церковію около 1791-о года. Съ того времени, до поступленія въ православное вѣдомство 1), этотъ костелъ былъ филіальнымъ,—безъ приходнымъ, приписнымъ къ остроглядовицкому приходскому костелу. Итакъ латинской пропагандѣ удалось только уніатскую церковь въ м. Брагинѣ обратить въ костелъ, и жители, защищаемые организованнымъ еще съ 1745-о года при брагинской Николаевской церкви братствомъ, и по настоящее время (нынѣ соединеннымъ съ церковнымъ совѣтомъ) существующимъ,—не поддались вліянію ксендзовъ и пановъ, а остались вѣрными своему исконному православію, такъ что здѣсь, т. е. въ м. Брагинѣ, не было ни одного латинника.

Бывшій этотъ костелъ—деревяный, на каменномъ фундаментѣ, построенный на востокъ, съ боковыми придѣлами,—ризницею и пономарнею, — на разстояніи 6-ти саженей отъ Николаевской церкви. Современемъ, этому зданію данъ былъ латинскій видъ, чрезъ пристройку съ фронта башни для колоколовъ, гдѣ устроены были для эффекта и часы. Зданіе это—изъ тесанаго брусья, весьма прочное, хоть и старое. Нынѣ, по снятіи башни и ветхой изъ гонты крыши, пристроенъ передній придѣлъ; вся церковь покрыта желѣзомъ; внутри поставлены двѣ печи, сдѣлана штукатурка и потолокъ; также устроенъ новый, хоть не богатый, но благовидный иконостасъ [1]).

1) При обыскѣ въ костелѣ 1864-о года 5-го ноября, найдена уніатская риза и выносной крестъ. На основаніи этихъ находокъ и выше изложенныхъ данныхъ и переданъ этотъ костелъ въ православное вѣдомство, по распоряженію г. начальника края, 1865-о года 12-го апрѣля.

1) Устройство этой церкви стоитъ уже болѣе 2000 руб. сер.; но еще церковь не окрашена снаружи и нуждается въ утварныхъ вещахъ, какъ то: гробницѣ, евангеліи, напрестольномъ крестѣ, двухъ хоругвяхъ и хотя однихъ священническихъ облаченіяхъ. Израсходовано на устройство церкви кошельковой суммы 800 р., собрано церковнымъ совѣтомъ 800 р., но приговорамъ во-

Этотъ новоустроенный храмъ, съ помощію Божіею и Его великаго угодника святителя Тихона, въ день посвященный его памяти, т. е. 13-го августа, освященъ брагинскимъ благочиннымъ, священникомъ Максимомъ Θремичемъ, по благословенію высокопреосвященнѣйшаго Михаила, архіепископа минскаго. Въ освященіи храма участвовало девять сосѣднихъ священниковъ и діаконъ. По предварительномъ оповѣщеніи чрезъ сосѣднія волостныя управленія о предстоящемъ освященіи храма, народа собралось къ сему дню приблизительно около двухъ тысячъ, въ числѣ коихъ богомольцы были и за 50 верстъ, въ особенности изъ м. Лоева. Всенощное бдѣніе съ вечера отправлено было въ св. Тихоновской церкви, а утромъ 13-го числа въ Николаевской, самостоятельной, въ коей была совершена ранняя литургія. Говѣвшихъ и удостоенныхъ принятія святыхъ Христовыхъ таинъ въ обѣихъ церквахъ было 300 душъ, кромѣ дѣтей. Богослуженіе въ свято-Тихоновской церкви окончилось въ часъ по полудни [1]. Въ богомольцахъ замѣтно было особенное благоговѣніе и пламенная молитва къ новоявленному Святителю,—такъ что, не смотря на многочисленное стеченіе народа, въ теченіи цѣлаго дня господствовала и въ церкви, и на площади, и по домамъ безпримѣрная тишина, спокойствіе и трезвенность. По окончаніи богослуженія, духовенство и всѣ почетнѣйшіе богомольцы, радушно были угощены настоятелемъ—благочиннымъ, чѣмъ Богъ послалъ.

При семъ, не лишнимъ считаю сказать и о слѣдующемъ обстоятельствѣ, относящемся къ судьбѣ новоустроеннаго храма. Не прошло еще и недѣли послѣ освященія сего храма, какъ ему уже угрожала опасность отъ пожара. 17-го августа, въ 8 часовъ вечера, вспыхнулъ пожаръ вблизи св. Тихоновской

лостнаго управленія 280 р., въ которомъ поставлена икона св. Александра Невскаго, въ память 4-го апрѣля 1866 года и 25-го мая 1867-о года. Настоятелемъ благочиннымъ собрано, по просительной книгѣ, 815 р, занято церковнымъ совѣтомъ 875 р., прислано изъ Москвы, отъ трехъ неизвѣстныхъ лицъ, по 8 р. изъ г. Вознесенска, отъ начальника 14-й бригады, 10 р., изъ Харькова отъ неизвѣстной 2 р., изъ м. Радуля 3-ри воздушка отъ купца Михнева, отъ черниговскаго купца Чеплеевскаго покрывала на престолъ и жертвенникъ, помѣщикъ Высоцкій прислалъналойную икону св. Тихона.

1) По окончаніи литургіи, произнесена была благочиннымъ сообразная обстоятельству проповѣдь, въ которой объяснена судьба новоосвященнаго храма и многознаменательность праздника, совпавшаго съ днемъ, посвященнымъ церковью памяти святителя и чудотворца Тихона.

церкви. Въ пяти саженяхъ отъ храма, въ пустопорожней еврейской лавкѣ, снаружи,—не отъ дверей, а съ задней стороны, въ прогнившемъ бревнѣ, сдѣланъ поджогъ. Пока огонь подымался подъ крышу, сбѣжавшійся народъ разбросалъ ее на пяти пустопорожнихъ лавкахъ и погасилъ пламя [1]). Причина пожара разслѣдованіемъ не открыта; но несомнѣнно то, что ее нужно искать въ злобной зависти какого нибудь врага православія.

Да сохранитъ Господь и Его великій угодникъ св. Тихонъ храмъ сей отъ всякаго злаго обстоянія до скончанія вѣка, и да внимаетъ онъ возносимымъ въ немъ молитвамъ! Да подастъ Господь, души спасеніе, и тѣлу здравіе всѣмъ тѣмъ, кои принесли посильныя жертвы на храмъ сей, а съ ними и намъ немощнымъ строителямъ, въ семъ дѣлѣ потрудившимся.

Брачинскій благочинный, священникъ Максимъ *Эремичъ*.

2.

Освященіе церкви въ с. Порѣчьи (Слонимскаго уѣзда).

Въ тотъ же самый день, когда вся православная Вильна радостно ликовала, празднуя обновленіе и освященіе своего великолѣпнаго каѳедральнаго собора, столь долго и еще недавно напоминавшаго своимъ куполомъ всему здѣшнему краю о бѣдственной для него коронѣ *Ягеллоновъ*,—и въ здѣшнемъ сельскомъ уголкѣ происходило церковное торжество, при обстановкѣ далеко выходищей изъ ряда обыкновенныхъ. Къ 22 числу октября, распоряженіемъ епархіальнаго начальства, поручено было архимандриту жировицкаго Успенскаго монастыря *Николаю* освященіе вновь оконченной постройкою каменной порѣцкой св. Георгіевской церкви. Село *Порѣчье*, подобно многимъ другимъ, получившее свое наименованіе отъ положенія надъ рѣкою (*Щарою*), отстоитъ отъ уѣзднаго города Слонима только въ 8 верстахъ. Здѣшній приходъ, почти удвоенный отъ присоединенія къ нему нѣкогда самостоятельнаго *Костровицкаго*, коего церковь осталась приписною къ *Порѣцкой*, по со-

---

1) Церковный совѣтъ послѣ сего случая вошелъ съ просьбою къ г. начальнику губерніи о снесеніи пяти ветхихъ вблизи церкви, пустопорожнихъ лавокъ. Нынѣ, по рѣшенію губернскаго правленія, лавки эти снесены.

вершенной обветшалости временной часовни, наскоро, такъ сказать, сколоченной на мѣстѣ сгорѣвшаго прежняго приходскаго храма, давно уже и настоятельно нуждался въ постройкѣ новой, соотвѣтственной святыни. Давно уже и длилась по этому предмету безполезная переписка, пока событія послѣдняго времени не привели наконецъ къ настоящему благодѣтельному сознанію священныхъ правъ нашей народности и православія. Въ числѣ прочихъ, ассигнована была, по вѣдомству мѣстной палаты государственныхъ имуществъ, сумма 9,500 р. с. и на постройку порѣцкой церкви. При представленіи плана и смѣты, б. главный начальникъ края М. Н. Муравьевъ выразилъ желаніе: не льзя-ли на смѣтную сумму, при веденіи постройки хозяйственнымъ образомъ, соорудить, вмѣсто деревянной, каменную церковь, хотя бы и немного въ меньшихъ размѣрахъ? За изобиліемъ въ здѣшней мѣстности булыжнаго камня и по изъявленной прихожанами готовности содѣйствовать, какъ въ подвозкѣ прочихъ строитечьныхъ матерьаловъ, такъ и въ самой постройкѣ, благая мысль главнаго начальника края оказалась вполнѣ примѣнимой, и вотъ, съ помощію Божіей и съ благословенія высокопреосвященнѣйшаго нашего архипастыря, начатая съ 1-го августа 1865 г. постройка нынѣ благополучно окончена.

По счастливому стеченію обстоятельствъ, въ то самое время, когда уже были сдѣланы всѣ необходимыя приготовленія къ освященію новаго храма, мѣстный церковный совѣтъ извѣстился, что г. начальникъ здѣшней губерніи, ожидаемый на дняхъ и въ г. Слонимѣ, ревизуетъ сосѣдственный Волковыскій уѣздъ. Церковный совѣтъ рѣшился просить его превосходительство почтить своимъ присутствіемъ предстоящее въ с. Порѣчьѣ православное торжество. И. Н. Скворцевъ отвѣтной телеграммой изъявилъ свою готовность. Благосклонный отвѣтъ начальника губерніи, какъ не льзя болѣе, способствовалъ великолѣпію православнаго праздника; ибо, коль скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что его превосходительство прямо по пути прибудетъ въ Порѣчье, всѣ слонимскіе высшіе чины поспѣшили воспользоваться настоящимъ случаемъ—для присутствованія при настоящемъ торжествѣ.

О. архимандритъ *Николай*, слонимскій соборный протоіерей *Соловьевичъ*, мѣстный деречинскій благочинный и сосѣдственное духовенство прибыли въ Порѣчье наканунѣ дня освященія

Всенощная отслужена была того же числа въ новой церкви; въ слѣдующее-же утро, послѣ ранней обѣдни въ старой церкви, перенесенъ былъ, при многочисленномъ крестномъ ходѣ, св. антиминсъ въ новый храмъ, отстоящій болѣе чѣмъ въ полуверстѣ отъ прежняго; непосредственно затѣмъ начался и трогательный обрядъ освященія новаго Божіяго дома.

Еще до начала священнаго обряда, прибылъ г. начальникъ губерніи, вмѣстѣ съ г. попечителемъ виленскаго учебнаго округа, ревизующимъ подвѣдомственныя ему заведенія, въ сопровожденіи директора гродненской гимназіи. Чинъ освященія, соборная литургія и затѣмъ молебствіе, съ провозглашеніемъ многолѣтія нашему Августѣйшему Монарху и всему Царствующему Дому, святѣйшему правительствующему Сѵноду, высокопреосвященному митрополиту Іосифу—и наконецъ всѣмъ благодѣйствующимъ, какъ вообще храмамъ Божіимъ, такъ и въ особенности вновь сооруженному, продлились за часъ послѣ полудня. Два хора пѣвчихъ: слонимскій и составленный изъ учениковъ мѣстнаго народнаго училища, чередовались при богослуженіи. Во время-же причастнаго произнесено было мѣстнымъ священникомъ о. *Александромъ Горячко* теплое слово. Послѣ богослуженія, присутствующіе обозрѣвали въ подробности новую святыню, коей внутренняя обстановка, особенно-же иконостасъ и прочіе образа, вышедшіе изъ мастерской московскаго художника Александра Сергѣевича *Титова*, украсившаго своими произведеніями многіе уже изъ церквей нашего края, ничего почти не оставляютъ желать. Наружнымъ видомъ церковь тоже очень красива и даже оригинальна, при разноцвѣтной мозаикѣ своихъ каменныхъ стѣнъ и бѣлой кирпичной облицевкѣ фронтона карнизовъ и пиластровъ; жаль только, что она покрыта гонтомъ, а не желѣзомъ. Еще можно-бы пожалѣть о ея близости къ рѣкѣ. Повидимому, строителямъ желательно было воспользоваться готовою каменною оградою, уцѣлѣвшей отъ прежней, нѣкогда стоящей на этомъ мѣстѣ, церкви.

При выходѣ изъ церкви, г. начальникъ губерніи съ своей стороны поблагодарилъ мѣстнаго мироваго посредника Владиміра Николаевича *Лаврова* за его ревностное и просвѣщенное вліяніе, приведшее къ столь скорому и успѣшному окончанію дѣло постройки храма.

Затѣмъ, мѣстный священникъ, по православному обычаю,

просилъ пріѣзжихъ гостей откушать у него хлѣба-соли.—Кстати здѣсь упомянуть, что, кромѣ названныхъ уже участниковъ настоящаго торжества, въ числѣ богомольцевъ находились всѣ гг. офицеры квартирующей въ здѣшнемъ уѣздѣ 26 артиллерійской бригады, вмѣстѣ съ своимъ бригаднымъ начальникомъ и тремя батарейными командирами — а также первые явившіеся къ намъ здѣсь піонеры—землевладѣльцы: гг. Н. Е. *Извѣковъ* (предводитель здѣшняго дворянства), дѣйствительный статскій совѣтникъ *Брозинскій* и Н. Н. *Редутто.*

За обѣдомъ, среди общей одушевленной бесѣды, смолкавшей только при раздававшемся отъ времени до времени стройномъ пѣніи слонимскаго хора, когда г. начальникомъ губерніи провозглашенъ былъ тостъ за здоровье обожаемаго нашего Монарха, восторженное *ура* долго сливалось съ прекрасно исполненнымъ народнымъ гимномъ.

Сейчасъ-же послѣ обѣда, выйдя къ собранному и угощаемому предъ священническимъ домомъ народу, Иванъ Николаевичъ пожелалъ раздѣлить и съ нимъ Царскій тостъ, встрѣченный громогласными радостными восклицаніями.

Въ тотъ-же самый день, долженъ былъ совершиться въ Слонимскомъ уѣздѣ и другой такой-же обрядъ освященія (мѣстнымъ благочиннымъ) оконченной капитальною перестройкою *бѣлавицкой* приходской св. Георгіевской церкви, коссовскаго благочинія, отстоящей въ 5 верстахъ отъ м. *Коссова.*

Въ заключеніе, да позволено намъ будетъ высказать одну мысль, которая многихъ здѣсь приводитъ въ раздумье, многихъ же въ серьозное, вполнѣ-понятное смущеніе. Успѣхи православія и неотдѣльной отъ него русской народности, благодареніе Богу, ежедневны и несомнѣнны, въ нашемъ краѣ. Въ особенности, именно въ послѣднее время, дѣло пошло на ладъ и послѣдовало естественному, спокойному, но безостановочному теченію, когда прежнее какое-то прискорбное средостѣніе между пріѣзжими дѣятелями и мѣстнымъ православнымъ духовенствомъ, наконецъ, само-собою рушилось, почти повсемѣстно. Постройки новыхъ, основныя передѣлки, или преобразованія изъ костеловъ другихъ православныхъ святынь, ежедневныя возсоединенія единицъ и десятковъ, перѣдкія обращенія сотенъ и цѣлыхъ даже тысячъ, вмѣстѣ съ самими иновѣрными доселѣ пастырями, составляютъ непрерывную хронику нашихъ *Епархіальныхъ Вѣдомостей, Вѣстника западной Россіи* и столь

часто появляются, на самомъ видномъ мѣстѣ, на столбцахъ *Виленскаго Вѣстника.* Отчего-же все это не только мало вызываетъ сочувствія тѣхъ органовъ нашей періодической *прессы*, которые, повидимому, специально интерессуются дѣлами здѣшняго края, но, какъ бы, преднамѣренно упускается ими изъ виду, такъ сказать *игноририруется?* Столь систематическая невнимательность къ важнымъ и достовѣрнымъ фактамъ, при извѣстной чуткости означенныхъ органовъ къ самымъ сказочнымъ отголоскамъ, раздающимся изъ Сѣверо-Западнаго края, слишкомъ ужъ отзывается чѣмъ-то предвзятымъ, съ чѣмъ, конечно, никакъ не можетъ быть солидарнымъ общественное мнѣніе нашей святой Руси. Ибо, кто-же осмѣлится равнодушно къ притекающимъ къ ней тысячамъ новыхъ чадъ, помахивать на нихъ рукой, потому только—что это еще не милліоны? Нѣтъ; православная Русь никогда не встрѣчала и не встрѣчаетъ такимъ образомъ ни *своихъ обрѣтающихъ*, ни *своихъ обрѣтаемыхъ.*

Корреспондентъ.
(Вил. Вѣст.)

3.

Посвященіе градскаго собора въ г. Кобринѣ.

17-го сентября, въ городѣ Кобринѣ послѣдовало освященіе каменнаго собора, построеннаго въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, во имя св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго. Много было разныхъ интригъ противъ мѣстности и самой постройки; но стараніе и настойчивость нѣкоторыхъ истинно русскихъ людей и кобринскаго благочиннаго, священника Льва Пашкевича, достигли того, что позлащенные кресты пяти-главаго собора торжественно вознеслись надъ окружающими домами евреевъ и надъ извивающимися широкими лентами—рѣкою Мухавцомъ и московскимъ шоссе. Наканунѣ дня освященія, въ 6 часовъ вечера, громкій звукъ колокола возвѣстилъ всѣмъ православнымъ жителямъ Кобрина о началѣ торжества. Горожане и крестьяне собрались густыми массами и, не имѣя возможности помѣститься въ церкви, заняли всю ея площадь. Въ 7 часовъ прибылъ преосвященный Игнатій, епископъ брестскій, и встрѣченъ былъ мѣстнымъ духовенствомъ. Началась всенощная, во время которой преосвя-

щенный помазалъ елеемъ всѣхъ прикладывавшихся къ иконѣ св. Александра Невскаго.

Утромъ 17-го числа, въ 9 часовъ, совершено было водоосвященіе, а въ 10 часовъ прибылъ преосвященный и приступилъ къ освященію храма и совершенію литургіи. Величественное представилось зрѣлище, когда владыка съ антиминсомъ на головѣ, сопровождаемый многочисленнымъ духовенствомъ и стройнымъ хоромъ пѣвчихъ, вышелъ изъ храма. Музыка Устюжскаго пѣхотнаго полка встрѣтила его гимномъ: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ!“ Звуки эти смѣшались съ колокольнымъ звономъ, и густыя массы народа, окружавшія соборъ, пали ницъ, узрѣвъ грядущаго Царя Славы. Предъ окончаніемъ литургіи, кобринскимъ благочиннымъ о. Львомъ Пашкевичемъ произнесено было приличное торжеству, и весьма теплое слово гдѣ онъ указалъ на всѣ препятствія, которыя терпѣла постройка освященнаго храма.

При освященіи пѣли два хора пѣвчихъ: одинъ кобринскаго духовнаго училища, другой—собранный изъ мальчиковъ окрестныхъ народныхъ училищъ съ ихъ наставниками. По совершеніи молебствія и многолѣтія Государю Императору, преосвященный вышелъ къ народу, поздравилъ его съ настоящимъ торжествомъ и благословилъ хлѣбъ-соль, приготовленную на площади. Въ $3^{1}/_{2}$ часа былъ данъ въ залѣ кобринскаго дворянскаго клуба роскошный обѣдъ, устроенный по подпискѣ предсѣдателемъ церковнаго комитета и мироваго съѣзда, Г. П. Шабловскимъ. На этомъ обѣдѣ, кромѣ преосвященнаго, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, присутствовало все находившееся въ городѣ духовенство. Вечеромъ того же дня, въ залѣ клуба былъ весьма оживленный танцовальный вечеръ.

П.—бецкій.

(Вил. Вѣст.)

4.

Освященіе новолокскаго костела.

Друйскій благочинный, свящ. Павелъ Бирюковичъ донесъ, что *новолокскій* римско-католическій костелъ (бывшій православною церковью въ 1514 году), переданный въ православное вѣдомство, по надлежащемъ приспособленіи, 23 іюня освященъ на пра-

вославную церковь во имя св. великомученицы Параскевы, приписную къ перебродскому приходу.

5.

Освященіе пригодичской церкви.

На крутомъ берегу р. Нѣмана, вся въ садахъ и на холмахъ, раскинулась деревенька въ 21 дворъ; имя ей *Пригодичи*. Она находится въ 8 верстахъ отъ Гродны, въ Гродненскомъ же уѣздѣ. Мѣстоположеніе этой казенной деревни до того живописно, что самый холодный флегматикъ невольно нарушитъ свою апатію и будетъ восхищаться красотою природы. Здѣсь, на одномъ изъ высокихъ холмовъ, надъ самымъ Нѣманомъ, возвышается деревянная церковь. 24 сего іюня она освящена преосвященнымъ епископомъ брестскимъ Игнатіемъ, въ честь Рождества Іоанна Предтечи. Здѣсь, замѣчу, никогда не было самостоятельнаго прихода, а деревня Пригодичи была приписною, и бывшій здѣсь костелъ считался *филіальнымъ*. Населеніе Пригодичъ почти исключительно православное. Спрашивается, для чего же, среди не латинскаго прихода, стоять костелу? Не былъ ли послѣдній однимъ изъ многихъ религіозно-политическихъ польско-латинскихъ стратегическихъ пунктовъ, которыхъ такъ много и доселѣ на всемъ протяженіи Западной Россіи, отъ рр. Вислы и Нѣмана до р. Днѣпра и дальше до горъ Карпатскихъ? Такая несообразность присутствія костела среди православнаго населенія въ д. Пригодичахъ бросалась каждому въ глаза. И вотъ, этотъ костелъ упразднень и обращенъ въ церковь, съ приписскою ея къ приходу села Верцилишекъ. Торжество освященія этой церкви совершилось обычнымъ порядкомъ. Народу было множество. Въ этотъ же день, въ 4 часа утра, сошлись сюда богомольцы крестными ходами изъ сосѣднихъ селъ. Причастниковъ было такъ много, что ихъ пріобщали изъ двухъ Чашъ. Говѣть къ храмовымъ и другимъ большимъ праздникамъ—древній православно-русскій обычай, уцѣлѣвшій и въ Пригодичахъ. Мужики съ женами и дѣтьми, въ праздничныхъ костюмахъ, не только наполнили весь храмъ, но усѣяли собою весь холмъ, на которомъ стоитъ церковь. Сколько мы замѣтили, архіерейское священнослуженіе произвело на богомольцевъ сильное впечатлѣніе. Иные взобрались на хоры, другіе принесли съ собою скамеечки, чтобы ставши на нихъ, удобнѣе видѣть *старца-святителя*; иные даже плакали

отъ умиленія. На лицѣ каждаго была замѣтна тихая радость. Когда преосвященный, послѣ богослуженія, выходилъ изъ церкви, вся толпа тѣснилась около него и спѣшила принять благословеніе съ такимъ усердіемъ, что я невольно перенесся мыслію въ Кіево-Печерскую Лавру, вспомнилъ всегдашній „*входъ со славою*“ тамошняго владыки изъ покоевъ въ соборную церковь Лавры и обратный его ходъ въ покои, послѣ богослуженія, когда бываетъ невообразимая толкотня молящагося люду, спѣшащаго подъ благословеніе архипастыря. Только, въ Кіевѣ эта всегдашняя толпа богомольцевъ состоитъ изъ постоянно приходящихъ туда разныхъ представителей всѣхъ уголковъ Россіи, исключая только западноруссовъ, давно отторгнутыхъ польскимъ латинствомъ отъ Кіева и его всероссійской святыни; а въ этомъ краю около своихъ владыкъ хоть теперь толпятся западноруссы. Благодареніе Богу, что послѣдніе хоть теперь стали сознавать связь свою съ своими же владыками; а было время, когда и эту связь нахально разрывала польская интрига.....

По окончаніи богослуженія, все молившееся въ церкви общество было угощено о. Владиміромъ Страховичемъ (къ приходу котораго поступаетъ эта церковь) хлѣбомъ-солью, по русскому обычаю. Это угощеніе было предложено въ домѣ упраздненнаго пригодическаго волостнаго правленія. За обѣдомъ, во время котораго архіерейскій хоръ спѣлъ духовный концертъ и общеизвѣстную пѣсню „*Славься,*“ было провозглашено два тоста: за Государя Императора и за преосвященнаго Игнатія. Отвѣтомъ на тосты было многолѣтіе и крики „ура,“ которые долго и долго не умолкали.

Гр. К—ій.

6.

Освященіе приходскаго храма въ м. Картузъ-Березѣ, Пружанскаго уѣзда.

Вотъ, что сообщилъ въ редакцію мѣстный священникъ по поводу этого торжества. Событія 1863 и 64 годовъ окончательно вызвали къ жизни литовско-русскій народъ, посѣявъ новыя сѣмена русской народности. Благоразумными мѣрами правительства и отеческою его заботливостію воскресаетъ этотъ народъ, сбросивъ съ себя столь долго тяготившія его оковы. Онъ чувствуетъ, какъ возрождаются въ немъ новыя силы, зародышъ

которыхъ не въ состояніи были убить систематически разсчитанные удары, направляемые всегда искусною рукою; онъ помнитъ грустное свое прошедшее и съ распростертыми объятіями отдается всецѣло Россіи, чтобы занять мѣсто въ великой семьѣ русской.

Обративъ вниманіе на нравственное развитіе народа, правительство, съ отеческою предусмотрительностію, коснулось первой насущной его потребности. Малочисленность и бѣдность православныхъ храмовъ, въ противуположность несоразмѣрному количеству костеловъ (особенно въ Гродненской губерніи, при всей незначительности католиковъ), не замедлили вызвать мѣры къ возстановленію того единственнаго звѣна, которое нѣкогда соединяло порабощенный край съ родною ему Велико-россіею, и, благодареніе Богу, западный край сталъ украшаться храмами. Въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, мы постоянно читаемъ о новыхъ закладкахъ церквей и обновленіи ветхихъ, — даже объ обращеніи упраздненныхъ костеловъ въ православные храмы. Правительство, по силѣ возможности, отпускаетъ на этотъ предметъ значительныя суммы, а щедрые датели изъ Великой Россіи постоянно протягиваютъ руку помощи родственному имъ литовско-русскому народу но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и сами прихожане, при незначительныхъ пособіяхъ со стороны правительства, спѣшатъ заявить неподдѣльную любовь свою и уваженіе къ исповѣдуемому ими православію посильными денежными вкладами во славу Божію. Къ такимъ то приходамъ безспорно принадлежитъ приходъ картузъ-березской церкви.

По смѣтѣ, утвержденной въ 1864 году, на обновленіе березской церкви гродненскою палатою государственныхъ имуществъ (такъ какъ церковь эта состояла въ казенномъ имѣніи) отпущено 3,773 р. 18 коп.; но для истиннаго благолѣпія храма, къ какому приведенъ онъ, сумма эта оказалась слишкомъ недостаточною, такъ что надо отдать полную справедливость безкорыстной заботливости церковнаго совѣта, столь неутомимо соревновавшаго мѣстному священнику въ дѣлѣ успѣшнаго окончанія предпринятыхъ работъ. Нынѣ березскій храмъ по истинѣ можно назвать не возобновленнымъ, но вновь созданнымъ храмомъ, такъ величественъ онъ въ сравненіи съ прежнимъ, у котораго заимствовалъ однѣ только стѣны. По крайней мѣрѣ можно полагать, что на отдѣлку его употреблено до 10-ти тысячъ рублей; если посчитать безплатные труды не малаго прихода въ теченіи полутора года производившейся починки.

29-го Іюня сего года храмъ этотъ во имя верховныхъ апостоловъ Петра и Павла торжественно освященъ его преосвященствомъ Игнатіемъ епископомъ брестскимъ, при стеченіи многочисленнаго народа въ присутствіи военныхъ и гражданскихъ властей города Пружанъ.

Не могу не высказать при этомъ нѣсколькихъ словъ по случаю праздничнаго торжества.

Церковный совѣтъ, предполагая по ходу работъ окончить постройку къ дню храмоваго праздника, просилъ его преосвященство украсить присутствіемъ своимъ торжество этого дня и лично освятить для нихъ приходскій храмъ. Маститый пастырь, удрученный лѣтами, подвигся однако исполнить задушевное желаніе скромныхъ просителей; и вотъ они увидѣли тотъ величественный обрядъ освященія храма и то торжественное архіерейское служеніе, которое издревле сохраняется въ одной только православной церкви. Что говорить о томъ духовномъ восторгѣ, которымъ наполнялись тогда сердца земледѣльцевъ? Скажу только—они молились,—и молитва ихъ, вѣрую, услышана Богомъ.

Наканунѣ предстоявшаго духовнаго торжества, толпы народа изъ окрестныхъ деревень, собрались около храма къ 2-мъ часамъ по полудни для встрѣчи его преосвященства съ хлѣбомъ и солью, по заведенному русскому обычаю. Погода стояла тихая и ясная. Его преосвященство изволилъ прибыть въ 6 часовъ вечера въ квартиру, приготовленную для него въ домѣ священника, при неумолкаемомъ звонѣ во всѣ колокола и встрѣченъ былъ духовенствомъ селецкаго благочинія, частію пружанскаго и слонимскаго, совмѣстно съ военными и гражданскими властями Пружанскаго уѣзда. Послѣ кратковременнаго отдыха, владыка отправился къ обновленному храму и, у входа поблагодаривъ народъ за поднесенный ему хлѣбъ и соль, приступилъ къ совершенію всенощной, по окончаніи которой возвратясь на квартиру, раздѣлилъ вмѣстѣ съ гостями вечернюю трапезу, предложенную радушными хозяевами. На слѣдующій день совершена была ранняя литургія въ кладбищенской церкви, откуда духовенство, сопровождаемое народомъ, совершило крестный ходъ къ обновленному храму.

Въ 10-ть часовъ утра началось торжественное освященіе храма, не рѣдкое уже явленіе въ нашей сторонѣ, но величественное и единственное предъ глазами усердныхъ богомольцевъ березскаго прихода. За обѣднею произнесено было мѣстнымъ

священникомъ приличное торжеству слово (въ слѣдъ за симъ печатаемое); а по окончаніи литургіи и благодарственнаго молебна, преподавъ благословеніе народу, преосвященнѣйшій владыка отправился на званый обѣдъ, устроенный въ домѣ священника, гдѣ встрѣченъ былъ гимномъ: „коль славенъ," исполненнымъ мѣстными пѣвчими. Во время застольной бесѣды, членъ совѣта, лѣсничій, надворный совѣтникъ Г. Козыревъ, отъ имени церковнаго совѣта, благодарилъ его преосвященство и всѣхъ присутствующихъ гостей за участіе, которое они пожелали принять въ ихъ приходскомъ праздникѣ, и въ краткой рѣчи, проникшей всѣхъ сочувствіемъ, коснувшись обновленія церкви, исчислилъ тѣ трудности, какія преодолѣлъ совѣтъ какъ по недостаточности отпущенной суммы, такъ и по недоброжелательству р. католиковъ, употреблявшихъ всевозможныя происки и клеветы, чтобы замедлить и пріостановить успѣшно оканчиваемое благое дѣло. Къ концу обѣда, во время заздравнаго тоста въ честь Государя Императора, крестьянскіе мальчики пружанскаго народнаго училища согласно и стройно пропѣли русскій народный гимнъ съ акомпаниментомъ музыки, и громкое задушевное ура! за здравіе и благоденствіе возлюбленнѣйшаго Монарха, далеко огласило окрестность.

Въ 6-ть часовъ вечера его преосвященство, сопровождаемый напутственными пожеланіями, отправился въ Слонимскій уѣздъ.

Такъ совершилось освященіе березской церкви. Невѣста Христова предстоитъ нынѣ предъ Богомъ въ бѣлой одеждѣ, окаймленной зеленью развѣсистыхъ тополей и величественно высится глава Ея въ небесной лазури, посылая издалека благословеніе свое путнику. Умолкло ликованіе праздника; обыденная жизнь снова потекла своей колеей: но воспоминаніе о прошломъ торжествѣ глубоко запало въ душу безхитраго селянина. И долго будетъ повторяться разсказъ, переходя отъ отца къ сыну, объ освященіи Божьяго храма.

СЛОВО

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ПРИ ОСВЯЩЕНІИ БЕРЕЗСКОЙ ПЕТРО-ПАВЛОВСКОЙ ЦЕРКВИ.

Во имя Отца и Сына и св. Духа.

Плакалъ нѣкогда народъ израильскій и старѣйшины его, когда, по возвращеніи изъ плѣна вавилонскаго, Богъ сподобилъ ихъ

молиться въ новомъ храмѣ, плакалъ потому, что новопостроенный далеко уступалъ и несоотвѣтствовалъ величію и славѣ разрушеннаго храма Соломонова. Плакать и мнѣ хочется, мои возлюбленные, но—отъ радости и отъ умиленія сердца, при мысли, что эта святыня, обращенная фронтомъ къ громадному по—картезіянскому костелу, нѣкогда совмѣстившему въ себѣ богатство и искуство италіянской живописи и архитектуры, поставленная какъ бы для того, чтобы въ теченіи девяноста пяти лѣтъ испытать одно уничиженіе и отчужденіе меньшей сестры ея римской церкви, въ настоящемъ году преобразилась въ новый, если и уступающій въ богатствѣ велико-русскимъ, то въ сравненіи съ прошедшимъ, въ благолѣпный и приличный храмъ Господень. О, по истинѣ смѣло могу воскликнуть съ Пророкомъ: *велія слава храма сего послѣдняя, паче первыя.*

Какъ ни понятно храмъ этотъ говоритъ за себя, въ настоящее время, къ душевному моему прискорбію, я почти ничего не могу сказать вамъ о судьбѣ его въ теченіе вѣка. Лѣтопись этого уголка крайне бѣдна документами. Изъ неясныхъ записей и разсказовъ старожиловъ, я только то могу сообщить, что церковь эта построена 1772 года, издержками богатыхъ монаховъ картезіянскихъ, а главнымъ образомъ стараніемъ священника Даніила Сушинскаго. Не могу не отозваться съ похвальной стороны объ этомъ добромъ пастырѣ. Поступивъ на бѣдный приходъ съ высшимъ образованіемъ и исполняя должность профессора богословскихъ наукъ въ бывшемъ картезіянскомъ училищѣ, онъ удостоенъ былъ милостиваго вниманія монаховъ—обѣщанія за труды его построить для него каменный домъ. Но добрый пастырь, вмѣсто дома для себя, съ усиленными просьбами, позаботился о домѣ Божіемъ. Поступокъ, свидѣтельствующій объ истинномъ призваніи, ясно говоритъ намъ, что бывшее уніятское духовенство, насиліемъ вовлеченное въ злосчастную унію, охотнѣе желало молиться въ убогой церкви, чѣмъ въ богатыхъ и пышныхъ костелахъ и, всегда тяготясь оковами, возложенными на нихъ папскимъ латинствомъ, ожидало только вождя...., который бы утолилъ алчущую братію свою водами православнаго благочестія.

Внутренняго украшенія и приличнаго иконостаса церковь эта, кажется, ожидала до настоящаго времени, И удивительно; помѣщики, среднее сословіе и болѣе зажиточные крестьяне,—все это, совратившись изъ православія въ латинство, не только не пособляло, напротивъ фанатически преслѣдовало все право-

славное-русское. Малое число бѣдныхъ прихожанъ, подъ руководствомъ бѣднаго священника, едва влача жизнь въ борьбѣ нравственной и физической, не могло и задумывать объ украшеніи церкви. Сколько нуждъ самыхъ серіозныхъ, сколько оскорбленій самыхъ обидныхъ, сколько неправдъ самыхъ несправедливыхъ не только каждый русскій видѣлъ во очію своею, но и испыталъ на себѣ!

Но, братья и христіане, *древняя мимоидоша, се быша вся нова.* Прошли и для насъ времена тяжкія и неудобоносимыя. Да и къ чему воспоминаніями прошедшаго я буду опечаливать ваше сердце, когда мы въ настоящій нашъ церковный праздникъ имѣемъ столько причинъ къ радости? Не прошло трехъ лѣтъ послѣ мятежной бури, вихремъ пронесшейся надъ нашими глазами, мы и сами ожили: и сколько православныхъ храмовъ уже воздвигнуто въ литовскомъ краѣ, а сколько еще воздвигается и украшается во славу Божію, въ отраду и утѣшеніе всѣхъ истинныхъ поклонниковъ Отца Небеснаго! Благодареніе Богу, починка и нашей церкви уже кончена и молитвеннымъ священнодѣйствіемъ освящена въ жилище славы Божіей.

Такъ, христіане, радоваться и благодарить Бога, мы имѣемъ много побужденій. Храмъ нашъ возобновленъ щедротами Благочестивѣйшаго нашего Государя Императора Александра Николаевича; для освященія его, на первый кличь вашъ, не смотря на отдаленность путешествія и преклонность лѣтъ, подвигся маститый нашъ пастырь; раздѣлить радость по случаю праздника поспѣшили многіе представительныя лица. Не доказываетъ ли это, что Благочестивѣйшій нашъ Монархъ, облагодѣтельствовавшій васъ въ матеріяльномъ отношеніи, вмѣстѣ какъ нѣжнѣйшій отецъ радѣетъ и о спасеніи душъ вашихъ; не ясно ли говоритъ, что и вся православная Россія, безъ различія званій и состояній, смотритъ на васъ, какъ на своихъ братьевъ и во всемъ сочувствуетъ вашимъ интересамъ? Постарайтесь же на дѣлѣ оказаться достойными всѣхъ благодѣяній, оказываемыхъ вамъ, строгимъ исполненіемъ лежащихъ на васъ обязанностей по отношенію къ Богу и сему храму, пламенною любовію и непоколебимой вѣрностію къ великому нашему Монарху и отечеству, всегдашнимъ повиновеніемъ властямъ, поставленнымъ надъ вами. Вотъ условія, исполненіе которыхъ можетъ упрочить ваше благосостояніе и содѣлать васъ достойными сынами великой семьи русской.

Послѣ сего къ вамъ, И. В., и прочіе члены совѣта, обращаюсь

ъ словомъ живѣйшей моей благодарности. Ваше живое и дѣятельное участіе—труды и заботы въ дѣлѣ возобновленія и украшенія сего храма, даютъ мнѣ полное право — ваши дѣла представить другимъ въ урокъ и назиданіе, а мнѣ молитвенно пожелать, да крѣпнетъ въ васъ, во спасеніе ваше, святая вѣра такъ же, какъ крѣпко возобновленъ этотъ храмъ, да украшается душа ваша всѣми добродѣтелями христіанскими, какъ, при вашемъ усердіи и стараніи украшенъ этотъ домъ Божій.

Наконецъ слово мое и къ вамъ, присутствующіе здѣсь братія, именующіе себя католики. Вы не разъ уже слышали отъ меня и сами хорошо понимаете, что счастіе и благоденствіе каждаго народа состоитъ въ единствѣ вѣры, мыслей и убѣжденій. Не должно ли это вразумить васъ единеніемъ вѣры тѣснѣе соединиться съ вашими велико-русскими собратіями, чтобы быть вполнѣ вѣрноподданными великаго Царя русскаго, и единымъ сердцемъ и едиными устами прославлять Бога въ этомъ возобновленномъ храмѣ. Аминь.

Свящ. Ав. Горбацевичъ.

7.

Освященіе церкви св. Александра-Невскаго въ селѣ Кочищахъ.

Въ селѣ Кочищахъ, Минской губерніи, Мозырскаго уѣзда, въ 50-ти верстахъ отъ г. Мозыря, освящена была 2-го сего февраля православная двухъ — этажная деревянная церковь, во имя св. Александра-Невскаго, вновь перестроенная изъ римско-католическаго костела усердіемъ прихожанъ и приписанная, за неимѣніемъ при ней въ настоящее время особаго священника, къ ближайшей церкви въ селѣ Ремезахъ. Освященіе совершалъ, за болѣзнію мозырскаго благочиннаго, протоіерея Георія Тарнопольскаго, которому это дѣло поручено было епархіальнымъ начальствомъ, барбаровскій благочинный, священникъ мозырской Пятницкой церкви Іоаннъ Шенецъ, съ соборомъ священниковъ: мелешковичскаго вице - благочиннаго Луки Скородинскаго Якова Занцевича, ремезовско-кочищскаго Романа Гласко, михалковскаго Александра Орлова и кароменско-ельскаго Андрея Перепечи. Обрядъ освященія совершенъ былъ съ приличною торжественностію; часы и чтеніе изъ апостола читалъ михалковскій народный учитель г. Кулаковъ, съ такою сознательною отчетливостью, какую желательно было бы всегда замѣчать въ чтеніи нашихъ причетниковъ и

народныхъ учителей; при освященіи и въ божественной литургіи очень хорошо пѣли два хора, ремезовско кочищскій и королинско-ельскій, составленые изъ крестьянскихъ мальчиковъ-учениковъ, при пособіи мальчиковъ изъ скородниского училища, подъ непосредственнымъ дирижированіемъ отцевъ Гласко и Перепечи. Считаемъ неизлишнимъ сказать нѣсколько словъ о самой новоустроенной кочищской церкви и о торжествѣ по случаю ея освященія, дабы воздать подобающую честь усердствовавшимъ въ дѣлѣ ея обновленія и украшенія.

Село Кочищи, состоящее въ арендномъ завѣдываніи мозырскаго еврея Бахмана, находится въ глухой и лѣсистой мѣстности, окруженной болотами. Около 1848 года здѣсь построенъ былъ помѣщикомъ Гутерманномъ Пясецкимъ, безъ разрѣшенія начальства, красивый деревянный костелъ надъ усыпальницею, въ которой хоронимы были члены семейства помѣщика. Съ какою цѣлію онъ его построилъ, неизвѣстно; какъ бы то ни было, костелъ стоялъ, незаконнымъ и совершенно неумѣстнымъ образомъ, среди сплошнаго православнаго населенія, состоящаго болѣе чѣмъ изъ 860 душъ обоего пола. Что существованіе костела въ Кочищахъ не обходилось безъ посягательствъ на православіе со стороны латино-польской пропаганды, объ этомъ можно судить потому, что еще въ 1860 и 1861 годахъ, въ домѣ помѣщика, дѣти православныхъ крестьянъ обучаемы были польскимъ молитвамъ. Костелъ этотъ построенъ былъ при содѣйствіи православныхъ крестьянъ, которые доставляли и матеріалы для зданія, и содержаніе для рабочихъ, бывъ обнадежены помѣщикомъ, что, въ вознагражденіе за это, онъ исправитъ имъ ветхую православную церковь, существовавшую тогда въ Кочищахъ. Въ 1859 г. церковь эта сгорѣла, и крестьяне, надѣясь на обѣщанную помѣщикомъ помощь въ дѣлѣ устройства для нихъ церкви, обратились къ нему съ просьбою о содѣйствіи имъ въ постройкѣ для нихъ вновь православной церкви; но помѣщикъ забылъ о своихъ обѣщаніяхъ и уклонялся отъ построенія церкви, не смотря на всѣ просьбы и домогательства крестьянъ. Между тѣмъ вспыхнулъ польскій бунтъ; построенный помѣщикомъ, въ отдаленной и глухой мѣстности, костелъ сдѣлался удобнымъ сборнымъ пунктомъ для людей, желавшихъ скрыть свои дѣйствія и по ночамъ распѣвавшихъ въ немъ революціонные гимны. Съ октября 1864 г., со времени упраздненія кимбаровскаго (вблизи г. Мозыря) монастыря ордена цестеровъ, къ приходу котораго принадлежалъ кочищскій костелъ,

богослуженіе въ немъ прекратилось. Да и для кого было совершать его, когда во всемъ селѣ, кромѣ помѣщицы съ сыномъ, кузнеца и солдатки, не насчитывалось ни одного римско-католика? Оскверненный мятежными демонстраціями костелъ, оставленъ былъ въ такомъ примѣрномъ небреженіи, что въ нижнемъ этажѣ его жидъ тайно держалъ и продавалъ водку. 5-го марта прошлаго года, костелъ былъ наконецъ законнымъ порядкомъ закрытъ, и въ тотъ-же день крестьяне единодушно составили приговоръ о безотлагательномъ устройствѣ, въ упраздненномъ зданіи костела, православной церкви во имя св. Александра Невскаго, въ ознаменованіе своей преданности къ особѣ Царя-Освободителя. Желаніе ихъ теперь исполнилось.

Отрадно сказать, что въ дѣлѣ закрытія костела въ Кочищахъ, кромѣ властей, принимали живѣйшее участіе сами кочищскіе крестьяне. Такъ, въ короткое время поднялся русскій духъ загнаннаго здѣшняго полѣшука! На имѣвшіеся по сгорѣвшей въ 1859 г. кочищской церкви 200 руб. и на пожертвованныя самими крестьянами особо деньги, тотчасъ по закрытіи костела, приступлено было комитетомъ, составившимся изъ благочиннаго, протоіерея Тарнопольскаго, начальника уѣзднаго жандармскаго управленія, маіора Вилля и мѣстнаго приходскаго священника Гласко съ церковнымъ совѣтомъ, къ устройству православной церкви въ упраздненномъ зданіи костела,—составленъ былъ планъ иконостаса, съ употребленіемъ оставленныхъ рамъ отъ римско-католическихъ алтарьковъ, пріисканы были мастера изъ мѣщанъ, такъ рѣдкіе въ нашей мѣстности, заключены были съ ними контракты на починку церкви, покраску ея снаружи и внутри, на устройство иконостаса и написаніе иконъ. Нижній этажъ зданія прихожане предполагаютъ передѣлать со временемъ также въ церковь, во имя святителя Николая Чудотворца. Наблюденіе за приведеніемъ всѣхъ этихъ проектовъ въ исполненіе, по просьбѣ о. благочиннаго и церковнаго совѣта, принялъ на себя г. начальникъ мозырскаго жандармскаго управленія, корпуса жандармовъ маіоръ Вилль. И вотъ въ настоящее время, въ верхнемъ этажѣ бывшаго костела, устроена освященная нынѣ церковь во имя св. Александра-Невскаго, дѣлающая честь и примѣрному усердію прихожанъ, и распорядительности г. маіора, который, съ свойственною ему энергіей, ускорилъ дѣло перестройки костела въ церковь и самъ,

не смотря на свою болѣзнь, неоднократно ѣздилъ въ Кочнщи и слѣдилъ лично за всѣми работами.

Особаго вниманія въ церкви заслуживаетъ иконостасъ, отличающійся необыкновеннымъ изяществомъ рѣзьбы и иконописанія. Рѣзьбу и позолоту производилъ мозырскій мѣщанинъ Песемскій а иконы писалъ, съ оригиналовъ мозырской соборной церкви, подъ наблюденіемъ отца протоіерея, сначала мѣщанинъ Майковъ, а по смерти его проживающій въ селѣ Лельчицахъ (Мозырскаго уѣзда) мѣщанинъ Шукановъ. Такъ устроенъ изъ ничего почти самый изящный иконостасъ, какого не имѣетъ ни одна изъ окрестныхъ сельскихъ церквей. Жаль только, что въ церкви недостаетъ одного изъ главныхъ украшеній—паникадила, на покупку котораго у крестьянъ, при всемъ ихъ усерейи, недостаетъ средствъ. Наши купцы, торгующіе въ этомъ краю, сдѣлали бы очень христолюбивое и богоугодное дѣло, если бы помогли съ своей стороны кочищскимъ крестьянамъ присылкою въ ихъ церковь этого недостающаго въ ней, украшенія.

Прилагаемъ при семъ, для общаго свѣдѣнія, опись расходовъ и пожертвованій, сдѣланныхъ по настоящее время, на устроеніе кочищской церкви.

На перестройку церкви и устройство въ ней иконостаса употреблено: 200 руб. изъ церковной суммы, оставшейся послѣ сгорѣвшей въ 1859 г. церкви, и 284 руб. изъ суммы, пожертвованной прихожанами. Прихожанами же куплены, на 214 р. 82 $^1/_4$ к., слѣдующія вещи: а) колоколъ въ 3 пуда, колоколъ въ 1-нъ пудъ 23 фунта и колоколъ въ 1-нъ пудъ, итого 5 п. 23 фун., на 117 руб. 7$^2/_8$ коп., б) 10 аршинъ золотой парчи на ризу, 23 р. в) крестъ и кустодіи, 1 руб. 50 коп., г) 2 напрестольные подсвѣчника накладнаго серебра, 23 руб., д) кропило, 50 коп., е) кадильница накладнаго серебра, 2 руб. 50 коп., ж) иконы къ царскимъ вратамъ, съ позолоченными ризами, 5 руб., з) ковшикъ для теплоты накладнаго серебра, позолоченный внутри, 2 руб., и, стальное копье съ ручкою изъ слоновой кости, і) мѣдный кувшинъ съ тазомъ, 3 р., к) большія накладнаго серебра лампады, 11 р., л) лампады же накладнаго серебра, меньшаго размѣра, 9 р., м) лампады же накладнаго серебра, меньшаго размѣра, къ царскимъ вратамъ, 2 р. 25 коп., н) всенощное блюдо, накладнаго серебра, съ полнымъ къ нему приборомъ, 14 р. Староста Ѳедоръ Копачъ пожертвовалъ праздничный ручной крестъ и празднич-

ное евангеліе, въ богатомъ малиновомъ бархатномъ переплетѣ и золотой оправѣ, пожертвовано крестьяниномъ той же деревни Емельяномъ. Неизвѣстнымъ лицемъ пожертвованы: катапетасма, престольное облаченіе, пелена на престолъ, три воздуха къ св. сосудамъ, шесть стѣнныхъ позолоченныхъ канделабровъ и четыре стальныхъ прибора къ четыремъ лампамъ.— Изъ этого перечня христолюбивые жертвователи могутъ видѣть, что церковь имѣетъ и въ чемъ она нуждается.

По освященіи церкви, на божественной литургіи, послѣ причастнаго стиха мѣстный священникъ, отецъ Романъ Гласко, сказалъ поученіе, которое слушаемо было съ такимъ общимъ и единодушнымъ вниманіемъ, что, во все продолженіе проповѣди, въ церкви, переполненной народомъ, не слышно было ни малѣйшаго шороха. Положивъ въ основаніе своей проповѣди мысль о благоговѣйномъ усердіи къ храму Божію, данномъ въ примѣрѣ царя Давида, пастырь, обращаясь съ своимъ духовнымъ чадамъ, похвалилъ ихъ за ихъ собственное усердіе, доказанное ими построеніемъ церкви, при чемъ сказалъ что бревна, изъ которыхъ она построена, и масло употребленное на ея покраску, они доставляли нѣкогда для костела, въ надеждѣ имѣть обновленную православную церковь, но, по своеволію не признающихъ ея людей, надежды эти доселѣ оставались неисполненными; православные христіане скорбѣли и молились вмѣстѣ съ своимъ пастыремъ, и Господь услышалъ ихъ молитвы: когда своеволіе мятежниковъ дошло наконецъ до того, что они не устыдились осквернить этотъ храмъ революціоннымъ пѣніемъ, тогда Богъ отнялъ его у нихъ и передалъ его достойнѣйшимъ. На этомъ мѣстѣ поученіе пастыря было необыкновенно интересно. Изложивъ, такимъ образомъ, вкратцѣ, исторію кочищскаго храма, проповѣдникъ обратился съ благодарнымъ словомъ къ г. начальнику мозырскаго жандармскаго управленія.—Затѣмъ проповѣдникъ, снова принимаясь за прерванную на минуту нить поученія, весьма краснорѣчиво и вразумительно развилъ мысль о святости и важности храма Божія, увѣщевая своихъ прихожанъ достойнымъ образомъ воспользоваться его обладаніемъ, и заключилъ поученіе молитвеннымъ обращеніемъ къ Богу, да пребываетъ благодать и милость Его вѣчно на храмѣ семъ и на всѣхъ молящихся въ немъ.

По окончаніи божественной литургіи, о. вице-благочиннымъ Лукою Смородскимъ прочтено было въ церкви пастырское посла-

ніе къ кочищскихъ прихожанамъ мозырскаго благочиннаго, протоіерея Георгія Тарнопольскаго, въ которомъ отецъ благочинный, объясняя невозможность быть ему самому при освященіи кочищскаго храма, по случаю тяжкаго недуга, поздравлялъ прихожанъ съ исполненіемъ задушевнаго ихъ желанія имѣть у себя храмъ Божій и, похваливъ ихъ за любовь къ церкви Божіей, поставлялъ такое усердіе ихъ въ этомъ отношеніи въ примѣръ другимъ. Это выраженіе справедливаго вниманія достоуважаемаго о. протоіерея къ усердію и трудамъ кочищскихъ прихожанъ очевиднымъ образомъ порадовало ихъ.

По прочтеніи этого посланія, діаконъ мозырской соборной церкви Стефанъ Глыбовскій провозгласилъ многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему Дому, св. Синоду и архіепископу минскому Михаилу, всѣмъ сочувствовавшимъ и содѣйствовавшимъ обновленію храма и всѣмъ православнымъ христіанамъ.

По окончаніи божественной литургіи, всѣ чиновные посѣтители, приложившись къ кресту, отправились въ домъ кочищской экономіи, гдѣ приготовленъ былъ для нихъ нескудный пріемъ.

При торжествѣ освященія кочищской церкви и на божественной литургіи присутствовали: начальникъ мозырскаго уѣзднаго жандармскаго управленія корпуса жандармовъ маіоръ А. А. Вилль съ супругою, трое изъ штата мозырской гимназіи, инспекторъ народныхъ училищъ минской губерніи Г. И. Кулжинскій, усердно заботившійся о соблюденіи порядка между учениками народныхъ училищъ во время крестнаго хода и наблюдавшій, чтобы они шли по-парно, уѣздный исправникъ, Мищенко, помощникъ исправника Лопушинскій, засѣдатель полицейскаго управленія Кольчевскій, мировой посредникъ 1-го участка Цѣнинъ, бывшій городской голова И. К. Сайковскій, городской голова Олещенко, членъ думы Марцинкевичъ, секретарь Свириденко, бухгалтеръ Яниславскій, судебный слѣдователь Матросовъ, стряпчій Маркіановичъ, почтмейстеръ Семеновъ, засѣдатель уѣзднаго суда Козловъ, секретарь полицейскаго управленія Хоецкій, смотритель городской больницы Гласко, смотритель острога Бугаевскій, трое ротныхъ командировъ и докторъ 123-го пѣхотнаго козловскаго полка и трое помѣщиковъ. Чиновничество было въ полной парадной формѣ. Народъ, въ праздничномъ одѣяніи, стекся на торжество въ такомъ количествѣ, что не могъ вмѣщаться въ церкви и многимъ пришлось

[illegible]ить въ саду кочищской экономіи, въ которомъ церковь эта [illegible]строена.

Кочищскіе прихожане озаботились принятіемъ посѣтителей изъ [illegible]ѣзднаго чиновничества, приготовивъ для нихъ и помѣщеніе въ [illegible]омѣ экономіи, н завтракъ, и экипажи на обратный путь для не[illegible]имѣющихъ экипажей. Предъ начатіемъ завтрака, г. начальникъ [illegible]ѣзднаго жандармскаго управленія вышелъ къ собравшемуся предъ [illegible]омомъ экономіи народу и, поднявъ чарку водки, приготовленной [illegible]ля народа, провозгласилъ тостъ „за здравіе Его Величества; гром[illegible]ое и задушевное „ура!" было отвѣтомъ народа на этотъ тостъ. [illegible]слѣдъ затѣмъ онъ же провозгласилъ тостъ „за процвѣтаніе пра[illegible]вославія." И этотъ тостъ, предложенный какъ нельзя болѣе кста[illegible]и, принятъ былъ торжествующимъ народомъ съ тѣмъ же выра[illegible]женіемъ полнѣйшаго сочувствія и радости. Затѣмъ г. исправляю[illegible]щій должность инспектора мозырской гимназіи, Е. Д. Доброволь[illegible]скій, поднявъ чарку и поздравивъ православный народъ съ счаст[illegible]ливымъ и прекраснымъ окончаніемъ постройки храма, бывшей [illegible]предметомъ ихъ давнихъ задушевныхъ желаній и, пожелавъ ихъ [illegible]дѣтямъ православно-русскаго образованія, возгласилъ тостъ „за [illegible]здравіе православнаго народа," на что снова раздалось единодуш[illegible]ное „ура!"; потомъ поздравили народъ духовенство и другіе при[illegible]сутствовавшіе при торжествѣ. Между тѣмъ, предъ домомъ эконо[illegible]міи, явилась скрипка и бубенъ, и ликующій народъ пустился въ [illegible]пляску, безъ малѣйшаго однако нарушенія приличія.

Послѣ завтрака, въ залу введены были ремезовско-кочищскіе [illegible]дѣти и, по требованію гостей, пропѣли нѣсколько разъ гимнъ „Боже, Царя храни" и извѣстную пѣсню:

Да здравствуетъ нашъ Царь,
Нашъ добрый Государь!
И тѣломъ и Душей
Мы вѣрные Его и т. д.

Восхищенные этимъ пѣніемъ гости обласкали бѣдныхъ дѣтей и одарили деньгами. По справедливости, нельзя не отдать чести отцу Роману за стройное пѣніе мальчиковъ, а также и отцу Андрею за его хоръ. Пѣніе этихъ дѣтей несомнѣнно дѣйствуетъ на крестьянъ самымъ благотворнымъ образомъ, и даже вѣрнѣе иныхъ проповѣдей, не всегда доступныхъ ихъ простому уму. При пѣніи этой пѣсни присутствовали и римско-католики. Трудно было уга-

дать, какое впечатлѣніе она произвела на нихъ; но они слушали ее со вниманіемъ. Дай Богъ, чтобы торжество 2-го февраля оставило въ душахъ всѣхъ одинаковыя чувства мира и искренняго согласія, чтобы наконецъ забыто было все, чѣмъ разрушается наше общее благо на потѣху и радость общихъ нашихъ враговъ.

Такъ совершилось и кончилось торжество освященія церкви въ с. Кочищахъ, которое, вѣроятно, у всѣхъ, присутствовавшихъ при немъ, оставило по себѣ одно изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній.

Надобно полагать, что, по освященіи этой церкви, епархіальное начальство озаботится устроить изъ нея особую, а не приписную только къ с. Ремезамъ, церковь и назначить къ ней особаго священника, какъ это было прежде; иначе въ ново-освященной церкви, безъ особаго при ней священника, богослуженіе будетъ совершаться не такъ часто, какъ желаютъ того, и въ правѣ желать, ея прихожане.

Не можемъ не упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, случившемся съ нами на обратномъ пути изъ с. Кочищъ. Мы желали посѣтить въ с. Ельскѣ отца Андрея и, полагая, что ближайшій къ церкви домъ принадлежитъ ему, попали—въ жидовскую корчму, справляющую шабашъ. Въ XII т. св. зак., ч. I. изд. 1857 г., уст. стр., ст. 457 постановлено: „не должно у тѣхъ площадей, на коихъ находятся церкви, имѣть питейные дома; „ст. 438:“ питейные домы на большихъ улицахъ должны быть отъ церквей не ближе, какъ въ сорока саженяхъ.“ Признается ли это постановленіе обязательнымъ въ с. Ельскѣ, гдѣ старая церковь и старая корчма стоятъ одна отъ другой на разстояніи едва ли большемъ и 15-ти саженей?

Кириллъ Мысовскій.

г. Мозырь,
6 февраля 1868 г.

(Сообщено редакціи Вѣст. запад. Рос.)

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

О ВЛАДѢЛЬЧЕСКИХЪ ГОРОДАХЪ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Въ „Кіевл." пишутъ: „Край нашъ — единственная, можетъ быть, въ Европѣ мѣстность, „въ которой уцѣлѣли обломки такъ вредно дѣйствовавшаго на свободное развитіе городскаго сословія средневѣковаго феодализма, завѣщанные переходнымъ временемъ польскаго господства. „Со времени существованія нашей газеты мы не разъ указывали въ ней на аномалію существованія *владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ въ юго-западномъ краѣ.* Въ трехъ юго - западныхъ губерніяхъ находится 8 владѣльческихъ городовъ (Бердичевъ и Липовецъ въ Кіевской губ.; Дубно, Ровно, Заславъ, Староконстантиновъ и Острогъ въ Волынской губ., и Ямполь въ Подольской) и 339 мѣстечекъ (въ Кіевской 109, въ Волынской 129 и въ Подольской 101). Нѣкоторыя изъ этихъ мѣстечекъ не только равняются по значенію съ уѣздными городами, но даже далеко превосходятъ ихъ: чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сравнить мѣстечки Бѣлую-Церковь, Немировъ, Славуту, Ярмолинцы—съ такими уѣздными городами, какъ напр. Таращa или Липовецъ. Что же касается до казенныхъ мѣстечекъ, то число ихъ гораздо ничтожнѣе числа владѣльческихъ: всѣхъ ихъ 64 (въ Кіевской губ. 13, въ Волынской 27,въ Подольской 24). Для русскаго уха,для жителей центральной Россіи, странно звучатъ слова „владѣльческій городъ." Существованіе этихъ остатковъ чуждаго феодализма ничѣмъ не оправдывается и не имѣетъ никакого смысла, кромѣ развѣ продленія господства въ краѣ польскаго шляхетства. Помѣщичьи города тѣмъ страннѣе видѣть въ юго-западномъ краѣ, что въ царствѣ Польскомъ, 28-го октября 1866 г., они уже уничтожены. Мысль о снятіи съ городской собственности юго-западнаго края ярма, наложеннаго на нее феодальнымъ произволомъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ, занимаетъ главную мѣстную администрацію уже два года. Въ настоящее время, какъ намъ передавали изъ вѣрнаго источника, предположено, приступивъ къ собранію подробныхъ свѣдѣній о городскихъ поселеніяхъ, просить объ устройствѣ особой коммиссіи, для составленія проекта преобразованія городовъ и мѣстечекъ западнаго края. Городское хозяйство, находящееся въ доволь-

ю неудовлетворительномъ состояніи, и преобразованіе городоваго управленія, нынѣ, какъ извѣстно, выработываемое для городовъ имперіи вообще, едва ли не потребуетъ особыхъ видоизмѣненій для городовъ нашего края. Всѣ они, исключая быть можетъ одинъ Кіевъ, имѣютъ такое преобладаніе польскаго и еврейскаго элементовъ, что необходимо общественное управленіе въ нихъ, до поры до времени, устроить такъ, чтобы преобладающіе элементы не могли захватить въ нихъ городское хозяйство, въ ущербъ и безъ того едва замѣтному православному—русскому элементу.

(Совр. Лѣт.)

ЕЩЕ ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВСЕПОДДАННѢЙШАГО ОТЧЕТА ОБЕРЪ-ПРОКУРОРА СВ. СИНОДА ЗА 1866 Г.

Церковныя Приходскія Школы.

Дѣятельность православнаго духовенства на поприщѣ народнаго образованія была продолжаема и въ 1866 году. Къ первой половинѣ этого года состояло 19,436 церковно-приходскихъ школъ съ 383,181 учащимися обоего пола.

Изъ общаго числа учащихся болѣе одной трети приходится на семь православныхъ епархій западнаго края и на епархію рижскую, а именно 144,893. Самое большое количество школъ заведено въ трехъ югозападныхъ губерніяхъ: здѣсь обучалось въ 3,763 школахъ 86,175 дѣтей. Изъ нихъ около половины, 39,820, слѣдовательно болѣе 4/10 общаго числа учащихся, принадлежатъ къ кіевской епархіи. Подъ просвѣщеннымъ и неутомимо бдительнымъ руководствомъ преосвященнаго митрополита кіевскаго Арсенія, дѣло народнаго образованія съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ большіе успѣхи. Въ теченіе 1866 года число учащихся въ школахъ, содержимыхъ духовенствомъ, увеличилось въ его епархіи почти на 5 т. Многія школы переполнены учащимися; число обучающихся въ церковно-приходскихъ школахъ г. Кіева значительно уже превысило число учениковъ въ народныхъ училищахъ учебнаго округа; въ училищѣ Притиско-Николаевской церкви обучалось 115, Цареконстантиновской 27 и Новостроенской 187 дѣтей бѣднѣйшихъ жителей. Въ м. Корсунѣ обучалось 73 мальчика и 27 дѣвочекъ; въ Млѣевѣ 115 мальч. и 18 дѣвоч.; въ с. Рассавѣ 75 мальч. и 25 дѣвоч.; въ Доброй 100 мальч. и 50 дѣвочекъ.

Высоко возбужденная любовь къ ученію отъ дѣтей переходитъ и къ взрослымъ крестьянамъ: въ праздничные и воскресные дни они собираются въ школу, въ послѣобѣденное время, для изученія грамоты. Число таковыхъ въ селѣ Доброй простирается до 73 лицъ отъ 16 до 40 лѣтняго возраста.

Послѣ западныхъ епархій сравнительно успѣшнѣйшее развитіе церковно-приходскихъ школъ достигнуто въ епархіяхъ: херсонской, екатеринославской, черниговской и смоленской.

Обученіе въ приходскихъ школахъ, кромѣ священнослужителей и причетниковъ, возложено на воспитанниковъ семинарій. Но тамъ, гдѣ, какъ въ нѣкоторыхъ приходахъ петербургской епархіи, было по два по три и болѣе училища на приходъ, обучали и свѣтскія лица православнаго исповѣданія, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства. Законоучительскую же должность всегда исполняли священники или діаконы. Въ большинствѣ училищъ мальчики и дѣвочки обучались вмѣстѣ. Но въ иныхъ епархіяхъ заведены и отдѣльныя школы для дѣвочекъ, гдѣ наставницами состоятъ жены и дочери священнослужителей и многія изъ воспитанницъ училищъ дѣвицъ духовнаго званія. Во многихъ школахъ, напримѣръ, въ епархіяхъ минской, олонецкой, петербургской, тобольской, онѣ учатъ дѣвочекъ, кромѣ предметовъ начальныхъ народныхъ училищъ, и разнымъ женскимъ рукодѣльнымъ работамъ.

Надзоръ за учебнымъ и религіозно нравственнымъ состояніемъ школъ лежитъ на обязанности мѣстныхъ благочинныхъ. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, какъ-то: въ кіевской, тульской, завѣдываніе школами поручено преосвященными особымъ священникамъ—наблюдателямъ. Для управленія школами кіевской епархіи учрежденъ, сверхъ того, при тамошней консисторіи особый педагогическій совѣтъ изъ ректора семинаріи, 3 протоіереевъ и смотрителя кіево-софійскаго духовнаго училища. Не ограничиваясь симъ, преосвященные сами постоянно наблюдали за дѣятельностью духовенства, давали ей надлежащее направленіе, а при дѣлаемыхъ ими обозрѣніяхъ епархіи не опускали случая посѣщать училища, производили испытанія учениковъ и ученицъ и такимъ образомъ лично удостовѣрялись въ степени усердія духовенства и въ успѣшности учащихся.

По свидѣтельству преосвященныхъ, учебное состояніе школъ находится въ довольно удовлетворительномъ положеніи, судя по тѣмъ ничтожнымъ средствамъ, какими располагаетъ духовенство. Кромѣ чтенія, письма, изученія нужнѣйшихъ церковныхъ молитвъ, краткой св. исторіи, катихизиса и первыхъ правилъ ариѳметики, въ нѣкоторыхъ школахъ преподавались и начала грамматики, читались книги, относящіяся до сельскаго хозяйства, естественной исторіи и географіи. Церковное пѣніе также болѣе и болѣе входитъ въ кругъ пред-

метовъ обученія: при многихъ церквахъ кіевской, подольской и другихъ епархій устроены прекрасные сельскіе хоры изъ учениковъ церковно-приходскихъ школъ.

Давая начальное умственное образованіе, школы вмѣстѣ съ тѣмъ служили съ большимъ успѣхомъ и религіозно-нравственному развитію и направленію учащихся. Преосвященный могилевскій свидѣтельствуетъ, что при помощи распространяющейся грамотности въ его епархіи, подростающее поколѣніе народа преимуществуетъ предъ старшимъ въ знаніи символа вѣры, заповѣдей и молитвъ. Изъ отчета олонецкаго преосвященнаго усматривается, что дѣти, наставляемыя въ церковныхъ училищахъ въ истинахъ вѣры и христіанской дѣятельности, стараются осуществить ихъ и въ собственной жизни, усердно и часто посѣщаютъ храмъ Божій; при чемъ нѣкоторые участвуютъ въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ; въ домахъ, вмѣсто площадныхъ игръ и пѣсень, занимаются чтеніемъ книгъ или пѣніемъ церковныхъ пѣснопѣній; считаютъ непремѣнною обязанностію исполненіе христіанскаго долга исповѣди и св. причастія. Такое настроеніе учащихся имѣетъ весьма благодѣтельное вліяніе на самыя семейства, къ которымъ они принадлежатъ. Обучающіяся въ церковно-приходскихъ училищахъ дѣти раскольниковъ болѣе сближаются съ духовенствомъ, пріобрѣтаютъ правильныя понятія о православной церкви и навыкъ посѣщать храмъ Божій, чрезъ что и сами родители, менѣе упорные, начинаютъ оказывать болѣе уваженія къ православному духовенству.

Матеріяльное положеніе церковновно-приходскихъ школъ далеко необезпечено. Не говоря о кіевской епархіи, гдѣ въ этомъ отношеніи сдѣлано болѣе, чѣмъ въ другихъ епархіяхъ, духовенство, за рѣдкими исключеніями, не только обучаетъ въ сихъ школахъ безмездно, или безъ опредѣленнаго вознагражденія, но по большей части само же должно удѣлять на нихъ изъ собственныхъ скудныхъ средствъ. Школы по большей части помѣщаются въ домахъ духовныхъ лицъ, изъ которыхъ многіе устроили для сего на собственный счетъ особыя помѣщенія; многія школы снабжаются на счетъ же священниковъ и учебными пособіями; наконецъ значительное число школъ получаютъ отъ священно-церковнослужителей все свое содержаніе; по одной харьковской епархіи такихъ школъ 18. Столь безкорыстная дѣятельность могла бы быть въ высшей степени благотворна, если бы само духовенство было достаточно обезпечено, и еслибъ, съ другой стороны, сельское населеніе повсюду съ должнымъ участіемъ относилось къ дѣлу своего просвѣщенія. Къ сожалѣнію, имѣющіяся отъ многихъ епархіяльныхъ преосвященныхъ свѣдѣнія показываютъ, что простой народъ, мало понимая существенную пользу отъ обученія, съ равнодушіемъ и небреженіемъ

смотритъ на церковно-приходскія школы, неохотно отдаетъ въ нихъ своихъ дѣтей и не принимаетъ на себя заботы объ обезпеченіи содержанія училищъ, ссылаясь на свои собственныя нужды или даже на то, что дѣти не имѣютъ времени ходить въ школу, будучи заняты домашними сельскими работами. Духовенство, послѣ многолѣтнихъ своихъ трудовъ на пользу народнаго образованія, не найдя для себя никакой поддержки въ своихъ прихожанахъ, и будучи само крайне стѣснено въ средствахъ къ жизни, стало ослабѣвать въ своей энергіи. Со стороны же святѣйшаго синода не можетъ быть оказано церковно-приходскимъ школамъ необходимаго пособія по неимѣнію на это въ его распоряженіи денежныхъ средствъ. Прискорбнымъ послѣдствіемъ сего было уменьшеніе въ 1866 году школъ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ. Впрочемъ были и другія тому причины. Такъ, въ тульской епархіи на сокращеніе числа сельскихъ школъ вредно вліялъ неурожай 1865 года; крестьяне не могли затрачивать на училища и той ограниченной суммы, которую они удѣляли въ прежніе годы; дѣти ихъ, вмѣсто училищъ, отдавались въ заработки. Въ костромской епархіи, вслѣдствіе умноженія училищъ при волостныхъ правленіяхъ, закрыты многія церковно-приходскія школы, какъ не нужныя. Въ полоцкой епархіи нѣкоторыя изъ школъ этого рода поступили въ вѣдомство министерствъ государственныхъ имуществъ и народнаго просвѣщенія, а другія, оставясь въ епархіяльномъ вѣдомствѣ, слились одна съ другой.

О НАЗВАНІИ КІЕВСКОЙ РУСИ РОССІЕЙ.

Не очень давно было толкованіе о томъ, будто кіевская и вся западная *Русь* не называлась *Россіей* до ея присоединенія къ Руси восточной; будто и названіе *Малой Россіи* или *Малороссіи* придано кіевской Руси уже по соединеніи ея съ Русью великою или московскою. Чтобы уничтожить навсегда этотъ несправедливый и не-русскій толкъ, надо обратить его въ историческій вопросъ: когда въ Кіевѣ и въ другихъ западно-русскихъ областяхъ своенародныя имена *Русь, Русскій*, начали замѣнять, по греческому произношенію ихъ, именами *Россія, Россійскій?*

Отвѣтъ: съ девяностыхъ годовъ XVI-го вѣка, въ правленіе короля Сигизмунда III-го, то есть, вскорѣ послѣ того, какъ земля кіевская и все княжество литовское были присоединены къ Польшѣ, на люблинскомъ сеймѣ 1569 года.

Основаніемъ такого отвѣта служатъ тоговременные акты письменные и книги, печатанныя въ разныхъ областяхъ рус-

скихъ, присоединенныхъ къ Польшѣ. Приведу свидѣтельства тѣхъ и другихъ.

1) Вотъ *первая* книга, напечатанная въ Кіевѣ, въ типографіи печерской лавры — *Часословъ*, 1617 года. Въ предисловіи къ ней іеродіакона Захарія Копыстенскаго сказано: „Се, правовѣрный христіанине и всякъ благоговѣнный читателю, отъ нарочитыхъ мѣстъ въ *Россіи* кіевскихъ, сирѣчь лавры печерскія....“

2) Въ послѣсловіи къ *Анѳологіону*, изданному 1619 года, типографъ Памво Берында говоритъ къ читателю о лаврѣ печерской: „ее убо приноситъ ти... матеръ твоя *въ Россіи Малой.*“

3) Въ *Поученіяхъ св. Дороѳея*, напечатанныхъ 1628 года, лаврскій намѣстникъ Филоѳей Кизаревичь съ братіей говорятъ, что сія книга издана въ общую пользу „великаго и славнаго *народа Россійскаго* и прочіихъ народовъ пресладчайшаго языка славенска.“

4) Основательница кіевскаго богоявленскаго братства, Анна Гулкевичевна Лозкина, въ своей записи о томъ 1615 года, говоритъ, что она учреждаетъ его — „правовѣрнымъ и благочестивымъ христіаномъ *народу россійскаго*, въ повѣтехъ воеводствъ кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго будучимъ.“

5) Въ „реестрѣ братскомъ,“ тогда же начатомъ, сказано: „Начинаемъ сіе душеспасительное, друголюбное братство церковное въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ..... на утѣшеніе и утвержденіе въ благочестіи *нашему Россійскому роду*“ и т д.

6) А вотъ еще стихъ изъ *Вѣршей* ректора кіевобратской школы, Кассіана Саковича, на погребеніе гетмана Петра Конашевича—Сагайдачнаго, напечатанныхъ 1622 года:

„Зоставивши теды намъ святыню въ *Россіи.*“

7) Окружная грамота, напечатанная въ Кіевѣ 1629 года, начинается такъ: „Іовъ Борецкій, милостію Божіею архіепископъ митрополитъ Кіевскій, и Галицкій и *всея Россіи*, всѣмъ посполитого *Россійскаго рода*, такъ въ коронѣ польской, яко и у великомъ князствѣ литовскомъ, всякого достоинства, духовного и свѣтцкого, высокого [illegible] и низшого посполитого стану людемъ...“

Но довольно о Кіевѣ; обратимся къ землѣ Галицкой.

8) Тамъ львовское братство въ своей типографіи прежде всего издало *Грамматику*, 1591 года, въ наставленіе „многоименитому *Россійскому* роду.“ Въ ней упоминается о пришествіи патріарха Іереміи „во страны *Россійскія*;“ митрополитъ кіевскій и галицкій Михаилъ (Рагова) именуется „архіепископомъ всея *Россіи*.“

9) Того же 1591 года львовское братство обращалось въ Москву къ царю Ѳеодору Ивановичу, съ просительными посланіями, въ которыхъ именуютъ его „свѣтлымъ царемъ

Российским,“ вспоминают „князя Владиміра, крестившаго весь *Россійскій* родъ“ и т. п.

10) Минуя другіе акты и книги, назову еще *Октоихъ*, изданный—во Львовѣ 1630 года; тамъ сказано въ посвященіи о братствѣ—„въ градѣ Леондополи *Мамия Россіи*.

Въ землѣ волынской находимъ тоже.

11) Въ числѣ книгъ, напечатанныхъ въ Острогѣ, извѣстна *Книга Василія Великаго* (о постничествѣ), изданная 1594 года. Въ ея предисловіи встрѣчается такое выраженіе: „вы же, о православный *Россійскій народе!*“

12) Въ мѣстечкѣ Рохмановѣ, принадлежавшемъ княгинѣ Иринѣ Вишневецкой, Кириллъ Трaнквиліонъ — Ставровецкій напечаталъ 1619 года свое *Евангеліе учительное*. Въ одномъ предисловіи говоритъ онъ: „ревностію поревновахъ о спасеніи братіи моей, рода моего *Россійскаго*.“ Въ другомъ предисловіи встрѣчается выраженіе: „по всей *земли Россійской*.“

Такое же употребленіе имени „Россія, Россійскій“ было тогда и на сѣверо-западѣ русскомъ.

13) Въ столичномъ городѣ литовскаго княжества Вильнѣ, гдѣ была долго и резиденція митрополитовъ кіевскихъ, Михаилъ Рагоза первый изъ нихъ сталъ писать въ своемъ титулѣ: „всея *Руссіи*“ или „всея *Россіи*,“ — какъ это видно изъ подлинныхъ актовъ 1590 — 1599 годовъ. Такъ продолжалъ писать и его преемнисъ, уніатскій митрополитъ Ипатій Потѣй, въ 1600 — 1608 годахъ. А прежніе митрополиты кіевскіе, бывшіе до Михаила Рагозы, писали: и всея *Руси* или „всея *Русіи*.“ Такъ писали въ своемъ титулѣ и московскіе митрополиты, бывшіе до учрежденія патріаршества въ Москвѣ. Первый патріархъ московскій Іовъ писалъ уже: „и всея *Росіи*“ (въ 1589—1586 годахъ).

14) Въ предисловіи къ *Евангелію учительному* патріарха Каллиста, напечатанному 1616 года въ Євю, коштомъ Богдана Огинскаго, сказано, что русскій переводъ этой книги—„выданьемъ въ друку, на всѣ широкіи славного и старожитного *народу Россійскою* краины разосланъ....“

15) Жители города Ратна, въ 1614 году писаси къ преемнику Потѣя, Іосифу Рутскому, о непринужденіи ихъ къ уніи: „отче архіепископе всего *Россійскаго языка!*“

Но возвратимся къ Кіеву. По возобновленіи здѣсь православной митрополіи въ 1620 году, митрополиты Іовъ Борецкій, Исаія Копинскій, Петръ Могила, продолжали писать въ титулѣ: „и всея *Россіи*.“

Приведу нѣсколько выраженій изъ писаній Петра Могилы.

16) Въ его предисловіи къ *Анѳологіону*, изданному 1636 года, читаемъ: „святого великого *Россійского князя* Владиміра“—„и всей *церкви* православной *Россійской*“ — „презацный *народъ Россійскій*.“

17) Въ его пригласительномъ листѣ къ луцкой братіи на

кіевскій соборъ 1640 года, сказано: „отъ немалаго часу вся православная *церковь Россійская*, будучи отъ апостатовъ въ великомъ преслѣдованю, не могла прійти до того, абы волковъ драпѣжныхъ отдалити отъ себе.“

18) Въ грамотѣ патріарха Ѳеофана, писанной въ генварѣ 1621 года, при отъѣздѣ его изъ Кіева, сказано: „смиренія нашего благословеніе всѣмъ благочестивымъ христіаномъ въ *Малой России*.... сыномъ *церкви Россійскія* восточныя.“

19) Гетманъ Богданъ Хмельницкій, въ своемъ бѣлоцерковскомъ универсалѣ, 1648 года писалъ: „Вамъ всѣмъ обще *Малоросіяномъ* о томъ доносимъ, такъ и до компанѣи военной, на предлежащее съ нимижъ Поляками дѣло военное васъ вызываемъ и заохочуемъ. Кому мила вѣра благочестивая, отъ Поляковъ на унѣю претворяемая; кому зъ васъ любима цѣлость отчизны вашей, *Украины Малороссійской*....“—О уволненю отъ бѣдъ лядскихъ всего *народа Малоросійского*.... и т. п.

20) Въ заключеніе, привожу отрывокъ изъ отвѣтнаго письма Гетману Хмельницкому отъ Запорожской Сѣчи, писаннаго 3 генваря 1654 года, передъ наставшимъ уже присоединеніемъ Малороссіи къ Великой Россіи. „А замыслъ вашъ, щобъ удатися и буди зо всѣмъ *народомъ Малоросійскимъ*, по обоихъ сторонахъ Днѣпра будучимъ, подъ протекцію великодержавнѣйшого и пресвѣтлѣйшого *монарха Російского*, за слушный быти признаваемъ, и даемо нашу войсковую вамъ пораду, абысте того дѣла не оставляли и оное кончили, якъ ку найлутшой ползѣ отчизны нашой *Малоросійской*....“

М. Максимовичъ.

(К. Еп. Вѣд.)

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

(Письмо къ редактору Вил. Вѣст.)

„Голосъ“ посвящаетъ двѣ большихъ статьи (См. №№ 259 и 275) филологическому вопросу, съ патріотической точки зрѣнія разсматриваемому. Что же, это очень хорошо и въ нѣкоторомъ смыслѣ публистично: если разсуждать о желѣзныхъ дорогахъ, акцизѣ и другихъ важныхъ матеріяхъ, то почему же, я васъ спрашиваю, не писать передовыхъ статей о склоненіяхъ и спряженіяхъ? Нашъ братъ, филологъ, прочтетъ ихъ съ жадностію и поблагодаритъ ученую редакцію „Голоса,“ и притомъ же патріотическая филологія,—какъ хотите, этого еще не выдумали и нѣмцы, пресловутые изобрѣтатели обезьянъ! Но обращаюсь къ дѣлу. „Голосъ“ въ своихъ филологическихъ статьяхъ отправляется отъ совершенно вѣрнаго положенія. Онъ доказываетъ необходимость замѣны иностранныхъ словъ русскими. Правда, не ново это положеніе и идетъ оно еще отъ Шишко-

ва; но вѣдь и „Голосъ“ не увѣренъ, что оно ново. Мало ли старыхъ хорошихъ истинъ! А вѣдь, что ни говорите, пріятно было бы замѣнить: тротуаръ—*топтырней*, портупею—*мечевисомъ*, галоши—*мокроступами*, кавалера—*всадникомъ* и пр. и пр. Но, сочувствуя филологическимъ статьямъ „Голоса“ и ихъ направленію, мы не можемъ не замѣтить въ авторѣ ихъ, нашемъ собратѣ, нѣкоторой неопытности, отсутствія филологической снаровки. Обрусѣніе собственныхъ и нарицательныхъ именъ и фамилій, большая часть которыхъ—прилагательныя, безспорно, очень важно, еще важнѣе прослѣдить въ нихъ шагъ за шагомъ, букву за буквой, присутствіе польскаго элемента, полонизма, ополяченія; но филологъ „Голоса,“ къ сожалѣнію, не придерживается ученой классификаціи, принятой въ нашей наукѣ Такъ онъ не отдѣляетъ корней отъ суфиксовъ, а потому остается не объяснимымъ: какіе изъ фамильныхъ суфиксовъ слѣдуетъ считать ополяченными и какіе нѣтъ? Какіе корни благонамѣренны и какіе коварны и склонны къ полонизму? Объяснимся примѣрами. Если фамильное окончаніе *скій* считать шляхтопапистскимъ, то придется вѣдь Шуйскихъ, Воротынскихъ, Одоевскихъ, Вознесенскихъ, Преображенскихъ и мн. др. считать шляхтопапистами; о *вичъ* можно сказать тоже самое. Притомъ же, это произведетъ множество неудобствъ какъ въ именахъ существительныхъ, такъ и въ прилагательныхъ, да и обидно будетъ для многихъ извѣстныхъ и почтенныхъ фамилій. Напримѣръ, если слова: *Кояловичъ* (фамилія извѣстнаго нашего ученаго и публициста) передѣлать въ *Кояловъ* или *Каялинъ* (отъ р. Каяли „у Дона великаго“); *Говорскій* (фамилія извѣстнаго патріота-журналиста) въ *Говоровъ; Мачинскій* (добрый нашъ знакомый, извѣстный руссофилъ изъ смоленскихъ бояръ) въ *Мачиновъ* и т. д. и т. д.,—если, я говорю, передѣлать сіи фамиліи на русскія, то сколько окажется практическихъ затрудненій: а) вопервыхъ, названные мною и другіе русскіе люди съ иностранными фамиліями (въ томъ числѣ и вы, М. Г.,—я не говорю о *дѣятеляхъ*) могутъ обидѣться; б) во-вторыхъ, Каяловы, Мачиновы и Говоровы могутъ найдтись индѣ (указываю на извѣстнаго грамматиста Говорова, кажется, живущаго въ Тамбовѣ) и... пожалуй, тоже обидятся. Перехожу къ нарицательнымъ именамъ. Не вижу ни какой пользы и даже—не обинуясь скажу—вижу положительный вредъ, продѣлку шляхтепапистовъ въ замѣнѣ шталмейстера и прочихъ придворныхъ должностей словами: конюшій, ловчій, крайчій и пр.; ибо если допустить сіи слова въ языкъ, какъ разъ придешь къ коморіямъ, подскарбіямъ, старостамъ, старостинамъ и т. п. Вообще, повторяю, слѣдуетъ серьознѣе вдуматься въ этотъ предметъ и подвергнуть его болѣе строгому анализу. Еще слабѣе фонетическая сторона разбираемаго нами этюда, свидѣтельствующая, — да извинитъ насъ авторъ, — о недостаточности ученой его подго-

товки. Недостаточно еще преслѣдовать польскія *пшиканья*, *ржеканья* и *дзяканья*: а носовые звуки, а юсы?... Вы ихъ и забыли! И допускаете!... И не хотите понять ихъ шляхетско-ксендзовской зловредности!... И оставляете слѣды ихъ въ нашемъ языкѣ!... Воля ваша, а это не спроста... По нашему, ужь лучше пусть остается *офицеръ*, даже *офисье*, чѣмъ казацкое, напримѣръ, *хорунжій*, ибо сіе послѣднее слово сохраняетъ носовой звукъ (т. е. *суть* польщизны): иное, конечно, было бы дѣло, если бы это слово говорилось—*хоружій*. Надобно быть послѣдовательнымъ, г. [illegible] филологъ, и ужь если изгонять польщизну, такъ нечего церемониться съ звуками и благодушествовать. Нельзя же, напримѣръ, говорить: я мну, ты *мнешь*, се*мени*, вре*мени*, теле*нокъ*, поросе*нокъ* и т. д.; ибо извѣстно, что подчеркнутыя буквы произошли отъ малаго юса (а польское ea); приведенныя нами слова слѣдуетъ говорить и писать такъ: я мяу (мати), ты мяушь или мяуешь, се́мя, вре́мя, теля, порося, телю, поросю, телемъ, поросемъ и т. д. *Исключеніями* (exceptions) надобно хорошенько позаняться. Конечно, пріятно Гонсѣвскаго обратить въ Гусева или Гусятникова; ну а что, если онъ перейдетъ въ совершенно русское слово, но съ признаками юса—Гусененкинъ. Вѣдь возможно!

Что касается, г. редакторъ, до вашей полемики съ „Голосомъ,“ то я, признаюсь, не понимаю, изъ-за чего вы-то горячитесь! Не вы ли сами распространялись о разныхъ степеняхъ обрусѣнія и говорили, что можно довольствоваться каждою изъ нихъ тогда-то и тогда. Чего же вамъ еще!

Буквоѣдовъ.

КЪ РИМСКОМУ ВОПРОСУ.

(прямой взглядъ на дѣло).

Хвастливый походъ пресловутаго авантюриста, Гарибальди, на Римъ, окончившійся, какъ извѣстно, постыднымъ пораженіемъ, все таки оставилъ вопросъ нетронутымъ—быть или не быть владыкѣ Ватикана въ ряду свѣтскихъ властителей. Опять пошли толки о конгрессѣ и конференціяхъ, опять заскрипѣли перья дипломатовъ. Выйдетъ ли что нибудь изъ этого, нѣтъ ли—одному Богу извѣстно: но Европа съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за всѣмъ тѣмъ, что совершается въ столицѣ папства, что рано или поздно должно потрясти весь католическій міръ и неизбѣжно отразиться и на судьбахъ церкви истинной. Перечитать все то, что пишется и печатается теперь по этому жгучему вопросу, нѣтъ никакой возможности, а привести всѣ толки и разсужденія къ одному знаменателю и того менѣе. Намъ однакожь удалось встрѣтить практически-вѣрный взглядъ, ведущій къ разъясненію того, что нужно дѣлать въ

этомъ водоворотѣ мнѣній, отдаляющихъ рѣшеніе вопроса о свѣтской власти одного изъ христіанскихъ патріарховъ.

„Гарибальди,—пишетъ изъ Лаго-Маджоре, корреспондентъ „Сѣверной Почты“,—въ своемъ преслѣдованіи папства похожъ на человѣка, который, зажмуривъ глаза, размахиваетъ по воздуху саблей: дѣлаетъ много шуму, но мало толку. Его крестовый походъ противъ „черной язвы“ приноситъ болѣе чести его усердію, чѣмъ находчивости и особенно практическому смыслу. Чтобы вести войну противъ этихъ людей, надо прежде построить родъ крѣпости, откуда бы можно было стрѣлять не одними словами. Спрашивается: кого совратишь съ проторенваго вѣками пути, кого присоединишь къ какому-то „ученію разума“, когда ни одно изъ оснований этой новой религіи не обусловлено практическимъ осмысленіемъ? Свѣтское папство падетъ само собою, когда совершится преобразованіе духовнаго папства; но, чтобы преобразовать духовное, необходимо начать съ какого нибудь серьозно-обдуманнаго, положительнаго и частью осуществленнаго въ дѣлѣ плана. Если бы Гарибальди, вмѣсто того, чтобы проповѣдывать, что настало время низвергнуть папство и обратиться къ „чистому источнику вѣры“, указалъ, что это за источникъ, гдѣ онъ находится, что имѣетъ въ виду, и на чемъ основывается,—его пропаганда могла бы быть несравненно болѣе дѣйствительною. Слѣдовало бы начать съ того, чтобы учредить особую церковь, которая была бы совершенно независима отъ папы. Въ Сициліи существуетъ же апостолическое легатство, которое Пій IX хотѣлъ было недавно уничтожить, но которое италіанское правительство отстояло. Исторія давняя. Когда великій графъ Рожеръ I завоевалъ въ 1089 году Сицилію, онъ заставилъ сицилійцевъ, зависѣвшихъ отъ константинопольскаго патріарха (notabene), принять латинскую вѣру и объявилъ себя главою церкви. Послѣ долгихъ споровъ, папа Урбанъ II утвердилъ это титло за нимъ и его наслѣдниками. Разумѣется, то же право перешло отъ королей сицилійскихъ къ Виктору-Эммануилу. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовало бы ввести въ новую церковь, вмѣсто латинскаго, народный языкъ, возстановить брачное состояніе духовенства, и за тѣмъ организовать пропаганду противъ папства съ миссіонерами и членами, въ pendant обществу паолоттовъ. Въ проповѣдникахъ недостатка не будетъ. Ихъ доставитъ само же католическое духовенство. Толковать объ отвлеченной мечтѣ—значитъ понапрасну тратить трудъ и время. Какъ бы то ни было, а чтобы начать чѣмъ нибудь, надо прежде всего снять съ католическихъ священниковъ характеръ касты, дѣлающій его чуждымъ интересамъ, стремленіямъ и нуждамъ общества, среди котораго они живутъ. У каждаго изъ нихъ два государя: одинъ на мѣстѣ, другой, болѣе могущественный, въ Римѣ. Это уже дурно; но еще хуже то, что ни у кого нѣтъ ни отца, ни брата, ни сестры. Есть племянницы, но это родство временное...

Патеръ живетъ своей особой жизнью, чуждый обществу по душѣ, по крови, и сближающійся съ нимъ только во имя своихъ матеріальныхъ нуждъ и интересовъ. Цѣль его, пріобрѣсть какъ можно болѣе денегъ. Но онъ обогащается въ большей части случаевъ не для себя, а для своихъ братій. Его прямой наслѣдникъ—каста, а главный сборщикъ податей при жизни—*святой* отецъ, опирающійся на чужеземное войско, чтобы поддержать свою власть, и на чужое достояніе, чтобы поддержать свое войско, не переставая увѣрять двѣсти милліоновъ католиковъ (не мы считали!) что „его царствіе не отъ міра сего."

Нѣтъ сомнѣнія, человѣчество шло бы неестественнымъ путемъ, если бы, усиливаясь уничтожить власть, поддерживающую столько злоупотребленій не въ одномъ гражданскомъ быту, оно не имѣло цѣлію уничтоженіе и злоупотребленій религіозныхъ. Этого-то и опасается папство. Увѣнчаются ли усилія преобразователей желаннымъ успѣхомъ въ нашъ вѣкъ—еще вопросъ. Между тѣмъ было бы нелишнимъ немедленно начать контръ-пропаганду, помимо дипломатическихъ комбинацій.

„Теперь пишутъ въ газетѣ Liberté хотятъ упрочить памятникъ, въ которомъ сдѣлана брешь нѣсколько столѣтій тому назадъ, и не невѣрующими, не скептиками и атеистами, а блестящими свѣтилами церкви—упрочить правленіе, надъ которымъ произнесенъ приговоръ Бернардомъ, Фенелономъ. Вотъ что, въ XII столѣтіи, писалъ Бернардъ, признаваемый католиками за святаго, въ своемъ трактатѣ De Consideratione. кн. IV гл. 6 и 7.

„Св. Павелъ говоритъ: „Никто изъ служащихъ Богу не долженъ вмѣшиваться въ дѣла мірскія. Государи и владѣтели земные поставлены судьями надъ бренными дѣлами міра сего. Зачѣмъ проникаете вы въ область, вамъ не принадлежащую? Зачѣмъ хотите вы пожинать на полѣ, которое не ваше? Занятіе этими дѣлами недостойно васъ, потому что вы должны заниматься дѣлами гораздо высшими... Гдѣ найдете вы, чтобы апостолы когда нибудь творили судъ надъ людьми, установляли границы или раздѣляли владѣнія? Я нахожу, что апостолы были судимы, но не вижу нигдѣ, чтобы они судили кого либо. Это послѣдуетъ нѣкогда, въ день общаго суда: но этотъ судъ не наступилъ. Ваша власть распространяется на грѣхи, а не на имущества. Сколько я знаю, св. Петръ, котораго ты служишь преемникомъ, не облекался въ шелковыя одежды, не покрывалъ себя золотомъ и драгоцѣнными каменьями, не являлся всенародно, верхомъ на бѣломъ иноходцѣ, огражденный стражами и придворными служителями. Во всемъ этомъ ты преемникъ не св. Петра, а Константина. Даю тебѣ совѣтъ допускать эти вещи какъ временныя, но не считать ихъ обязательными. Но, скажешь ты мнѣ, ты увѣщеваешь меня пасти драконовъ и скорпіоновъ, а не овецъ. Потому-то я говорю, что надобно ратовать противъ нихъ болѣе словомъ, нежели мечемъ, ибо, зачѣмъ бу-

дешь ты употреблять мечъ, когда тебѣ уже приказано вложить его въ ножны?“

Никто не можетъ упрекать Фенелона во враждебности къ независимости св. престола; но и онъ пишетъ слѣдующее:

„Нѣтъ такой вещи, которой не могъ бы пріобрѣсть апостольскій престолъ отъ дѣтской любви вѣрующихъ, предполагать что онъ не станетъ присвоивать себѣ свѣтской власти. Пусть удалятъ это несчастное обстоятельство,—и все будетъ возстановлено... Хотите вы отрѣшить духовную власть отъ свѣтской и избѣжать смятенія, служащаго источникомъ стольких золъ? Обратите ваши взоры къ церкви, процвѣтавшей во времена мучениковъ. Тогда они свободно творили принадлежащій ей судъ надъ душами, не требуя свѣтской власти. Какъ охотно отреклась бы невѣста Христова отъ своихъ владѣній, своихъ братствъ, своихъ жалкихъ отличій отъ міра сего, лишь бы, возвратиться въ то положеніе!“ *(Дом. Бес.)*

РѢЧЬ НАЧАЛЬНИКА ПЛОЦКОЙ УЧЕБНОЙ ДИРЕКЦІИ А. А. ПОПОВА,

(18-ю сентября 1867 года)

произнесенной имъ на обѣдѣ у начальника губерніи барона М. Е. Врангеля, въ день освященія вновь воздвигнутаго въ Плоцкѣ православнаго храма.

„При провозглашеніи тоста за строителей храма, каждый изъ насъ, безъ сомнѣнія, разумѣетъ подъ именемъ строителей не однихъ членовъ церковнаго комитета, но и всѣхъ содѣйствовавшихъ дѣломъ или словомъ къ тому, что, наконецъ, и въ нашемъ городѣ, лежащемъ на западной окраинѣ государства, воздвигнута православная *святыня, подобающая дому Господню*, и тѣмъ удовлетворено не только наше религіозное, но и національное чувство. Да, національное чувство, — потому что православіе и русская народность, русская народность и православіе—это понятія близкія, родственныя, понятія, которыя русскій человѣкъ не отдѣляетъ въ своемъ представланіи одно отъ другаго. И справедливо. Иначе онъ долженъ бы былъ не признавать истины въ исторіи; иначе онъ долженъ бы былъ отказаться отъ многаго изъ своего славнаго прошедшаго, въ которомъ православіе составляетъ, такъ сказать, жизненную артерію русской народности.

Въ самомъ дѣлѣ, на какой бы мы ни остановились эпохѣ, выражающей нашу историческую жизнь въ извѣстное время, мы сейчасъ же увидимъ сильное вліяніе православія на ходъ событій. Я не говорю уже о такомъ фактѣ какъ принятіе христіанской вѣры въ русской землѣ, когда православіе легло въ основаніе нашей цивилизаціи, нашего быта въ смыслѣ государственномъ, церковномъ, общественномъ и частномъ. Я

возьму другія событія, совершавшіяся подъ вліяніемъ причинъ вовсе нерелигіозныхъ, напримѣръ, событія изъ періода удѣловъ и смутнаго времени. Что же мы видимъ?

Въ то и другое время русская земля, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, переживала моменты самые критическіе, самые безотрадные. Но тутъ поражаетъ насъ тотъ фактъ, что, среди разнаго рода затрудненій и неустройствъ, во всѣхъ современныхъ событіяхъ православіе выступало благотворною силою, противодѣйствующею всему вредному, антинаціональному, и поддерживающею все полезное, все совершающееся въ духѣ народномъ. Такъ, во время княжескихъ междоусобій православіе, съ одной стороны, являлось примирительнымъ началомъ съ евангельскими словами мира и любви, а съ другой—было хранителемъ національнаго сознанія о единствѣ всей земли русской, указывая, что священное для Новгорода, Суздаля и Владиміра было свято также для Кіева, Галича и Холма. Во время ига монгольскаго, не смотря на нѣкоторую свободу, предоставленную церкви чингисовымъ закономъ *Аса-наме* (книги запретовъ), она не отдѣлила своихъ интересовъ отъ интересовъ народныхъ, и не переставала выставлять въ лицѣ служителей алтаря то ходатаевъ за князей и народъ, то мудрыхъ совѣтниковъ князей, то, наконецъ, самихъ воиновъ. Вспомнимъ, какую истому, по словамъ лѣтописца, понесъ св. митрополитъ Алексій, предпринявъ путешествіе въ орду, чтобы принести миръ землѣ русской; вспомнимъ, что самая битва куликовская, этотъ первообразъ битвъ полтавскихъ и бородинскихъ, эта предвозвѣстница освобожденія русской земли отъ ига монгольскаго, послѣдовала по благословенію преподобнаго Сергія; вспомнимъ, наконецъ, что на берегахъ Непрядвы и Дона сражались и иноки, которыхъ имена отмѣтила исторія. Во время собиранія восточной Руси, вслѣдствіе хода событій, Москва сдѣлалась центромъ, вокругъ котораго стали сосредоточиваться отдѣльныя княжества. Но право на такое значеніе первопрестольная столица наша пріобрѣла окончательно только тогда, когда святой митрополитъ Петръ избралъ ее мѣстомъ своего пребыванія, и когда первый собиратель земли русской исполнилъ благочестивое желаніе святителя, выраженное имъ въ слѣдующихъ словахъ: „если ты успокоишь мою старость и воздвигнешь здѣсь храмъ, достойный Богоматери, то будешь славнѣе всѣхъ иныхъ князей, и родъ твой возвеличится, кости мои останутся въ семъ градѣ, святители захотятъ обитать въ немъ, и руки его взыдутъ на плеща враговъ нашихъ.“ Съ тѣхъ поръ минуло съ небольшимъ сто лѣтъ, и величественный иконостасъ величественнаго храма Успенскаго соединилъ уже въ себѣ особенно чтимыя народомъ святыя иконы храмовъ удѣльныхъ княжествъ. Завѣтъ святителя исполнился; разновластіе пало.

Перехожу къ другой эпохѣ. Эпоха эта, какъ время самаго

тяжкаго испытанія для русской земли, извѣстна въ исторіи подъ именемъ смутнаго времени. Дѣйствительно, время было смутно: царство оставалось безъ царя, во главѣ правленія стояла слабая дума боярская; измѣна, крамола, мятежъ поколебали весь государственный строй; къ довершенію зла, отважные искатели приключеній, прикрываясь тѣнію давно лежавшаго во гробѣ сына Іоаннова, съ такою же дерзостью простирали святотатственные виды на корону мономахову, съ какимъ вѣроломствомъ хотѣлъ возложить ее на себя государь иноземный—питомецъ іезуитовъ. При такихъ бѣдствіяхъ, казалось, что часы существованія русской земли были сочтены. Но ее хранило православіе. И вотъ, — изъ душной темницы раздается голосъ патріарха Гермогена, — голосъ, обращенный къ національному чувству русскаго народа, и народъ этотъ, какъ евангельская паства, послушная голосу своего пастыря, съумѣлъ отличить языкъ истины отъ языка лжи, языкъ вѣры отъ языка невѣрія, и возсталъ на защиту вѣры, отечества, закона и народности. Русская земля была спасена, и притомъ не тогда, когда во главѣ возстанія стояли только Ляпуновы, Трубецкіе, Заруцкіе, а тогда, когда явились Минины, Пожарскіе, и около нихъ Палицыны и Діонисіи.

Кажется, приведенныхъ мною фактовъ достаточно, чтобы видѣть, какъ велико было вліяніе православія на рѣшеніе самыхъ жизненныхъ, самыхъ національныхъ вопросовъ нашей исторіи. Послѣ этого понятно, почему русскій человѣкъ тѣсно связываетъ идеи о народности съ идеею о православіи, и почему послѣ великихъ національныхъ событій, когда народное чувство бываетъ особенно возбуждено, онъ чаще всего выражаетъ благодарность свою Богу, построеніемъ храмовъ. Но никогда, можетъ быть, національное чувство не проявлялось у насъ такъ полно и сознательно, какъ въ настоящее царствованіе и никогда, можетъ быть, и народъ не выражалъ такого усердія къ построенію храмовъ, какъ въ настоящее время. При этомъ, однако, общемъ національномъ настроеніи умовъ, есть мѣстности, въ которыхъ чувство національное, вслѣдствіе самаго хода событій, высказывается какъ-то полнѣе, какъ-то выразительнѣе, нежели въ другихъ. Всякій изъ насъ знаетъ событія послѣднихъ лѣтъ на западной окраинѣ государства. Русскій Царь и вся Россія были оскорблены въ самыхъ священныхъ, самыхъ неприкосновенныхъ правахъ своихъ открытымъ возстаніемъ, поддержаннымъ завистливою политикою иноземныхъ державъ. Это оскорбленіе вызвало такой взрывъ народнаго негодованія, при которомъ воля, мысли и желаніе всѣхъ русскихъ сдѣлались одною волею, одною мыслію, однимъ желаніемъ: недопускать посторонняго вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла. Въ полномъ сознаніи своихъ правъ, Россія заявила ихъ предъ цѣлымъ міромъ съ такимъ достоинствомъ и такъ категорически, что враги наши поняли, что

Россія чести своей никому не отдасть, и смолкли. Спокойствіе въ краѣ возстановлено. Торжество было полное, національное. Естественно, что при такихъ событіяхъ благоговѣйное чувство русскаго народа ощущало потребность въ выраженіи благодарности Тому, Кто крѣпость людямъ своимъ даетъ, а недостатокъ въ Божіихъ храмахъ для здѣшняго православнаго населенія указывалъ въ чемъ должно состоять это выраженіе благодарности. Отсюда возникла мысль о построеніи православныхъ церквей въ нѣкоторыхъ городахъ здѣшняго края. Мысль эта прежде другихъ мѣстностей осуществилась въ нашемъ городѣ. Съ небольшимъ на два года предъ симъ, въ глазахъ нашихъ былъ положенъ краеугольный камень въ основаніе храма, освященіе котораго совершено сегодня нашимъ архипастыремъ — нарочно прибывшимъ для этого торжества, и тѣмъ усугубившимъ нашу радость.

Вотъ смыслъ нашего настоящаго праздника. Въ этомъ смыслѣ слышится приговоръ исторіи. Всякій, кто бы онъ ни былъ, при взглядѣ на православную русскую святыню, воздвигнутую въ томъ городѣ, который еще недавно былъ сценою смутъ и безпорядковъ, общихъ краю, пойметъ не только силу русской вѣры и народности, но и приговоръ исторіи, а русскій дѣятель, кромѣ того, въ знаменательныхъ словахъ, избранныхъ его высокопреосвященствомъ для надписи при входѣ въ храмъ: *„Господи посли свѣтъ Твой и истину Твою,“* почерпнетъ указаніе, что источникъ силы нашей есть сама правда Божія.

Подъ живыми впечатлѣніями сегодняшняго торжества собрались мы здѣсь, и за трапезою, предложенною намъ радушнымъ хозяиномъ, русская семья спѣшитъ выразить свое сочувствіе къ строителямъ храма. Имѣя честь самъ состоять членомъ церковнаго комитета, я по себѣ могу судить какъ высоко мы цѣнимъ это сочувствіе. Но чѣмъ выше мы цѣнимъ его, тѣмъ болѣе сознаемъ, что оно прежде другихъ строителей должно принадлежать нашему православному духовенству, которое въ ревности своей о домѣ Божіемъ собирало на построеніе его въ разныхъ мѣстахъ нашего государства посильныя приношенія, составившія въ общности сумму до 5,000 руб. Этимъ приношеніямъ обязаны мы, что постройка храма окончена въ настоящемъ году.

Но заслуга православнаго духовенства, по отношенію къ вновь воздвигнутому храму, не заключается только въ этомъ: она идетъ гораздо далѣе. По благословенію нашего архипастыря, около храма Божія воздвинутъ храмъ науки; при церкви явилась школа для образованія православныхъ дѣтей меньшей братіи нашей. Надобно знать всю настоятельную потребность въ православныхъ училищахъ для здѣшней мѣстности, чтобы вполнѣ оцѣнить заслугу духовенства въ этомъ отношеніи. Извѣстно, что русскіе православные, поселившись въ здѣшнемъ краѣ въ разное время и вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ,

живутъ большею частію разбросанно, и по бѣдности не только не могутъ дать дѣтямъ своимъ воспитаніе въ духѣ своей вѣры и народности во вновь возникнувшихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и учредить начальныя училища, то есть воспользоваться правомъ, дарованнымъ благостію Монарха всѣмъ народностямъ. Правда, учебное начальство, въ виду такой необходимости, исходатайствовало пособія отъ казны, для учрежденія на первый разъ пяти православныхъ начальныхъ училищъ въ плоцкой дирекціи, но трудность въ пріисканіи народныхъ русскихъ учителей могла замедлить открытіе училищъ, если бы на такое благое дѣло, какъ воспитаніе бѣдныхъ русскихъ дѣтей, не отозвалось мѣстное православное духовенство. Наши пастыри не только вызвались быть наставниками въ русскихъ школахъ, но и предупредили этотъ вызовъ основаніемъ двухъ школъ при церквахъ здѣшней губерніи, и одна изъ этихъ школъ, именно, въ г. Млавѣ, содержимая чинами таможеннаго вѣдомства, достигла въ настоящее время замѣчательнаго развитія какъ по успѣхамъ учащихся, такъ и по устройству. Лице, которому училище это обязано своимъ преуспѣяніемъ, находится здѣсь, между нами. Это нашъ новый пастырь, отецъ Владиміръ, назначенный, по благословенію его высокопреосвященства, блюстителемъ и законоучителемъ здѣшней православной школы, которая, безъ сомнѣнія, при новомъ руководителѣ начнетъ новый періодъ своей учебной дѣятельности, послѣ почти трехлѣтняго существованія. Вообще, при содѣйствіи здѣшняго православнаго духовенства, въ плоцкой учебной дирекціи открыто пять православныхъ школъ, въ которыхъ получаетъ образованіе 96 православныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ; кромѣ того вскорѣ имѣетъ послѣдовать открытіе шестой школы, въ г. Пултускѣ, для которой исходатайствовано тоже пособіе отъ казны.

Вотъ заслуга здѣшняго православнаго духовенства, въ дѣлѣ народнаго образованія. Пастыри наши остаются тѣми же народными учителями, какими они были за 900 лѣтъ предъ симъ, при Владимірѣ св. и Ярославѣ мудромъ. Такое высокое служеніе духовенства дѣлу народнаго образованія, увеличиваетъ заслугу его и относительно построенія храма, а съ тѣмъ вмѣстѣ возлагаетъ на насъ нравственный долгъ, выразить ему самое глубокое сочувствіе и дѣломъ, то есть, содѣйствіемъ къ поддержанію церковныхъ училищъ въ матеріальномъ отношеніи, и словомъ, т. е. пожеланіемъ преуспѣянія его благой дѣятельности на пользу вѣры и народности. Если первому уже положено начало открытіемъ попечительства при новомъ храмѣ, то никогда, можетъ быть, не представится намъ болѣе благопріятнаго случая выразить послѣднее какъ теперь, когда мы празднуемъ освященіе православнаго храма, къ построенію котораго такъ много содѣйствовало православное духовенство, и потому я увѣренъ, что каждый изъ насъ съ глубо-

кимъ сочувствіемъ приметъ тостъ за здравіе русскаго православнаго духовенства!“

РУССКІЕ ВЪ ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦІИ.

Подъ такимъ заглавіемъ напечатана въ „Zukunft“ большая статья, содержаніе которой мы передаемъ здѣсь читателямъ въ сокращеніи:

„Одинъ изъ узловъ, развязка котораго составляетъ для Австріи насущную потребность,—мы видимъ въ Галиціи. Съ русскими, въ сферѣ конституціи, цивилизаціи и свободы, поступаютъ теперь безцеремонно: *все русское хотятъ отнять у нихъ силою и навязать имъ вмѣсто этого польское.*“ Такой смыслъ имѣютъ новѣйшія административныя постановленія о галицкомъ училищномъ совѣтѣ и о *преподаваніи на польскомъ языкѣ* въ галицкихъ школахъ. Въ виду этихъ постановленій, тщеславіе поляковъ не знаетъ границъ. Прежде, по крайней мѣрѣ, горькую сущность прикрывали сладкою наружностью, а теперь поляки уже скупятся и на сладкія слова и прямо поражаютъ въ сердце русскихъ этими непріятными для нихъ постановленіями. Въ галицкихъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ поляки составляютъ даже меньшинство въ сравненіи съ русскими, происходитъ *открытая агитація*, имѣющая цѣлью *введеніе въ тамошнихъ школахъ польскаго языка* и вытѣсненіе русскаго, между тѣмъ какъ *до сихъ поръ русскіе допускали для польской молодежи преподаваніе на польскомъ языкѣ.* Эта агитація идетъ довольно успѣшно, потому что въ городахъ и мѣстечкахъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы русскіе не были избираемы въ общинные совѣты и чтобы главныя мѣста въ нихъ принадлежали полякамъ, и въ то же время полякамъ благопріятствуютъ въ высшихъ сферахъ. *Съ какою поспѣшностью и торопливостью* пользуются теперешними обстоятельствами для полонизаціи русскихъ—можно видѣть изъ того, что ни разу *не дожидались рѣшеній областнаго учебнаго совѣта*, который одинъ имѣетъ право распоряжаться преобразованіемъ училищъ и перемѣною языка при преподаваніи.

„*Поляки въ другихъ мѣстахъ жалуются на то, что ихъ національность притѣсняется*; какъ же теперь должны русскіе принять эти мѣры польской національности, достигшія до того, что все русское въ Галиціи считается *чѣмъ то чуждымъ и даже преступленіемъ противъ государства и церкви?* Нѣкоторые польскіе вожди говорятъ: „*Мы должны отплатить русскимъ зломъ за зло.*“ Стало-быть тутъ чувства гуманности умолкаютъ и здравый смыслъ имѣетъ мало силы. Далѣе говорятъ: „*Русскій языкъ и кирилица отворяютъ дверь Россіи въ Галицію, а галицкимъ русскимъ въ Россію.*“ И на этомъ основаніи противъ русскихъ употребляются всевозможныя средства и выстав-

ляется на видъ, что они совершенно заражены „московитизмомъ“ и „восточною схизмою.“ Такой образъ дѣйствій противъ русскихъ предписываетъ польскій *проектъ для ихъ истребленія 1717 года*, именно въ слѣдующихъ словахъ: „Для того, чтобы легче подавить русскихъ, должно выставлять на видъ всѣ непристойныя (?) стороны ихъ обычаевъ, всѣ оскорбительныя стороны ихъ дѣйствій противъ римской церкви, всѣ скандалезныя исторіи ихъ поповъ, въ каковыхъ не можетъ быть недостатка,— дабы доказать этимъ свѣту, что поляки имѣютъ достаточную причину дѣйствовать такимъ образомъ. Въ томъ случаѣ, если дѣйствительныя обвиненія противъ русскихъ окажутся недостаточными, что впрочемъ невѣроятно, то для содѣйствія нашимъ планамъ можно пустить въ ходъ искусно придуманные вымыслы и распространять приписываемыя ихъ попамъ и епископамъ сочиненія, оскорбляющія честь польскаго имени и римско-католическую религію“ (См. Ieckel. Polens Staatsveränderungen. Wien. 1803, стр. 132). Нѣкоторые говорятъ также, что *„усиленіе польскаго элемента въ Галиціи посредствомъ полонизаціи русскихъ полезно.“* Едва ли! Даже между поляками есть благоразумные люди, сознающіе безразсудность такого образа дѣйствій. Да и для самой Австріи эта полонизація русскихъ не очень выгодна, такъ какъ у поляковъ на заднемъ планѣ все-таки стоитъ *возстановленіе старой Польши.* Галицкіе нѣмцы говорятъ, что если это уже необходимо, то они лучше согласны принадлежать Пруссіи, Россіи или Турціи, чѣмъ Польшѣ. И такой-то взглядъ преслѣдуютъ всѣми силами разъяренные поляки, выставляя его *антиавстрійскимъ* тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ только *антипольскій.* Но что же дѣлать, если *русскіе на галицкомъ сеймѣ составляютъ меньшинство,* тогда какъ въ самой странѣ они составляютъ большинство? Русскіе въ Галиціи находятся съ 1772 года подъ австрійскимъ владычествомъ: зачѣмъ же ихъ постоянно оставляютъ въ пренебреженіи? Опасаться панславизма нечего.... Поляки хорошо знаютъ это, но они хотятъ ускорить столкновеніе между Австріей и Россіей. Что выйдетъ изъ этого столкновенія для Австріи, то да покроютъ боги мракомъ неизвѣстности!“ (*Москва*).

ЕЩЕ О ПОЛЬСКОЙ СПРАВѢ.

Въ передовой статьѣ *Московскихъ Вѣдомостей* 9-го января, напечатано:

„Нѣтъ на свѣтѣ людей, которые давались бы такъ легко и такъ часто въ обманъ, какъ поляки. Со временъ самыхъ отдаленныхъ и до сегодня, они довѣрчиво поддаются политическимъ интригамъ, которыя то и дѣло мистифирують ихъ, и пользуются ими какъ орудіемъ. Вышелъ бы томъ изъ одного

перечня тѣхъ мистификацій, какимъ подвергались поляки въ продолженіе всего своего безпорядочнаго политическаго существованія. Не заходя далеко въ старь, достаточно будетъ указать на событія текущаго столѣтія, во все продолженіе котораго Польша постоянно играла жалкую роль обманутой жертвы. Обнародаваніе переписки Наполеона I и многихъ другихъ офиціальныхъ документовъ неоспоримо доказываетъ, что отъ начала до конца великой эпопеи первой французской имперіи, глава ея съ холоднымъ и жестокосерднымъ разсчетомъ употреблялъ поляковъ какъ орудіе для обезпеченія успѣха разнымъ замысламъ, которые внушало ему ненасытное его честолюбіе. Съ этою цѣлью онъ питалъ въ нихъ надежды, которыхъ несбыточность совершенно понималъ, и сообщалъ между тѣмъ Александру I, чрезъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, г. Шампаньи, слѣдующее завѣреніе: „Я хочу изгладить слова Польша и поляки не только изъ политическихъ сдѣлокъ, но даже изъ самой исторіи.“ Съ 1815 по 1863 г., не воспользовавшись нисколько жестокими уроками опыта, поляки дали убаюкать себя изъявленіями мнимаго сочувствія, которыя дѣлали имъ исключительно съ тою цѣлью, чтобы поддерживать между ними химеру возстановленія великаго польскаго государства на развалинахъ Россіи. Въ продолженіе почти половины столѣтія журналистика, парламенты и правительства западной Европы неизмѣнно держались этой системы подстрекательства. Поляки, съ своей стороны, столь же неизмѣнно поддавались обману, и становились его жертвами. Г. Гизо весьма справедливо сказалъ: „Всѣмъ на свѣтѣ служила Польша, но никто никогда не служилъ ей.“ Была минута предъ итальянскою войной въ 1859 г., когда казалось, что Наполеонъ III хочетъ уклониться отъ этой пагубной системы, и доказать свое намѣреніе не только не пользоваться, по примѣру своихъ предшественниковъ, услугами Польши, но оказать ей самой истинную и дѣйствительную услугу, то-есть содѣйствовать ея примиренію съ Россіей, которой, и по праву сильнаго, купленному тысячелѣтнимъ трудомъ, и по исконному историческому праву, принадлежитъ большая часть земель, на которыя поляки предъявляютъ свои притязанія. Кажется даже, что въ то время Наполеонъ III былъ не прочь способствовать присоединенію къ Россіи и австрійской провинціи Галиціи. Но это было расположеніе случайное, не долго продержавшееся, и четыре года спустя, тюльерійскій дворъ уже несся на всѣхъ парусахъ въ направленіи противоположномъ, служа въ свою очередь слѣпымъ орудіемъ Англіи, и приготовляя Пруссіи ея будущее торжество. На этотъ разъ поляки опять дались въ обманъ. Они повѣрили въ дѣйствительность крестоваго похода противъ Россіи, въ ничтожество русскаго общественнаго мнѣнія, въ заказную поддѣльность русскаго патріотизма, и удовлетворяя потребностямъ политики, искавшей исхода для своихъ затрудненій, навлекали на себя

гѣдствія, которыя чувствуются какъ бѣдствія и Россіей, не могущею отдѣлять себя отъ своей западной окраины."

Это пишетъ русскій патріотъ: послушаемъ, что говоритъ польскій патріотъ г. Мѣрошевскій о томъ же вліяніи Франціи и обманѣ Польши, въ своей, по многимъ отношеніямъ, замѣчательной книжкѣ: „Очеркъ двухвѣковой политики польскаго народа" (Szkic dwuwiekowej polityki polskiego narodu, przez Sobiesława Mieroszewskiego *) съ эпиграфомъ: „La raison a besoin de l'expérience; mais l'expérience est inutile sans la raison," взятымъ со словъ короля Станислава, разумѣется, обращенныхъ имъ къ полякамъ. На стр. 28, о вліяніи Франціи во времена еще самобытности Польши, сказано: „Первое дѣятельное вмѣшательство Франціи въ польскія дѣла начинается съ той поры, какъ кардиналъ Ришелье положилъ себѣ развлекать силы Австріи посредствомъ диверсій въ краяхъ, прилегающихъ къ ней съ противуположной стороны... Но эти попытки притянуть Польшу на французскую сторону разбивались о политику Сигизмунда III, который принужденъ былъ наконецъ заключить шестилѣтнее альтмарское перемиріе съ Густавомъ-Адольфомъ, главнымъ противникомъ Австріи." На стр. 29: „За это Франція отблагодарила Швеціи, помогая ей вознестись быстро на степень первоклассной державы... Оттуда явное пристрастіе французскаго кабинета въ посредничествѣ между Швеціею и Польшею при заключеніи оливскаго трактата." На стр. 30: „Оливскій трактатъ доставилъ Швеціи обладаніе Лифляндіею, и тѣмъ самымъ заключенъ ко вреду Польши... Но цѣль трактата достигнута тѣмъ, что австрійское вліяніе въ Варшавѣ вытѣснено было французскимъ"... На стр. 31: „Послѣ неудавшейся надежды посадить на польскій престолъ принца Конти, Франція, озабоченная дѣлами юга и запада, совсѣмъ почти не обращала вниманія на Польшу, вслѣдствіе чего ей трудно было возстановить свое вліяніе, и притомъ тогда, когда уже проявилось въ Польшѣ другое вліяніе (кромѣ австрійскаго)—вліяніе Россіи... Желаніе возвести опять Станислава Лещинскаго на польскій престолъ, побудило Людовика XV принять участіе въ избраніи короля по смерти Августа II..." На стр. 32: „Но французскій кабинетъ, дѣйствуя несоотвѣтственно важности предпринятыхъ имъ плановъ, вмѣсто улучшенія, ухудшилъ еще положеніе края, подвергая его новымъ смутамъ и непріязни сосѣднихъ державъ... Такая политика произвела впервые весьма печальныя послѣдствія при Янѣ-Казимірѣ. Партія реформы, подстрекаемая Франціею, и въ рѣшительную минуту ею оставленная, довела дѣла до самаго жалкаго положенія... Подобнымъ образомъ и протекція, оказанная Лещинскому, могла ли что нибудь сдѣлать, когда ограничивалась высылкою несполна 2,000 человѣкъ и нѣсколькихъ

*) Вѣна, 1867, in—8°. Съ этой книжкой польскій Варшавскій Дневникъ познакомилъ своихъ читателей въ 166 нумерѣ 1867 г.

изгнившихъ кораблей?...“ На стр. 33: „Хотя вышеприведенные результаты доказательно свидѣтельствуютъ о свойствѣ французскаго вліянія на польскія дѣла, тѣмъ не менѣе позднѣйшая политика версальскаго кабинета оказалась еще пагубнѣйшею для Польши. Въ доказательство, сошлемся на поддержку анархической конфедераціи барской, которая несвоевременнымъ своимъ заявленіемъ привела къ раздѣлу Польши. Затѣмъ, если отреченіе отъ монархическаго принципа, передъ тѣмъ столь строго представляемаго французскимъ кабинетомъ, задержало развитіе политической реформы,—первый толчокъ къ которой данъ былъ тѣмъ же кабинетомъ,—то съ другой стороны, подавая конфедератамъ помощь, неспособную ни въ какомъ случаѣ обезпечить имъ побѣду, Франція становилась отвѣтственною, не только за ослабленіе и разореніе Польши, но вмѣстѣ и за подверженіе опасности ея политическаго быта. Могущественные сосѣди готовы были отомстить за это Польшѣ въ каждую минуту—что̀ и случилось на самомъ дѣлѣ...“ На стр. 34: „Трудно не сознать, что все поведеніе Франціи во время барскаго повстанья, равно какъ и изумительное равнодушіе, оказанное ею при видѣ раздираемой на клочки Польши, слишкомъ ясно показываютъ, какъ мало интересовалъ ее жребій края, который она, во вниманіи къ его анархическому настрою, не соизволила зачислить въ категорію полезныхъ для нея органовъ. Шумныя декламаціи, произнесенныя во время послѣднихъ ея раздѣловъ нѣкоторыми членами національнаго конвента, и неподкрѣпленныя со стороны французской республики ни малѣйшими усиліями къ спасенію погибающаго,—останутся краснорѣчивѣйшимъ доводомъ солидарности дѣйствія и воззрѣнія на польскую справу всѣхъ французскихъ правительствъ, помимо принциповъ, принятыхъ ими и возвѣщенныхъ во всеуслышаніе.“

Такова картина политики, которой Франція держалась относительно Польши до послѣднихъ ея раздѣловъ. „Но политика наполеоновская—пишетъ Мѣрошевскій—еще болѣе перещеголяла республику въ этомъ эгоистическомъ стремленіи, начиная отъ простаго эксплуатированія поляковъ до совершеннаго пожертвованія ихъ дѣломъ собственнымъ своимъ видамъ...“

На стр. 112, переходя къ эпохѣ, предшествовавшей образованію Герцогства Варшавскаго, авторъ говоритъ: „Заключая люневильскій трактатъ, Франція, за то что нѣсколько лѣтъ пользовалась польскими легіонами во время италіянскихъ и нѣмецкихъ кампаній, отплатила совершеннымъ умолчаніемъ о попранныхъ правахъ Польши; потомъ отблагодарила Польшѣ высылкою ея сыновъ въ убійственныя для нихъ экваторныя страны, какъ будто дозволенное участіе въ порабощеніи свободныхъ негровъ могло служить вознагражденіемъ за пролитую кровь...“ На стр. 113: „Самый фактъ образованія Герцогства Варшавскаго, съ наполеоновской точки воззрѣнія, оказывается ничѣмъ болѣе, какъ простымъ слѣдствіемъ необходимости, ро-

зультатомъ самаго развитія событій, весьма благопріятныхъ для побѣдителя, а совсѣмъ не результатомъ предвзятыхъ намѣреній относительно Польши. По этому не усилія къ *„отбудованью“* прежняго польскаго государства—хотя это и возвѣщалось офиціально свѣту—привлекли наполеоновскія полчища съ Эльбы на Вислу, а самый успѣхъ французскаго оружія, вслѣдствіе чего не могло же не возникнуть какихъ нибудь результатовъ для края, ставшаго театромъ войны. Способъ же распоряженія польскими землями сдѣлался пробнымъ камнемъ благоволенія Наполеона къ польскому народу...“ На стр. 114: „Онъ не только не воротилъ Польшѣ завоеванной у Пруссіи приморской провинціи, но и отдалъ бѣлостокскій округъ Россіи... Это было со стороны Франціи первымъ признаніемъ раздѣловъ Польши... Дань, платимая польской кровью въ Испаніи, не могла насытить этой жадной политики; немилосердно выжимала она жизненные соки изъ этого отломка старой Польши, и, какъ въ началѣ варшавскаго герцогства, такъ и въ дальнѣйшемъ его развитіи, явила себя равнодушной и неблагодарной къ полякамъ...“ На стр. 115: „Въ 1809 году, когда герцогство, лишенное собственныхъ силъ высылкою польскихъ легіоновъ, отразило нападенія и перенесло даже театръ войны во владѣнія противника—какую награду получило оно за эту важную для Франціи диверсію?... Трактатомъ шенбрунскимъ отдана ему только западная Галиція, а восточная, точно также завоеванная польскимъ оружіемъ, возвращена Австріи, причемъ тарнопольскій округъ уступленъ Россіи... Такъ угодно было протектору польскаго народа. Результатъ кампаніи 1812 г., разрушившій зданіе французской имперіи, былъ карой, и вмѣстѣ осужденіемъ системы наполеоновской политики.“

Тутъ авторъ разсматриваетъ взаимныя отношенія поляковъ и императора Александра I, во время кампаніи 1812 года, съ той же точки воззрѣнія на французскую политику, потомъ разбираетъ дальнѣйшія событія и, представивъ картину мятежа 1830 года, на стр. 159, говоритъ: „Вмѣшательство Франціи въ дѣло повстанья имѣло цѣлью успокоить мнѣніе тѣхъ французовъ, которые роптали на бездѣйствіе правительства, и обольщать поляковъ надеждой, что Франція, если не съ оружіемъ въ рукахъ, то на худой конецъ, своей интервенціей окажетъ имъ помощь. Такъ, вся политика французская была ни чѣмъ инымъ, какъ демонстраціей и притворствомъ. Но до какой степени сильна была у поляковъ вѣра въ эту интервенцію, можно судить по тому, что хотя французскій кабинетъ и сформулировалъ уже свою доктрину въ принципѣ безусловной политической неинтервенціи, однакожь разочарованіе послѣдовало не прежде, какъ въ минуту окончательнаго упадка дѣла.“

Не тоже ли самое говоритъ русскій публицистъ? „Неужели не довольно горько такое разочарованіе?“ спрашиваетъ онъ, въ

заключенiе своей статьи. Правда на свѣтѣ одна, въ Москвѣ ли, въ Вѣнѣ, или гдѣ бы она ни заявлялась. Sapientibus sat.

ПОЛЯКИ ВЪ ТУРЦIИ.

Польско-турецкiя теорiи пана Духинскаго все болѣе и болѣе входятъ въ политическую программу поляковъ. Кто не знаетъ знаменитой книги Духинскаго „Polacy w Turcji." и другихъ брошюръ и лекцiй этого политическаго баши-бузука? Вооруженный поддѣльнымъ знаменемъ современной науки, и явившись какимъ-то тунискимъ пиратомъ въ этой наукѣ; онъ давно уже изрекъ во всеуслышанiе Европы слѣдующiй турецкiй парадоксъ, который, впрочемъ, для его соотечественниковъ кажется глубокою политическою истиною: „*Самый естественный союзникъ Польши*, *есть Турцiя*, но отнюдь не Францiя и не Англiя. *Дай Богъ*, *чтобы Турцiя была могущественна*, потому что только съ могуществомъ Турцiи можетъ рости и наша сила!"

Казалось бы, больше этого ужь нечего и сказать—такъ поразительны эти слова политическаго памфлетиста, который выступаетъ, притомъ во всеоружiи современной эрудицiи; но для человѣческаго безумiя, какъ и для человѣческаго ума, нѣтъ границъ. Нѣтъ границъ и для дикаго задора развинченной фантазiи политическаго манiака. Политическiй баши-бузукъ, являясь во всеоружiи науки, высыпаетъ передъ вами цѣлый арсеналъ аргументовъ довольно турецкаго свойства. Турцiя должна быть могущественна; надо спалить цѣлый городъ, чтобъ испечь себѣ яйцо— „этого требуетъ географическое положенiе обѣихъ странъ (Турцiи и Польши?), этого требуютъ наши историческiя отношенiя къ нѣмцамъ и москалямъ, главнѣйшимъ нашимъ сосѣдямъ на Востокѣ и Западѣ—сосѣдямъ, союзы противъ которыхъ съ волохами и другими, одинаково слабыми сосѣдями, не имѣютъ никакого значенiя."

Когда мы читали это турецкое Profession de foi современнаго польскаго памфлетиста, мы думали, что это шутка или просто взрывъ долго сдерживаемой страсти, которая прорвалась и затопила собою послѣднiе остатки мысли. Мы думали, что съ языка раздраженнаго человѣка сорвалось невольно неразумное слово, сорвалось второпяхъ, на зло москалю. Но раздраженный прорывается не послѣдовательно, нерѣдко забываетъ то, что сказалъ въ болѣзненномъ припадкѣ страсти, и отказывается отъ своихъ неразумныхъ словъ. Время доказало, что жалкiя политическiя слова сказаны были въ силу принципа, правда, такого же жалкаго, но все же принципа, и не только повторялись неоднократно, но стали базисомъ политической доктрины поляковъ, вошли даже въ ихъ гражданскiй кодексъ. Польскiй ученый, со всею силою дикой, разнузданной политической страсти, старается дока-

зать, что не существуетъ и не должно существовать никакихъ національныхъ вопросовъ, ни требованій національныхъ, ни принципа національности. Все это фантазіи, „недоразуменія"... Національныя требованія, принципъ національностей, во имя котораго совершаются теперь такія великія дѣла, идетъ ломка границъ между государствами, исчезновеніе самыхъ государствъ—все это *недоразумѣніе!* Создалась единая Италія—по недоразумѣнію! Раздробленная Германія превратилась въ цѣльнаго могучаго гиганта—по недоразумѣнію! „Въ *этихъ* недоразумѣніяхъ (говоритъ г. Духинскій), по-преимуществу, виноваты кабинеты, которые и тамъ пробуждаютъ народные вопросы, гдѣ ихъ никогда не было." Какіе же это кабинеты, которые такъ неразумно пробуждаютъ вопросы, гдѣ ихъ никогда не было? Да и притомъ, „не было" еще не значитъ „быть не можетъ." Во всѣхъ этихъ недоразумѣніяхъ—въ неразумномъ пробужденіи народныхъ вопросовъ, виновата Вѣна: въ Вѣнѣ 25 лѣтъ работали книгами, брошюрами, стихотвореніями и картинками надъ тѣмъ, *чтобъ возбудить не думавшіе о своемъ существованіи славянскіе народы* противъ нѣмцевъ и мадьяръ." Напрасно работали, напрасно пробуждали славянъ къ сознанію! Лучше было бы имъ не знать о своемъ существованіи, не чувствовать ни болей, ни униженія—вотъ теорія Духинскаго. Между-тѣмъ, на зло польской теоріи, нашлись безумцы, которые, сидя въ своихъ рабочихъ кабинетахъ, выпускали въ свѣтъ цѣлый рядъ брошюръ, книжекъ, стихотвореній и картинокъ, гдѣ осмѣливались доказывать, что хлопъ—не хлопъ, а такой же человѣкъ какъ и панъ, что хлоповъ и не должно быть, что славяне—не хлопы ни пановъ, ни нѣмцовъ, что они не ингредіентъ другихъ народностей, сознающихъ свое бытіе, а такія же народности, какъ и прочіе народы. И вотъ эти кабинетные безумцы сдѣлали страшное зло: они разбудили спавшихъ хлоповъ; хлопы почувствовали себя людьми; масса хлоповъ сознала въ себѣ силу народности. Вотъ что досадно и горько польскому публицисту!

И такіе люди, съ такими азіятскими понятіями живутъ въ XIX вѣкѣ! И такіе люди еще претендуютъ на званіе руководителей европейской политики! Теоріями г. Духинскаго пропитаны всѣ поляки. Теоріи г. Духинскаго поколебали убѣжденія даже многихъ изъ знаменитыхъ публицистовъ Запада. Но о нихъ мы уже говорили. Мы теперь хотимъ говорить о явленіяхъ болѣе глубокаго нравственнаго безобразія. По теоріи г. Духинскаго, турки—единственные друзья славянъ Балканскаго Полуострова. Славяне въ Турціи не должны тяготиться своимъ положеніемъ, потому что „*взглядъ турецкихъ славянъ, считающихъ турокъ своими врагами, весьма ошибоченъ.*" Турки, слѣдовательно, благодѣтели славянъ: черногорцы не понимаютъ этихъ благодѣяній, и бунтуютъ противъ своихъ благодѣтелей. Неблагодарные! Болгары тяготятся, осыпаемые, задавливаемые благодѣяніями баши-бузуковъ. Неразумные! Сербы не понимаютъ всей великости жертвы, которую приносятъ имъ турки, охраняя своими пушками

го помѣщика, ни одного хлопа, а все только люди и люди... Остался одинъ благословенный уголокъ на концѣ Европы, гдѣ еще сохранились и паны и хлопы, гдѣ достояніе и жизнь хлопа въ рукахъ пана, гдѣ хлоповъ сѣкутъ безпощадно, вѣшаютъ и продаютъ, какъ скотину—уголокъ этотъ Турція. Вотъ почему хлополюбивое сердце поляка лежитъ къ Турціи; вотъ почему эмигранты, въ послѣднее время, потянулись на Балканскій полуостровъ.

Молва о близкомъ разрѣшеніи восточнаго вопроса заставила поляковъ встрепенуться. Имъ представилась ужасная картина въ ближайшемъ будущемъ; съ изгнаніемъ турокъ изъ Европы—ни одного хлопа не останется на свѣтѣ! Понятно, что надо спасать Турцію, надо хоть на Балканскомъ полуостровѣ удержать подобіе знаменитой своимъ безславіемъ Рѣчи-посполитой, съ ея угнетенными подданными, съ палачами-панами и со всѣми ея прелестями. Агенты Садыка-паши, какъ панъ Морозевичъ и другіе, бросились въ Европу для вербовки эмигрантовъ въ польско-турецко-казацкій легіонъ, призваніе котораго—охранять Турцію. Великій эксдиктаторъ маленькаго народа, панъ Лангевичъ, тоже перебрался въ Турцію и записался въ рабы султана. Лангевичу, отлично умѣвшему организовать шайку жандармовъ-вѣшателей и кинжальщиковъ, поручено турецкимъ правительствомъ организовать турецкую полицію. Кто насъ увѣритъ въ томъ, что полиція турецкая, руководимая такимъ министромъ, какъ Лангевичъ, не проникнется теоріями жандармовъ-кинжальщиковъ и не будетъ дѣйствовать съ турецкими христіанами, какъ дѣйствовали ея прототипы въ Варшавѣ?... Все это говоритъ, однако, до какого нравственнаго униженія могутъ дойти люди, когда они пойдутъ на перекоръ требованіямъ своего вѣка и требованіямъ правды и человѣчности. Поляки, гордящіеся тѣмъ, что они когда-то были чуть не самымъ передовымъ народомъ въ Европѣ, что въ управленіи своимъ государствомъ они допускали самое широкое примѣненіе свободныхъ представительныхъ началъ, эти поляки пошли теперь въ услуженіе къ туркамъ, рѣшились служить подпорою деспотизму и самымъ крайнимъ азіатскимъ принципамъ! Этой странности своего политическаго поведенія они ничѣмъ не могутъ оправдать: въ оправданіе свое они не могутъ сказать, не имѣютъ права сказать, что ратуютъ противъ деспотизма или абсолютизма, какъ они говорили прежде. Прежде они могли сказать, въ очищеніе своей совѣсти, что они являются вездѣ, гдѣ идетъ борьба *за свободу*. На имени Пулавскаго или Косцюшки не можетъ лежать пятна за то, что они служили въ Америкѣ, что, на ряду съ прочими американцами, они сражались за свободу штатовъ

Неудивительно было видѣть поляковъ въ рядахъ итальянской арміи, въ волонтерскихъ отрядахъ Гарибальди, и всегда гдѣ только шла борьба за независимость. Но чѣмъ извинитъ имъ исторія то ренегатство, которое теперь овладѣло ими? А исторія должна будетъ сопоставить имена Лангевича и Фуада-паши, свободолюбивыхъ сыновъ Полоніи и турецкихъ баши-бузуковъ. Кто повѣритъ,

что Лангевичъ въ Польшѣ и Лангевичъ въ Турціи, Лангевичъ-диктаторъ и Лангевичъ трехбунчужный паша—одно и тоже? Кто захочетъ вѣрить, что диктаторъ Лангевичъ бился съ москалями за освобожденіе поляковъ и западнорусскихъ крестьянъ отъ „московскаго ярма,“ когда трехбунчужный паша Лангевичъ, чрезъ два года послѣ этого, бьется уже за подчиненіе турецскому ярму турецкихъ славянъ и грековъ? Это униженіе полное, такое униженіе, глубже котораго быть не можетъ. Поляки въ Турціи — это окончательное самоосужденіе, это позорный столбъ—въ самомъ унизительномъ значеніи позорный, къ которому сами себя привязали поляки. Поляки въ Турціи, поляки, помогающіе туркамъ продержать подольше въ кандалахъ славянъ и грековъ—это позорнѣе и гнуснѣе поддѣлки кредитныхъ билетовъ....

Но, въ то же время, поляки въ Турціи дѣлаютъ громадную нравственную услугу Россіи. До сихъ поръ въ Европѣ еще многіе остались при томъ ошибочномъ мнѣніи, что дѣйствія русскихъ, въ отношеніи къ полякамъ, не могутъ быть оправданы. Появленіемъ Лангевича и другихъ поляковъ въ Турціи, съ Россіи снимается послѣдній упрекъ, наложенный на нее клеветою враговъ, и сторонники польской справы могутъ убѣдиться теперь, какова была чистота побужденій поляковъ, когда они возстали противъ Россіи, будто бы, за свою свободу и за свободу народа. Отчего бы имъ теперь не стать за свободу турецкихъ христіанъ, вмѣсто того, чтобъ изображать изъ себя нѣчто въ родѣ янычаръ?

При всемъ томъ, появленіе поляковъ въ Турціи не можетъ не отразиться важными послѣдствіями на судьбѣ этой державы. Поляки, безъ сомнѣнія, не поддержатъ, а ускорятъ паденіе османскаго царства, хотя оно и безъ поляковъ быстро склонялось къ паденію. Поляки большіе мастера губить государства, которыя даютъ имъ власть въ руки: поляки погубили свое царство—ускорятъ гибель и Турціи. Уже слышится что-то польское въ послѣднихъ распоряженіяхъ турецкаго правительства: безъ сомнѣнія польскіе грамотѣи сочиняютъ для турецкихъ министровъ депеши и циркуляры—такъ и видятся въ каждой бумагѣ поляки: ихъ тонъ ихъ стиль, ихъ блистательное краснорѣчіе и полное отсутствіе политическаго такта.

Мы готовы думать, что поляки въ Турціи скорѣе расшатаютъ своимъ усердіемъ зданіе блистательной Порты, чѣмъ греки своимъ возстаніемъ. Если въ послѣднее время турецкое правительство выказало довольно безцеремонный и самохвальный тонъ въ отношеніи къ Россіи, то конечно благодаря нашимъ старымъ друзьямъ, Лангевичамъ, Чайковскимъ, Морозевичамъ и друг., которымъ природа положительно отказала въ политическомъ чутьѣ и тактѣ. Корабельныя крысы предчувствуютъ гибель корабля, и заранѣе оставляютъ его, когда онъ еще не вышелъ въ море, а поляки именно тогда и стали перебираться на ветхій корабль Турціи, когда онъ всего ближе къ гибели. *(Приб. къ Вар. Дн.)*

О польскихъ интригахъ, клонящихся къ тому, чтобы поссорить пріѣзжихъ русскихъ съ соотечественниками и властями.

На выполненіе подобной задачи они изощряютъ всѣ силы своего гибкаго характера. Полюбуйтесь какъ это дѣлается.

Первая задача состоитъ въ томъ, чтобы воспрепятствовать новичкамъ видѣться и совѣтоваться, на первыхъ порахъ, съ вѣрными и прошколенными русскими людьми. Съ этою цѣлью обыкновенно говоритъ: «Г-нъ №№ (имя рекъ) очень хорошій человѣкъ, но онъ ужасно занятъ, рѣдко принимаетъ... притомъ чудакъ и скептикъ... да, впрочемъ, онъ мало бывалъ въ губерніи, хотя ученый, умный человѣкъ... однакожь-такъ какъ онъ необходимъ будетъ для формальностей, то вы къ нему заѣзжайте. Чтоже касается дѣла, то я (бѣлопольскій) вамъ все разскажу... «Надобно знать здѣшнюю обстановку»—таинственно прибавляетъ житомирскій политикъ,-и ведетъ агнца въ кабинетъ, или везетъ въ имѣнье, а тамъ происходятъ такія бесѣды, что тѣни Маккіавелли и Лойолы такъ и порываются съ радости вернуться въ этотъ лучшій изъ міровъ. Въ кабинетѣ раскрывается планъ имѣнія и надъ нимъ расточаются слезы и вздохи. «Намъ ничего не нужно! Мы готовы сами продать имѣнія и бросить все..... только пустите насъ съ честью!» Русскій, разумѣется, съ участіемъ освѣдомляется о причинѣ такого отчаянія. Тутъ патетически указываютъ ему на планъ, на то, что въ имѣніи чрезполосица (при этомъ прилично упоминаются мировые)... крестьяне де-рады этой чрезполосицѣ, чтобы пожить на чужой счетъ и проч. и проч. Тутъ бѣлопольскій, опять ударяется въ тонъ сердечныхъ изліяній: «Возьмите, хозяйничайте! я почти даромъ готовъ продать.... вотъ вамъ довѣренность на управленіе.... нужды нѣтъ, что купчей не сдѣлано... я вамъ вѣрю, только пощадите меня, платите пока %-ный сборъ (непремѣнное условіе!) и совѣтую вамъ, предательски добавлястъ панъ, совѣтую хлопотать о разверстаніи, иначе ничего не сдѣлаете. Вы русскій, вамъ удастся непремѣнно, не то, что намъ, несчастнымъ загнаннымъ». Переговоривши такимъ-то келейнымъ манеромъ, покупщикъ ѣдетъ и къ сильнымъ міра и къ *прошколеннымъ русскимъ*, которыхъ вдругъ озадачиваетъ петиціями о сложеніи контрибуціи, обязательномъ разверстаніи и проч., да еще похваливаетъ продавца: «прекрасный, молъ, человѣкъ—душа на распашку!» Власти только руками разводятъ. «Помилуйте, говорятъ они соотечественнику,— да вѣдь это политическое шулерство, имѣніе еще не ваше, чегожъ вы кричите?» Собесѣдникъ, въ свою очередь, изумленъ; онъ отправляется въ знакомый «кабинетъ»: Чтожъ вы, молъ, разсказы-

вали? Вѣдь вы меня поставили въ глупѣйшее положеніе».—«Да вы не слушайтесь, отвѣчаютъ ему, это все оригиналы, немного фанатичны; они, впрочемъ, отличные, благородные люди... а вы, знаете что? махнитека съ прошеніемъ прямо въ Кіевъ... этакъ-то скорѣе все сладится»! Такъ вотъ какъ устраиваются дѣла! Предположимъ, что русскому удастся выхлопотать что-либо, или разсорить деньги на задатки и преждевременное хозяйство,—тутъ ему и карачунъ. Вдругъ является придирка за придиркою, запродажная уничтожается; «бѣлопольскій» явно и торжественно протестуетъ о своей невинности, а между «*друзьями*» хохочетъ до упаду и всѣмъ трещитъ: «Ото, повядамъ пану, якъ ошукалемъ того дурня!... ото московскій баранъ»!... Не правда - ли, какъ красиво выходитъ! Недавно и польскій и русскій Житомиръ хохоталъ буквально до слезъ—первый, разумѣется, изъ подтишка, а второй—громко и съ примѣсью злости. Пріѣхалъ сюда одинъ честный и скромный, но пренаивный и предобродушный господинъ. Ему пустили въ глаза такую же шутиху, ослѣпили, опутали да, на радостяхъ, ввернули газетную статейку, а тотъ ее и подмахни. Между тѣмъ дѣло покупки пошло въ затяжку... Баринъ видитъ обманъ, не успѣлъ образумиться, а тутъ другой, третій, такъ что несчастный покупщикъ только за голову хватается. Вдругъ, на страницахъ одной газеты, впрочемъ не югозападной, разцвѣтаетъ его статья, въ которой онъ превозноситъ факторовъ и полвскихъ землевладѣльцевъ, увѣряя, что они такъ и рвутся продавать имѣнія, да чуть ли не русскіе, вишь, виноваты. Вотъ хохоту то было! Даже въ театръ меньше стали ѣздить,—на что, молъ, театръ: туда деньги платить надобно, а тутъ и безъ денегъ такія штуки передъ тобою выкидываютъ, что только за бока держись!

Теперь положимъ, что польскій землевладѣлецъ продалъ, наконецъ, имѣніе русскому; казалось бы дѣло конечно—такъ нѣтъ: и тутъ необходится безъ курьезовъ. Пріѣзжаетъ, напримѣръ, панъ прощаться съ громадою, послѣ продажи имѣнія: «Ну! бувайте здорови,—говоритъ онъ—я уже теперь не вашъ панъ, дай Богъ вамъ всего лучшаго»! Громада, разумѣется, любопытствуетъ знать: что за человѣкъ новый панъ? «О, добрѣйшій человѣкъ!—спѣшитъ успокоить ихъ бывшій владѣлецъ — «Ужъ я такого вамъ даю, что будете благодарить, я васъ вѣдь любилъ и дурному не отдалъ-бы». Громада *дякуетъ*, но нѣкоторые интересуются знаэъ: будетъ ли, молъ, новый баринъ платить по прежнему, напримѣръ, хоть за подводы? — «Больше дастъ, только просите — внушаетъ имъ панъ—новый владѣлецъ чудесный человѣкъ: онъ и полтора рубли не пожалѣетъ, онъ богатый да предобрый! все готовъ для васъ сдѣлать, только хорошенько просите». Послѣ такого добраго внушенія, приличнаго снича и прощальной водки, панъ у-

ѣзжаетъ, а на его мѣсто является новый владѣлецъ. Живетъ онъ себѣ въ имѣніи, да хозяйничаетъ, — вдругъ, въ одно прекрасное утро, управляющій докладываетъ, что крестьяне отказываются ставить подводы менѣе полутора рубля. Владѣлецъ рѣшаетъ такъ: если моль не хотятъ—Богъ съ ними! нужно панать постороннихъ, — и уѣзжаетъ въ Житомиръ, гдѣ и гоститъ, не чуя бѣды. А она тутъ какъ тутъ: прискакиваетъ къ нему предмѣстникъ (панъ) и съ тревожнымъ участіемъ объявляетъ, что «въ имѣніи неспокойно,—мужики бунтуютъ». Русскій, разумѣется, спѣшитъ въ деревню, гдѣ и удостовѣряется, что бунта никакого нѣтъ, а есть недоразумѣніе, источникъ котораго онъ узнаетъ только впослѣдствіи. Вотъ вамъ одинъ изъ многихъ польскихъ рецептиковъ для устройства желаемыхъ отношеній пріѣзжихъ русскихъ съ крестьянами.

Мы не говорили о партіи «краснопольскихъ», но скажемъ, что какъ она, такъ и бѣлая партія, солидарны вполнѣ только въ одномъ, а именно, во враждѣ къ Россіи. Несомнѣнно, однако же, что бразды правленія наврема перейдутъ, если не перешли ужѐ, въ руки бѣлыхъ. Всѣ вышеупомянутыя продѣлки клонятся къ тому только, чтобы затянуть дѣло и парализировать его, если не совсѣмъ, то по крайней-мѣрѣ до европейской войны, или какого-нибудь политическаго переворота, неблагопріятнаго Россіи, гдѣ и «красные» могутъ пригодиться. Покамѣстъ же можно ручаться за то, что, если р. католичество будетъ также сильно, какъ теперь, если затянется дѣло русскаго землевладѣнія и, вообще, если мы уклонимся отъ нынѣшняго, вполнѣ національнаго образа дѣйствій, то «бѣлопольскіе», черезъ 10[1]). или 20 лѣтъ непремѣнно опять какъ и въ 1863 году, подстроютъ дѣла къ бунту или къ подольской суматохѣ 1861 года.

Надѣемся, что, послѣ всего сказаннаго, никто не упрекнетъ насъ въ отптимизмѣ; но мы не желаетъ впасть и въ другую крайность. Нынѣшняя борьба русскихъ началъ съ организованною, изворотливою и неутомимою враждою, можетъ быть вдесятеро труднѣе и опаснѣе штыковой борбы 1863 года. Но, что же изъ этого слѣдуетъ? Хорошъ воинъ, который, видя вдвое, втрое сильнѣйшаго врага, опуститъ руки и уйдетъ! Главное въ томъ, что намъ нужно видѣть опасность. Въ этомъ печать представляетъ огромное пособіе. Мы одно только твердимъ, — что теперь самое удобное время бороться, потому что польская маска упала въ 1863 году, и мы увидѣли измѣну вокругъ насъ, въ нашемъ обществѣ, въ нашихъ канцеляріяхъ, въ нашемъ войскѣ— словомъ всюду. Зачѣмъ же забывать, зачѣмъ остывать? Теперь

1) Раньше, если мы предадимся оптимизму. Ред.

опять, мало помалу, надѣваются личины, опять ростутъ плевелы на русской почвѣ, опять фальшивый сантиментализмъ мнимыхъ жертвъ, мнимая покорность и беззащитность польскихъ мирныхъ собственниковъ» и проч. Какимъ же образомъ бороться?—Содѣйствовать во-первыхъ твердому и неукоснительному выполненію правительственныхъ мѣръ, потому что если-бы всѣ онѣ буквально выполнялись со временъ Екатерины II-й, то вопроса обрусенія давно-бы можетъ быть и не было. Онъ коренился на продажности, политической безнравственности и тайной измѣнѣ польской администраціи, точно также, какъ и вопросъ еврейскій. Теперь все мѣстное русское общество должно стоять на сторожѣ этихъ вопросовъ, срывать личины, распутывать и обнаруживать нити интригъ и злоупотребленій, нещадить и псевдо-русскихъ дѣятелей. Sapienti sat!—Вотъ въ чемъ борьба! Но мы стоимъ таки на своемъ и нисколько не сочувствуемъ тѣмъ, которые озабоченно и разслаблено восклицаютъ: а что если будетъ переворотъ въ правительственной системѣ? а что если администрація перемѣнится на польскій ладъ?—куда мы тогда? Припомнился намъ, при этомъ случаѣ анекдотъ про Петра Великаго, у котораго одинъ адмиралъ просилъ оффиціально: «Что если поднимается буря? куда укроется флотъ, едва сформированный? — Царь написалъ резолюцію: «окольничій Насѣкинъ свиннымъ ухомъ подавился»! Дѣйствительно, всѣхъ бѣдъ, какія могутъ случиться, не перечислишь. Между тѣмъ, вотъ уже пять лѣтъ, въ которыя хотя администрація въ западномъ краѣ и мѣнялась, даже не одинъ разъ, а система не мѣняется. Отчего не оглянуться назадъ, не посмотрѣть на то, что уже сдѣлано и не утѣшить себя (не говоримъ усыпить) хорошими результатами, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что называется, намотать на усъ пробѣлы и промахи. Это можетъ поощритъ къ новой борьбѣ и отрезвить во многомъ.

(Вол. Губ. Вѣд.)

О ЧИСЛѢ ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНІЙ, ПОЛУЧАЕМЫХЪ ВЪ ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Считаемъ не лишенными интереса помѣщаемыя ниже свѣдѣнія о числѣ періодическихъ изданій (преимущественно газетъ), полученныхъ, въ 1867 г., чрезъ почтовыя конторы Волынской губ.

Сѣверная Почта выписывалась въ числѣ — — —	84 экз.
Journ l de St.-Petersbourg — — — — — — —	8 —
Судебный вѣстникъ и сенатскія вѣдомости — —	30 —
Русскій Инвалидъ — — — — — — — — —	45 —

Солдатская бесѣда и чтеніе — — — — — —	63 —
Биржевыя вѣдомости — — — — — — —	38 —
Собраніе распоряженій по м-ву финансовъ — — —	94 —
Земледѣльческая газета, и труды В. Э. Общества —	6 —
Промышленная газета — — — — — — —	2 —
Медицинскихъ газетъ и журналовъ — — — —	10 —
Семейные вечера, воскресное чтеніе, домашняя бесѣда	21 —
Другъ народа, народный голосъ, народ. газета и мірской вѣстникъ — — — — — — — —	127 —
Сынъ Отечества — — — — — — — —	121 —
Вечерняя газета — — — — — — — —	35 —
Иллюстрированная газета — — — — — —	16 —
Русскій базаръ, модный магазинъ, ваза, моды и новости, русскій ремесленникъ — — — — — —	63 —
Искра, будильникъ, развлеченіе — — — — —	17 —
Музыкальныхъ журналовъ — — — — — —	5 —
Одесскій вѣстникъ, рижская газета — — — —	9 —
Вѣстникъ Западной Россіи — — — — — —	16 —
Кіевскій телеграфъ — — — — — — —	153 —
Кіевлянинъ — — — — — — — — —	67 —
Московскія вѣдомости — — — — — — —	70 —
Москва — — — — — — — — — —	50 —
С.-Петербургскія вѣдом. на Русскомъ языкѣ и на нѣмецкомъ	2 —
Голосъ — — — — — — — — — — —	46 —
Современный листокъ — — — — — — —	11 —
Русскія вѣдомости — — — — — — —	22 —
Вѣсть *) — — — — — — — — —	475 —
Польскихъ газетъ — — — — — — —	448 —
Еврейскихъ газетъ — — — — — — —	19 —
Иностранныхъ — — — — — — — —	83 —

Какъ видно изъ приведеннаго списка, въ Волынской губерніи много получается польскихъ и иностранныхъ газетъ.—Это явленіе на столько естественно, какъ полученіе въ центральныхъ губерніяхъ во-множествѣ московскихъ, петербургскихъ и др. русскихъ газетъ и журналовъ, потому что здѣшнее помѣщичье населеніе состоитъ въ огромномъ большинствѣ изъ поляковъ. Изъ Русскихъ-же изданій особенно много распространена газета «Вѣсть», преимущественно въ той же средѣ. Сочувствіе поляковъ къ «Вѣсти» доходитъ у насъ до того, что, напримѣръ, изъ Фасовской почтовой станціи, помѣщикъ Мяновскій получаетъ 48.

*) Мы не понимаемъ, какъ и почему на подобный фактъ не обратятъ серьознаго вниманія.

Ред.

Цихоцкій и Влодковскій по 96-я экземпляровъ каждый. Не только десятками, но и по нѣсколько экземпляровъ—никто въ губерніи другихъ русскихъ газетъ не выписываетъ, кромѣ помѣщика Шаулинскаго, получающаго изъ тойже станціи 144 экземпляра «Кіевскаго Телеграфа». Нѣтъ основанія предполагать, чтобы «Вѣсть» была популярна въ Волынской губ. болѣе, чѣмъ въ остальныхъ Западныхъ губерніяхъ. Еслиже и въ другихъ западныхъ губерніяхъ она выписывается, предположимъ, въ такомъ-же числѣ экземпляровъ, какъ у насъ, то становится понятнымъ, почему редакція Вѣсти, получая, за сочувствіе польскимъ интересамъ, до 43,000 руб. сереб., считаетъ здѣшнихъ чиновниковъ, служащихъ русскому дѣлу «босоногими патріотами».

Не дѣлая ни какихъ выводовъ, изъ представленнаго перечня газетъ, о господствующемъ направленіи мѣстнаго образованнаго населенія, предоставляемъ объ этомъ судить читателямъ.

(Вол. Губ. Вѣд.)

ПИСЬМА ИЗЪ ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦІИ ВЪ 1867 г.

I.

Когда галицкій горецъ остановится на бескидскомъ верху Карпатъ и, окинувъ своимъ взоромъ безпредѣльную долину, разостланную отъ подошвы горъ, какъ разноцвѣтный коверъ, на сѣверъ и сѣверо-востокъ, спроситъ самъ себя: какія земли такъ хороши, какой царь ихъ держитъ и какія люди тамъ живутъ? И, призадумавшись, изъ своего народнаго преданія, чистаго какъ вѣчно журчащіе источники его горъ, добудетъ онъ свой политическій догматъ, говорящій что все—горы, рѣки, кедровые лѣса и необозримая земля—принадлежитъ Богу, Русскому Царю и народу русскому. Откуда взялось это преданіе у нашего горца и у подолянина?—неразгаданный вопросъ. Въ концѣ концовъ, оно живетъ въ его памяти, и толкуй ему что хочешь, онъ не вѣритъ, а вѣритъ свое, что Русскій Царь желаетъ *православному міру добра*, ляхи и нѣмцы портятъ всякое благое дѣло. По той причинѣ такъ *зле на свѣтѣ*. Народъ правъ въ своемъ сужденіи. Не кто иной какъ одни ляхи, съ ополяченными нѣмцами-католиками, истребляютъ еще въ зародышѣ духовное и матеріальное благосостояніе галицко-русскаго народа, который ищетъ и ищетъ защиты отъ своего бѣдствія то въ Вѣнѣ, то въ львовской администраціи и, не доискавшись ея, припоминаетъ свою давнюю быль о Царѣ Русскомъ, о русскихъ земляхъ и ихъ могуществѣ. Ударь лишь слегка въ эту струну его души событіями изъ новой исто-

ріи русской державы, и онъ отзовется неожиданно, съ полнотою силъ. Знаютъ то и понимаютъ очень хорошо враги Руси и бѣшено клевещутъ въ настоящее время на Русскаго Царя и Россію. Довѣріе народа къ австрійскому правительству подорвали, чтобы довести народъ до мысли о Польшѣ. Чего опасались, то между народомъ и развилось. Онъ не можетъ и подумать, что польская Рѣчь Посполитая могла существовать подъ предводительствомъ тѣхъ пановъ, которыхъ онъ хваталъ во время каждаго возстанія и держалъ подъ строгимъ карауломъ. Онъ слышитъ, что ляхи злобятся на Русскаго Царя и на Русь, и толкуетъ то по своему. Польская партія безсознательно пропагандируетъ въ пользу Россіи, которая хоть бы посыпала полною рукой рублями, не достигла бы больше того, что дѣлаютъ въ пользу ея польскіе емиссары — навязываньемъ своей политическо-развратной вѣры: народъ противопоставляетъ ей свой твердый политическій догматъ о Русской землѣ, могуществѣ Русскаго Царя и его благотвореніяхъ православному міру. Всѣ ляцкія политическія письма служатъ поводомъ къ насмѣшкѣ нашему народу. «*Возьми и сожги эту ляцкую брехню*», зашумѣли крестьяне въ Долинѣ (городокъ Стрыйскаго уѣзда), зайдя въ корчму, гдѣ имъ читалъ полякъ-мѣщанинъ брошюру на москалей и московскаго Царя, «*иначе*,— продолжали наши люди, — мы *тебя сожжемъ, если проболтнешь еще слово на Царя и россіянъ*». Началась ссора, и ляцкіе агитаторы отошли съ синяками. Такія сцены нынѣ у насъ въ восточной Галиціи не рѣдкость. Въ деревнѣ Подпечоры, уѣзда Станиславскаго, довольно зажиточный крестьянинъ посылалъ своего сына въ гимназію; мальчикъ попался въ польскій домъ и, наслышавшись польской болтовни, сталъ говорить, что онъ и его отецъ—поляки, и когда прибылъ въ родительскій домъ, твердилъ то же и хулилъ все русское. «*Не дамъ тебя болѣе въ ляцкія школы*», сказалъ отецъ; «*у меня лучшая для тебя школа; ты будешь за пять дней опять тѣмъ, къ чему родился*». Крестьянинъ сдержалъ свое слово, и его мальчикъ уже пришелъ въ разумъ. Крестьяне наши, учреждая сельскія школы вездѣ въ восточной Галиціи, остерегались ополяченья своихъ дѣтей. «*Лише хорони Боже учити нашихъ дѣтей якъ ляховъ, которы нечого не знаютъ, развѣ бунтоватись*». Такова стереотипная фраза нашихъ крестьянъ. Польская партія употребляетъ всѣ средства, чтобы вырвать народныя школы изъ-подъ управленія русскаго духовенства и его консисторій, хотя изъ польскихъ помѣщиковъ едва десять на всю восточную Галицію поддерживаютъ школу, въ своемъ помѣстьи, и хотя наши крестьяне вездѣ учредительными грамотами подчинили на вѣчныя времена свои школы русскимъ духовнымъ властямъ. Польская пар-

тія, разсчитывая на свою литературу, думаетъ посредствомъ ея подбить нашъ народъ. Нѣмцы помогаютъ ей очевидно. «*Еслибы въ цѣлой Галиціи жилъ польскій народъ, Россія не была бы намъ опасна*, говорятъ намъ нѣмцы явно; *мы ошиблись или, лучше сказать, галицкіе руссы насъ обманули, Мы не знали исторіи Галиціи, теперь же, вчитавшись въ нее, видимъ, что этотъ край—истинная Россія* (wahres Russland)». Что-жь, мы виноваты развѣ, что никто прежде не учился нашей исторіи? Еще болѣе убѣдятся въ русскомъ характерѣ нашей области, когда познакомятся съ нимъ въ этнографическомъ отношеніи, и лучше бы сдѣлали, когда бы позволили намъ быть тѣмъ, чѣмъ мы быть должны, нежели угнетать народъ, безъ того натерпѣвшійся. Намъ могутъ надѣлать вреда, могутъ казнями и коварствами запугать нѣкоторыхъ изъ малодушныхъ, а другихъ привести къ молчанію, но все это не уничтожитъ насъ и духа народнаго не убьетъ. Мы это навѣрно знаемъ; однакожъ, сердце наше сжимается, когда вездѣ и всегда утверждаютъ, что мы очень счастливы, что намъ не дѣлаютъ ни малѣйшаго зла, и что только московско-святоюрская партія испускаетъ несправедливые вопли. Но этотъ вопль раздается изъ груди русскаго народа по сей и другой сторонѣ Карпатъ!

Галицкое чиновничество, въ настоящую пору, послѣ организаціи политической, состоящее изъ однихъ поляковъ или приверженцевъ польской идеи нѣмцевъ, хлопочетъ безпрерывно, какъ бы вырвать русскій народъ изъ-подъ вліянія поповъ и поповичей. Опять идутъ они тѣмъ самымъ путемъ, какъ десять лѣтъ тому назадъ. Кричатъ, что наше духовенство подготовляетъ народъ для москалей и возмущаетъ противъ Габсбурговъ; а русское духовенство не молчитъ и тоже себѣ кричитъ: *подайте доказательства*. Во многихъ мѣстахъ у русскихъ приходскихъ священниковъ произвели полицейскую ревизію, и хотя ничего не найдено, даже малѣйшаго слѣда заговора, все-таки пускаютъ между народомъ вѣсти о существующемъ заговорѣ въ пользу русской державы. Что-жь изъ этого выходитъ? Крестьяне опять толкуютъ по-своему и утверждаютъ: *что если попы въ заговорѣ, то они, какъ разумнѣйшіе, хорошо знаютъ, гдѣ и съ кѣмъ русскому народу лучше*. Въ галицкихъ епархіяхъ обязано духовенство каждаго уѣзда собираться въ какомъ-нибудь приходѣ четыре раза въ годъ на пастырскія совѣщанія, а какъ въ этихъ собраніяхъ всегда и народныя дѣла обсуждались и еще донынѣ обсуждаются, то Голуховскій приказалъ начальникамъ уѣздовъ доставлять въ губернскія управленія рапорты обо всемъ, что они могли узнать о собраніяхъ русскаго духовенства. Тѣмъ онъ подаетъ польскому чиновничеству средство составлять клеветы раз-

личнаго рода на наше духовенство, и эти клеветы всегда обнаруживаются въ духовныхъ коммиссіяхъ. Благоразуміе и опытность галицко-русскаго духовенства не дозволяютъ и самымъ лютѣйшимъ врагамъ изловить его на противозаконномъ дѣлѣ. Какой будетъ конецъ этого насилія и утнетенія галицкой Руси—вѣдаетъ одинъ Богъ.

Соломина.
(Москва).

ГОЛОСЪ ПРАВОСЛАВНАГО СВЯЩЕННИКА.

Въ 111 № «Виленскаго Вѣстника» помѣщена корреспонденція изъ Минска, авторъ которой, наговоривъ много неправды, бросаетъ тѣнь на образъ дѣйствій мѣстнаго духовенства и отношенія онаго и къ вызваннымъ на наставническія должности великорусскимъ семинаристамъ, и вообще ко всѣмъ новоприбывшимъ русскимъ людямъ. Корреспонденція эта, кромѣ того, что изобилуетъ неприличными фразами, затрогиваетъ притомъ интересы православнаго бѣлорусскаго духовенства, странныя выходки противъ котораго не могутъ быть оставлены безъ отвѣта и возраженій. Авторъ корреспонденціи изъ Минска опровергаетъ маленькую статейку, помѣщенную въ 123 № «Москвы,» въ которой высказано было мнѣніе многихъ сельскихъ священниковъ, что «для обрусѣнія здѣшняго сельскаго населенія было бы весьма полезно вызвать сюда, на особенныхъ льготахъ и поселить, хоть по нѣсколько семей на каждую волость, крестьянъ изъ внутреннихъ великороссійскихъ губерній.» Въ той же статейкѣ сдѣланъ намекъ, что «несовсѣмъ довольны вызванными изъ великороссійскихъ губерній на должности наставниковъ народныхъ училищъ семинаристами, за то, что пріѣзжіе педагоги сразу становились съ сельскимъ населеніемъ и съ мѣстнымъ духовенствомъ въ непріязненныя отношенія, осмѣивая укоренившіеся временемъ въ бѣлоруссахъ обычаи и осуждая духовенство за всякое отступленіе отъ церковныхъ обрядовъ, существующихъ въ великороссійскихъ гуреpніяхъ.» Корреспондентъ «Виленскаго Вѣстника,» какъ по всему видно, и самъ прирадлежащій къ числу прибывшихъ на наставническія должности, взялся опровергнуть заявленное въ «Москвѣ» мнѣніе о наставникахъ.

Прежде всего авторъ позволяетъ себѣ неумѣстно подшучивать надъ «разсказами многихъ сельскихъ священниковъ» и положительно утверждаетъ, что «сплошь и рядомъ голоса эти говорятъ то, чего сами не понимаютъ,..» Объявить такой странный при-

говоръ противъ цѣлаго сословія, или общества,—болѣе чѣмъ не умѣстно. Далѣе, принимая на себя роль публициста, авторъ глубокомысленно доказываетъ неумѣстность водворенія здѣсь великорусскихъ крестьянъ и толкуетъ, что велико-русскій крестьянинъ «совершенно непохожъ на русскаго крестьянина и что отъ такого переселенія не будетъ проку.» Авторъ по своей дальновидности даже предвидитъ, что великорусскіе крестьяне, переселившись сюда, будутъ здѣсь жить «въ чистыхъ и опрятныхъ избахъ, будутъ имѣть довольно скотинки, заниматься хлѣбопашествомъ по своему; земледѣльческія орудія у нихъ будутъ лучше, чѣмъ у здѣшнихъ мужиковъ» *) и т. п. Если великорусскіе крестьяне могутъ найдти здѣсь всѣ удобства къ деревенской жизни, въ такой степени, что въ состояніи будутъ жить въ чистыхъ избахъ, имѣть довольно скота и улучшенныя земледѣльческія орудія и проч., то что же помѣшаетъ имъ воспользоваться здѣсь гостепріимствомъ нашего края, водвориться въ немъ, такъ чтобы здѣшняя жизнь была имъ не въ тягость,—тѣмъ болѣе, что здѣсь все русское, все для нихъ родное? Будто у насъ мало великорусскихъ крестьянъ, мѣщанъ и разнаго рода торговцевъ, которые, прибывъ въ здѣшній край и свыкшись съ обычаями здѣшней страны, поселились здѣсь навсегда и нимало не думаютъ тужить по оставленной родинѣ. Почему-же великорусскому крестьянину не ужиться съ бѣлорусскимъ? Ихъ связываетъ одна вѣра, одинъ языкъ, однѣ историческія преданія, почти одни и тѣ же народные обычаи, словомъ,—потребности и вся жизнь общественная и частная у тѣхъ и другихъ если не совсѣмъ однѣ и тѣ же, то покрайней мѣрѣ родственны. Съ нашими бѣлорусскими крестьянами не могутъ только уживаться пришельцы имъ чуждые: такъ, замѣчается, что вызванные здѣшними помѣщиками колонисты изъ Познани и другихъ онѣмеченныхъ польскихъ провинцій, не могли свыкнуться съ здѣшнимъ населеніемъ потому, что они здѣсь не свои,—у нихъ и вѣра, и языкъ, и обычаи показались здѣшнимъ крестьянамъ чуждыми. Но великорусскій крестьянинъ у насъ свой, и крестьяне бѣлоруссы смотрятъ на него, какъ на своего брата. Посмотрите на отношенія нашихъ

*) Кстати здѣсь замѣтить, что слово мужикъ есть выраженіе презрѣнія къ простому народу, равносильное и тождественное эпитету скотъ, созданному польскою шляхтою, чтобы клеймить имъ деревенскій людъ—крестьянъ. Непонятно, почему минскій корреспондентъ называетъ крестьянъ великорусскихъ—крестьянами, а здѣшнихъ—мужиками. Кажется, что именованіе крестьянъ мужиками должно было бы прекратиться вмѣстѣ съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права. Авт.—Напрасно почтенный авторъ такъ думаетъ. Слово мужикъ [происходящее отъ мужа] ничего презрительнаго въ себѣ не имѣетъ: великорусскіе крестьяне сами себя называютъ мужиками, этимъ же именемъ называютъ ихъ и жены («мой мужикъ,» говорятъ онѣ). Ред.

крестьянъ къ великорусскимъ, прибывающимъ сюда по разнымъ промысламъ и заработкамъ, и вы подивитесь взаимному между ними сближенію и довѣрію. Мы такъ же несогласны съ убѣжденіемъ корреспондента, что великорусскій крестьянинъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ будетъ неопустительно ходить въ церковь и слѣдить здѣсь за нѣкоторыми отступленіями отъ обрядовъ. Мы полагаемъ, что здѣшній крестьянинъ, при всей безотрадности нравственныхъ началъ, неблагопріятно сложившихся для него подъ вліяніемъ историческихъ судебъ края, едва ли не поусерднѣе къ церкви крестьянина великорусскаго. Авторъ корреспонденціи главнымъ преткновеніемъ для великорусскаго крестьянина въ здѣшнемъ краѣ поставляетъ какія-то непонятныя намъ отступленія отъ церковныхъ правилъ и обрядовъ; онъ даже влагаетъ въ уста великорусскаго крестьянина что-то въ родѣ морали, которою тотъ долженъ поставить втупикъ здѣшняго священника. Для каждаго православнаго священника, гдѣ бы онъ ни былъ,— въ Сѣверо-Западномъ ли краѣ, въ великороссійскихъ или малороссійскихъ губерніяхъ, и хотя бы на самыхъ отдаленныхъ окраинахъ Россіи,—вездѣ уставъ одинъ и тотъ же, однѣ и тѣ же богослужебныя книги, одни и тѣ же обряды, одно и то же богослуженіе. Присмотритесь хорошенько, г. корреспондентъ, къ здѣшнему богослуженію, побывайте въ любой церкви,—городской или сельской, въ какомъ бы ни было, даже самомъ глухомъ захолустьѣ, и вы нигдѣ не усмотрите воображаемаго вами отступленія отъ устава и общецерковныхъ обрядовъ. Конечно, у насъ вы не найдете поручнаго въ храмѣ сбора, обычая непомѣрнаго по приходу хожденія, съ цѣлью славить Христа, въ нѣкоторые праздники, и нѣкоторыхъ другихъ церковныхъ обрядностей, которыя хотя и соблюдаются въ какомъ нибудь великорусскомъ селѣ, или положимъ тамъ, откуда г. корреспондентъ родомъ; но эти обряды и обычаи должны оставаться мѣстными и никакъ не слѣдуетъ навязывать ихъ непремѣнно нашему краю; они у насъ были бы неумѣстны, какъ были бы и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они не введены. Мы вполнѣ увѣрены, что великорусскій крестьянинъ, если бы онъ поселился здѣсь, понялъ бы вѣрнѣе свои отношенія къ православному священнику, чѣмъ понимаетъ ихъ корреспондентъ, и относился бы нему съ тѣмъ же уваженіемъ, съ какимъ вообще относится къ своимъ пастырямъ весь бѣлорусскій православный народъ. Если г. корреспонденту кажется, что здѣшніе священники «вообще стоятъ гораздо далѣе отъ своихъ прихожанъ, чѣмъ священники великорусскихъ и малорусскихъ губерній,» то это происходитъ просто отъ непониманія имъ взаимныхъ отношеній, сложившихся подъ вліяніемъ уваженія и довѣрія народа къ своимъ священникамъ, отстоявшимъ здѣсь православіе и права русской

народности, бывшія подъ гнетомъ вѣковаго насилія и крайне враждебныхъ элементовъ; напротивъ, всѣ прибывшіе въ край единогласно утверждаютъ, что священники здѣсь стоятъ гораздо выше въ общественномъ мнѣніи, чѣмъ священники великорусскіе *), а нравственное вліяніе ихъ на народъ не требуетъ коментаріевъ,— оно оцѣнено всемилостивѣйшимъ вниманіемъ и рескриптомъ Государя Императора, засвидѣтельствовано высшимъ начальствомъ и сознано общественнымъ мнѣніемъ всей Россіи.

Далѣе, говоря о томъ, что «здѣшніе священники не совсѣмъ довольны вызванными на наставническія должности семинаристами,» г. корреспондентъ замѣчаетъ, что «не одними наставниками здѣсь недовольны, а всѣми вообще вновь прибывшими, потому что всѣмъ не нравится тотъ лоскъ, которымъ покрыты всѣ здѣшнія жизненныя формы.» На это отвѣчаемъ: относительно наставниковъ— иными довольны, иными не довольны. Священники, по своему званію, какъ представители религіозныхъ интересовъ въ краѣ, поставлены главными блюстителями нравственно религіознаго преуспѣянія народныхъ школъ и болѣе другихъ должны сочувственно, съ пастырскою любовію, относиться и относятся къ народнымъ училищамъ и наставникамъ оныхъ. Но можно ли было отнестись сочувственно къ тѣмъ, которые, на первыхъ порахъ своей наставнической дѣятельности, успѣли заявить себя съ весьма невыгодной стороны, какъ по своимъ нравственнымъ качествамъ, способностямъ и познаніямъ, такъ и по отсутствію охоты къ трудолюбію и усердія къ выполненію своихъ обязанностей, возложенныхъ на нихъ довѣріемъ русскаго общества и вызвавшаго ихъ начальства. Отъ такихъ учителей едва ли можно надѣяться добраго ученія и едва ли можно относиться къ нимъ сочувственно. Мы знаемъ г. М., одного изъ прибывшихъ наставниковъ, въ селѣ Пр—ахъ, Минскаго уѣзда, который, желая устранить вліяніе священника на довѣренную ему мировымъ посредникомъ школу, запиралъ дверь училища, когда видѣлъ священника идущаго въ оное, по обязанности законоучителя и наблюдателя, и священникъ, во избѣжаніе скандала, долженъ былъ вовсе отказаться отъ законоучительской должности. Такія и тому подобныя отношенія прибывшихъ наставниковъ къ священникамъ встрѣчались не въ одномъ мѣстѣ и не въ одномъ уѣздѣ. Но съ другой стороны, мы знаемъ наставниковъ и отличныхъ, вполнѣ благонадежныхъ, у-

---

*) Долгомъ считаемъ засвидѣтельствовать, что общественное мнѣніе въ остальной Россіи теперь совершенно иначе относится къ духовенству, чѣмъ 10—15 лѣтъ тому назадъ, и что великорусское духовенство вполнѣ теперь этого заслуживаетъ. Ред.

сердныхъ и вполнѣ понимающихъ свое дѣло, которые съ духовенствомъ живутъ дружно,—которые къ сердцу приняли стремленія здѣшняго народа къ образованію, энергично и разумно взялись вести и ведутъ дѣло ученія какъ нельзя лучше, заслуживъ довѣренность крестьянъ и уваженіе къ себѣ мѣстнаго духовенства;—это мы заявляемъ категорически, во всеуслышаніе, чтобы не толковали и другіе, какъ толкуетъ минскій корреспондентъ, будто здѣшніе священники *вообще* недовольны прибывшими наставниками.

То, что мы сказали о наставникахъ, относится и ко всѣмъ, вновь прибывшимъ. Бѣлорусское духовенство и вообще здѣшнее православное населеніе смотрятъ на прибывшихъ великоруссовъ, какъ на представителей въ нашемъ краѣ не только русскаго, но и православно русскаго элемента, которые не только должны быть сами вполнѣ и искренно проникнуты русскими вѣрованіями, русскими стремленіями и русскими задачами въ семъ краѣ, но и быть насаждателями и производителями этихъ началъ, выясняя оныя практическою своею дѣятельностью. Въ образѣ ихъ жизни и общественныхъ отношеній должна осязательно отражаться идея православія и русской народности,—должно живо и искренно высказываться сочувствіе къ русскому дѣлу, къ православно-русскимъ интерессамъ; нашъ взглядъ—общій и всего этого мы вправѣ ожидать отъ прибывшихъ сюда великоруссовъ. Но когда бросаются въ глаза нѣкоторыя явленія обратнаго свойства; когда мы замѣчаемъ нѣкоторыя странности прибывшихъ русскихъ людей, или узнаемъ, что они смотрятъ на насъ, тоже русскихъ, но здѣшнихъ уроженцевъ, недовѣрчиво, если даже не непріязненно; когда случается увидѣть, что иной великоруссъ не протянетъ руки священнику, когда тотъ по обычаю православному желалъ бы благословить его; когда приходится болѣзненно слушать отъ великорусскаго чиновника слишкомъ либеральныя сужденія и доктрины о православіи, или видѣть неприличную его позу въ церкви во время богослуженія; когда прибывшему въ волостное правленіе великорусскому чиновнику, или мировому посреднику, на страстной седмицѣ, подаютъ, сунъ, и жаркое и «русскій дѣятель» не вмѣру насыщается этими яствами: то, конечно, всякъ видящій и все сіе разумѣвающій по неволѣ зажмуритъ глаза и скажетъ: «вѣроятно, это не русскій!» Какъ угодно судите, а такіе господа, хоть бы они прибыли сюда изъ самаго сердца Россіи, здѣсь намъ не по сердцу, и при многихъ другихъ недостаткахъ, *о нихъ же не лѣть есть и глаголати*, здѣсь не совсѣмъ терпимы: пора это сказать прямо и откровенно. Но изъ-за этихъ ли господъ, которые по большей

части, по волѣ начальства возвратились уже во свояси, намъ русскимъ,—прибывшимъ и здѣшнимъ уроженцамъ, враждовать между собою? Нѣтъ, мы вовсе не склонны къ враждѣ; мы не замѣчаемъ даже этой вражды; мы любимъ и почитаемъ прибывшихъ сюда тѣхъ «дѣятелей великоруссовъ,» которые съ достоинствомъ исполняютъ свое призваніе. Мы готовы даже заимствовать отъ нихъ все то, что для насъ и для дѣла русской народности необходимо и полезно. Но при всемъ томъ и они съ своей стороны недолжны же чуждаться того лоска, который усвоенъ здѣшнему краю его историческими судьбами и обычаями, и который ни мало не можетъ поколебать благодѣтельныхъ началъ, предначертанныхъ волею Государя Императора, нуждами края и общественнымъ мнѣніемъ всей Россіи.

Минскій корреспондентъ, разрѣшая вопросъ неудовольствія священниковъ къ прибывшимъ наставникамъ, говоритъ: «наставники поставлены и съ духовенствомъ, и съ крестьянствомъ лицомъ къ лицу: на ихъ долю выпала двойная борьба». Но справедливо ли это, пусть судитъ теперь читатель. Мы признательно благодарны г. редактору «Виленскаго Вѣстника» за его оговорку, противопостановленную этой мысли минскаго корреспондента, какъ равно и за всѣ три замѣтки г. редактора, поставленныя подъ тремя столбцами разбираемой нами статьи. Нѣтъ, г. корреспондентъ, борьба вамъ предстоитъ съ невѣжествомъ, необразованностью, пороками и предразсудками, вездѣ и во всѣхъ, а не съ крестьянствомъ и духовенствомъ. Не вражды здѣсь ищите; но, чрезъ посредство школы, утверждайте взаимную между населеніемъ связь, скрѣпляйте братское чувство. Духовное, моральное единство между нами такъ необходимо, что мы должны стремиться къ упроченію его всѣми силами, всей глубиною нашего сердца.

Источникомъ неудовольствія священниковъ къ наставникамъ минскій корреспондентъ полагаетъ 150 рублей наставническаго жалованья, которые, будто бы, отдаются пріѣхавшимъ семинаристамъ предпочтительно предъ священниками, привыкшими, по словамъ корреспондента, соединять съ должностью наставника свои личные интересы. Рядомъ съ этимъ авторъ поставляетъ вопросъ—чья дѣятельность полезнѣе въ училищѣ, священниковъ или пріѣхавшихъ семинаристовъ, и разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу послѣднихъ; онъ даже видитъ вредъ отъ совмѣщенія должности наставника въ лицѣ священника и говоритъ, что знаетъ примѣры, гдѣ священники только носятъ названіе наставниковъ, а должность эту исполняютъ или причетники, или «подобные имъ грамотѣи»; знаетъ также примѣры въ Бѣлоруссіи, что для требоисправленій по своимъ приходамъ священники назначаютъ из-

вѣстные дни, такъ крещеніе младенцевъ совершается только по субботамъ». Жаль, что корреспондентъ не узналъ еще, что браки въ Бѣлоруссіи обыкновенно совершаются въ воскресные и праздничные дни, а то, вѣроятно, и этимъ фактомъ онъ воспользовался бы въ подкрѣпленіе своихъ сужденій о духовенствѣ. Ни одинъ изъ священниковъ не можетъ назначить неизмѣннымъ правиломъ извѣстный день для требоисправленія, тѣмъ болѣе для таинства крещенія, которое обусловливается разными случаями и разными днями, но не однимъ днемъ въ недѣлѣ; если бы священникъ и захотѣлъ (что невѣроятно) назначить прихожанамъ, для такой надобности какъ крещеніе младенцевъ, одинъ извѣстный день, прихожане, конечно бы, его не послушали или принесли куда слѣдуетъ жалобу. Но такихъ примѣровъ ни гдѣ не было и быть не можетъ. Дѣло въ томъ, что бѣлорусскій крестьянинъ, во время крѣпостнаго права шесть дней работавшій въ пользу своего помѣщика, только и имѣлъ возможность соблюсти обряды своей вѣры въ дни праздничные и воскресные, и для окрещенія младенцевъ могъ пригласить воспріемниковъ только послѣ возвращенія ихъ отъ экономическихъ работъ, которыя оканчивались къ вечеру въ субботу. Отъ этого почти повсемѣстно сложилась привычка у крестьянъ крестить новорожденныхъ младенцевъ по субботамъ, въ вечернее время, на канунѣ воскреснаго дня. Этотъ обычай, утвердившійся временемъ, и по настоящее время упорно соблюдается, не смотря на всѣ старанія со стороны приходскихъ священниковъ. Отъ совмѣщенія въ одномъ лицѣ двухъ должностей не можетъ страдать ни та, ни другая: инструкціею народнымъ учителямъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ (ст. 24 примѣчаніе) вмѣнено наставникамъ, священникамъ имѣть способныхъ и благонадежныхъ помощниковъ, и при такомъ порядкѣ вещей, при личномъ контролѣ и неусыпной заботливости наставника—священника, подкрѣпленной неопустительною дѣятельностью его благонадежнаго помощника, дѣло обученія идетъ успѣшнѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ подвизаются наставники свѣтскіе, или изъ прибывшихъ семинаристовъ, которые, какъ дознано опытомъ, не скоро пріобрѣтаютъ педагогическій навыкъ вести дѣло народнаго воспитанія и не обходятся безъ употребленія пріемовъ схоластическихъ. Въ отчетѣ по управленію минскою дирекціею народныхъ училищъ за 1866 годъ, мы находимъ многія статистическія данныя, служащія къ подкрѣпленію нашего мнѣнія: такъ изъ числа лучшихъ училищъ, которыя обязаны своими успѣхами благоразумной и неутомимой дѣятельности наставниковъ, означено въ семъ отчетѣ: училищъ, состоящихъ въ вѣденіи наставниковъ - священниковъ и одного діакона 20, въ вѣденіи здѣшнихъ и одного молодечнянскаго семинаристовъ—9 и въ вѣденіи прибывшихъ великорусскихъ

семинаристовъ—6 (стр. 21 и 22); изъ числа училищъ, отличившихся устройствомъ пѣвческихъ хоровъ, въ семъ же отчетѣ показано: состоящихъ въ вѣденіи наставниковъ - священниковъ и одного діакона училищъ 7, въ вѣденіи здѣшнихъ и одного молодечнянскаго семинаристовъ—4, въ вѣденіи прибывшихъ великорусскихъ семинаристовъ—1 (стр. 17 и 18). Всѣ эти несомнѣнныя данныя, показанныя въ отчетѣ, на основаніи наблюденія инспекторствующихъ лицъ, краснорѣчиво говорятъ въ пользу наставниковъ—священниковъ.

Священникъ I. Янушевскій.

сксь перес
спи
изъться съ
гиуна: „
тѣ:
и овать:
ворс
ниkъ"
я жич
на 18
изс по
рѣ 6
нут «В
и ется
стей о—
нѣс
оло
I
и з
ніе
еми
бе

СПИ"

ІАДНОЙ
Стр. 1.—
нгушки,

ВНЫХЪ
Өеодору
и Пят-
енскимъ
павлов-
оны на
г. 1571 г.
гочномъ
церкви
церкви.
у, чтобы
щество.
ской съ

ской пересылкою во всѣ го-
спи
изъ ться съ своими требованія-
гих ла: „Вѣстникъ за-
тѣх
и ровать: редактору-издателю
ворскому, *въ Вильну.*
никъ" за *истекшіе* годы
я жителей Вильны, по 5
на 18⁶³/₆₄ годъ—для пер-
изс по 7 руб., за 18⁶⁴/₆₅,
рѣ, о 6 руб., для послѣднихъ
нут «Вѣстникъ, за *истекшіе*
и ется 5% уступки въ цѣ-
сте %—100,—20%.
мѣс
оло

. Говорскій.

и з
ніе
емы

берискаго Правленія.

нія въ
пкова.

книгъ.

овъ, въ

храма
щеніе
г. Коб-
костола.
щеніе
священія
гр. 47.
западной
оберъ-
гр. 56.—
замѣтка.
ой учеб-
тр. 72.—
поль-
Русскихъ
въ изда-
восточной
р. 92.

ЖАНІЕ 1-ой КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ"
ЗА 1868 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.